ISSN 2560-3752 (Online)

АСПЕКТ

ЖУРНАЛ ЧАСОПИС
социальных и гуманитарных наук
друштвене и хуманистичке науке

Память в назидание

1917-2017

Памћење за опомена

№ 1(5)
2018

БЕОГРАД - МИНСК

BELGRADE - MINSK

ASPECT

АСПЕКТ № 1(5) 2018

Журнал социальных и гуманитарных наук

Память в назидание / 1917-2017 / Памћење за опомена

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ СТОЛЕТИЮ НАЧАЛА ПОДВИГА НОВОМУЧЕНИКОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

- ⇒ Гронский А.Д. « Революции, традиции и революционные традиции» - стр. 3
- ⇒ Соколов А.В. «Православная церковь и политика в России в 1917 году» - стр 11
- ⇒ Воробьев А.А «Повседневная деятельность православных священников северо-западных губерний России в революционном 1917 г.» - стр 21
- ⇒ Слесарев А.В. «Гомельская православная епархия в эпоху массовых антирелигиозных гонений (1922-1939)» - стр 24
- ⇒ Мелехова Г.Н. «Мои убеждения — <Вера> в Бога». Судьба каргопольского монаха-белоруса». - стр 38
- ⇒ Сомов С.Э. «Царская семья: этапы восхождения на «Голгофу» - стр. 53
- ⇒ Миронович А.В. «Неоуния во Второй Речи Посполитой» - стр. 58
- ⇒ Jarosław Charkiewicz (Ярослав Харкевич) «Polskie losy świętych hierarchów z „Soboru nowych męczenników i wyznawców Cerkwi Rosyjskiej” (Польские судьбы святелей из «Собора новомучеников и исповедников Русской Церкви»)» - стр . 64
- ⇒ Кальчибо М.М. «Неизвестные страницы из жизни мучеников, пострадавших за веру в Чериковском р-не Могилевской области» - стр. 76
- ⇒ Священник Алексий Хотеев. «Рецензия: Ярослав Харкевич. Святые Православной Церкви в Польше» - стр. 83

СВЕДЕНИЯ О ЖУРНАЛЕ «АСПЕКТ» - стр. 86

Международное научное электронное издание

Издается совместно:
- Центар академске речи
(Београд-Шабац, Сȓбија) www.carsa.rs
- Научно-просветительский проект
"Западная Русь"
(Минск) http:// apadrus.su

Редакционный совет:

Александр Гегальчий (Прага)
Александр Гронский (Минск)
Александр Киселев (Минск)
Анатолий Аврутин (Минск)
Валентина Теплова (Минск)
Всеволод Шимов (Минск)
Кирилл Шевченко (Минск)
Юрий Аверьянов (Москва)

Главные редакторы:

Др Зоран Милошевић (Београд)

Игорь Зеленковский (Минск)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Сȓбија
http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com
ISSN **2560-3752** (Online)
Номер вышел в мае 2017 г.

ASPECT № 1(5) 2018

Humanities and Social science magazine

Memory for edification. 1917-2017

MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE DEDICATED TO THE CENTURY HAS STARTED THE FEAT OF THE NEW RUSSIAN PARTICIPANTS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH.

- ⇒ Alexander D. Gronsky "Revolution and tradi ons and revolutionary t aditions". - page 3
- ⇒ Arsenii Sokolov "The Orthodox Church and Politics n Russia in 1917" ”- page 11
- ⇒ Alexander Vorobiev "The daily ac vitie of Orthodox priests in the north-western provinces of Russia in the revolutionary ear 1917" - page 21
- ⇒ Alexandr Slesarev. “Gomel Orthodox Diocese in the era of massive an -religious persecution (1922-1939)” - page 24
- ⇒ Galina Melekhova. «My creed is Faith in God». Fate of kargopol’s belorussian monk».- page 38
- ⇒ Sergey Somov . “The king family: steps of ascending on “Golgotha”- page 53
- ⇒ Anton Mironovich. “Church neo-union in Second Polish Republic”- page 58
- ⇒ Jarosław Charkiewicz. “Polish destinies of the Saints from the "Cathedral of the New Martyrs and Confessors of the Russian Church" - page 64
- ⇒ Marina Kalchibo. "Unknown pages from the life of the martyrs who su ered for their faith in the Cherikov district of the Mogilev region" - page 76
- ⇒ Pr. Aliaksei Khatseyev. “Reviews: Jaroslaw Charkiewicz. Saints of the Orthodox Church in Poland. ” - page 83

ABOUT MAGAZINE- page 88

International esearch electronic publishing

Published jointly by:

- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs
- Scien fic and educational p oject "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editorial Council::

Alexander Gegalchy (Prague);
Alexander Gronskii (Minsk);
Alexander Kiselev (Minsk);
Anatoly Avrutin (Min k);
Valentine Teplova (Minsk);
Vsevolod Shimov (Minsk);
Kirill Shevchenko (Minsk);
Yury Averyanov (Moscow)

Editor in Chief:

Zoran Milosevic (Belgrade)

Igor Zelenkovsky (Minsk)

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Сѐбија

http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com

ISSN **2560-3752** (Online)

Issued in May 2017

Александр Дмитриевич Гронский. Ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального ис-следовательского института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. Кандидат исторических наук, доцент.

Alexander Gronskii. Lead Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of Primakov Na onal Research Institute of W rld Economy and Internati nal Relations f the Russian Academy of Sciences. Candidate of Historical Sciences, Docent.

РЕВОЛЮЦИИ, ТРАДИЦИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ *.

REVOLUTIONS AND TRADITIONS AND REVOLUTIONARY TRADITIONS **

УДК
UDC 2323.272+316.7

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается проблема взаимосвязи и антагонизма революции и традиции. Анализируется сущность традиции и революции. Исследуется проблема существования революционных традиций.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Революция, традиция, Французская революция 1789 г. Октябрьская революция 1917 г., Православная Церковь

ABSTRACT. The ar cle deals with the problem of the interconnec on and antagonism of the revolu on and traditi n. The essence of tradition and revolution is anal zed. The problem of the existence of revolutiona y tradi ons is being inves gated.
KEY WORDS. Revoluti n, traditi n, the French Revolution f 1789. The October Revolution f 1917, the Orthodox Church

Традиция и революция в настоящее время рассматриваются как явные противоположности. Традиция тяготеет к сохранению состояния, а революция – к изменению. Если под революцией понимается резкий переход системы на другой уровень, то под традицией – продолжение выработанных ранее норм.

По определению российских философов традиция есть «способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох»[1]. Т.е. традиция (от лат. traditio – передача, предание) – это способ передачи наследия, которое связывает воедино прошлое и настоящее, а, может быть, и будущее, с помощью неких устойчивых представлений. Примерно так же рассматривают традицию и в Православной Церкви. Например, епископ Покровский и Николаевский Пахомий (Брусков) определяет традицию как «множество определенных представлений, верований, определенного опыта, навыков, которые регулируют человеческие взаимоотношения и передаются от поколения к поколению. Слово “традиция” происходит от латинского слова “передавать”. То есть фактически традиция – это то, что не зависит от нас самих, это то, что мы получаем от наших родственников, предков, от общества, в котором живем, и передаем дальше своим детям, своим знакомым, друзьям, близким, также находящимся в этом обществе. Поэтому традиция определяет фактически бытие общества»[2]. Традиция как передача подразумевает трансляцию неких стабиль-

*Текст доклада на Международной научной конференции «Память в назидание», посвященная столетию начала подвига новомучеников Русской Православной Церкви. https //zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

** The text of the report at the Internati nal scienti c conference "Memory for edi ca on", dedicated to the centenary of the feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

1 Толстых В.И. Традиция // Электронная библиотека Института философии РАН. URL: https:/ iphlib.ru/greenstone3/library/collecti n/newphilenc/document/HASH0139aae275501c6d82199339 (дата обращения: 12.10.2017).

2 Традиция как ориентир. Интервью с епископом Покровским и Николаевским Пахомием // Православное Заволжье. Официальный сайт Покровской и Николаевской епархии. URL: http://pr vpokrov.ru/church_life/?ELEMENT_ID=8160 (дата обращения: 15.10.2017)

ных, неменяющихся ценностей. Т.о. традиция является некой связью времён и поколений.

Но само понимание традиции как передачи неких стандартов и эталонов закрепилось далеко не сразу. Так, «[…] вплоть до европейского Нового времени латинское понятие «традиция» (traditio) ассоциировалось только с тем, что связано с прошлым, утратило новизну и символизирует собой некий застой, а потому не представляет интерес для современности, выходит за рамки актуального научного интереса»[3]. И в последующие эпохи понятие традиции так или иначе было обращено к прошлому, которое часто рассматривалось не как передача наследия, а как трансляция устаревшего.

Проблема возникновения традиций также актуальна. Когда появилась конкретная традиция; сколько должно пройти времени, чтобы явление стало традиционным; вообще, если что-то передаётся от поколения поколению, это уже традиция, или ещё нет? Также встаёт вопрос, если передача происходит в рамках замкнутой группы, это может считаться национальной традицией или нет?

Институты, передающие традиции, могут быть разными – государство, семья, Церковь. Но государство становится передатчиком лишь тех традиций, которые выгодны ему как институту, которые поддерживают его устойчивость. Традиции помогают решить вопросы как действовать или что предпринять в определённой ситуации. Если у человека нет опыта столкновения с конкретной ситуацией, то такой опыт вполне может быть у предков. Через традицию этот опыт передаётся из поколения в поколение, причём использовать его могут не все и не всегда. Есть традиции, которые на протяжении некоторого времени потенциально могут не использоваться, потому что не существует условий их воспроизводства. Например, защита Родины от нападения извне. Наверное, любое государство, формируя представление о своей значимости для нынешних граждан, обращается в прошлое, чтобы показать в нём примеры героического и даже жертвенного поведения предков рад и защиты страны от иноземного вторжения, т.е. формирует традицию защиты Родины. Но иноземные вторжения бывают не всегда, и если ранее государство испытывало необходимость в трансляции патриотических нарративов по причинам вполне естественным, то в настоящее время оно может не иметь поводов для беспокойства, но передача таких традиций не прекращается, если это выгодно государству.

Одним из институтов передачи традиции является Церковь. Именно Церковь как институт освящает разнообразные стороны человеческой жизни. Традиции в церковном случае – эта некая ценность, которая существует веками, десятками веков, которая показала свою значимость и эффективность. Религиозные традиции, возможно, самые крепкие, т.к. «любые традиции, не связанные с религией, чаще всего, переменчивы, и если уходит носитель этой традиции, то ее возродить бывает очень тяжело. В случае с религиозными традициями у нас всегда есть возможность обратиться к Священному Писанию, к опыту Церкви, к религиозному опыту наших предков»[4]. Даже современное использование церковно-славянского языка показывает глубину христианской традиции, которая тянется уже более десяти веков. Естественно, что традиция, в том числе и религиозная, не является неким шаблоном, который передаётся из поколения в поколение. Традиция корректируется, формулируется и объясняется другим языком, но при этом не теряется её суть. Изменение внешнего антуража не означает изменения традиции. Это всего лишь более или менее эффективный способ передачи традиции. Например, то, что раньше публиковалось на бумаге, теперь публикуется в интернете. Т.е. изменился способ передачи информации, а не сама традиция.

Вообще, какое количество передач информации о явлении должно произойти, чтобы явление стало восприниматься как традиция? Если брать как пример поколенческую передачу информации, то передача информации, например, в третьем колене – это уже традиция или ещё нет?

Видимо, традициями стоит признать и те явления, которые распространяются повсеместно и становятся некими общепринятыми нормами даже в пределах жизни одного поколения и предаются не по горизонтали, а по вертикали. Приведём совсем не философскую иллюстрацию. Блюдо, которое на евразийском пространстве известно под ванием «Сельдь под шубой» можно назвать традиционным новогодним. Есть, конечно, легенда, что оно появилось в 1918 г., но «старожилы рассказывают, что са-

3 Зберовский А.В. Культура как фактор обусловленности демократической традиции Древней Греции. Автореф. дисс. доктора философских наук (24.00.01. – теория и история культуры). – Кемерово, 2009. – С. 5

4 Традиция как ориентир…

лат “селёдка под шубой” стал появляться на советских столах во второй половине 60?х гг. XX в. и только к середине следующего десятилетия стал массовым»[5]. Т.е. в середине 1960?х гг. это была кулинарная инновация, а лет через 10 она стала традицией. Можно ли считать приготовление сельди под шубой к новогоднему столу традицией, если ещё живы те, кто видел, как эта новогодняя привычка появляется? Или, например, ещё один традиционный продукт новогоднего советского и постсоветского стола – мандарины впервые стали новогодним продуктом в 1963 г.[6] Скорее всего, такие быстрые укоренения явлений в массовом сознании можно рассматривать как традицию по причине того, что большинство общества не только принимает это как должное, но и транслирует следующим поколениям именно как традицию.

Не стоит путать традицию и псевдотрадицию. Псевдотрадиция формируется на искусственной базе изначально в узкой социальной группе, но псевдотрадиция апеллирует к некой традиции, к тому, что она является естественной в данной среде. В частности, к псевдотрадиции стоит отнести попытки условной реконструкции язычества. На самом деле язычество исчезло очень давно, до нас дошли лишь его небольшие остатки в виде вкраплений в массовую духовную культуру, что получило название народного христианства. А также описание языческих реалий современными учёными, в первую очередь археологами. Но в этом случае историческая наука не в состоянии реконструировать ни языческую обрядность, ни полный пантеон, ни что другое. Поэтому то, что сейчас выдаётся за возрождение дохристианских традиций или славянской народной культуры, всего лишь новодел, который маскируется признаками традиции. Так, «современными идеологами русского неоязычества – за редкими, практически единичными исключениями – являются люди, не имеющие никакого гуманитарного образования, не умеющие и не желающие отличать подделки и фальсификации от подлинников, незнакомые с азами герменевтики, лишенные культуры чтения и различения гуманитарных научных текстов»[7].

Получается, что явление, которое можно назвать традицией, создано в прошлом и транслируется в настоящее. В настоящем традиция поддерживается и, возможно, дополняется новыми элементами. Традиции не зависят от нынешнего поколения, т.к. они сформированы предками в прошлом. В настоящем традиции лишь корректируются, чтобы соответствовать духу времени. Но нынешнее поколение может по-разному относиться к традициям. Может воспроизводить их, может отвергнуть, может некорректно (сознательно или без умысла) проинтерпретировать. В последнем случае появившаяся новая традиция будет восприниматься как продолжение старой, но на самом деле подобие будет внешнее. Да и возникнет проблема с определением нового явления как традиции. Ведь традиция передаётся из прошлого. А в момент формирование новых традиций вряд ли можно говорить о них как собственно о традициях. Традицией ныне формирующееся явление станет позже, если закрепится как ценность, передача которой следующим поколениям станет необходима для поддержания стабильности. Таким образом, традиция – это явление, которое воспринимается обществом как естественное сейчас и ставшее естественным ранее.

Революция по сути должна противостоять традиции, т.к. революция есть процесс резкого перехода из одного состояния в другое. Но эта нагрузка термина закрепилась лишь на рубеже XVIII – XIX вв. Термин «революция» появился в XIV в. и обозначал хождение по кругу, вращательное движение. В XVII в. революцией называлась обычная смена правителей или государственной элиты в целом. Получается, что смена монархов – это и есть революция с точки зрения XVII в. Но ведь монархи сменялись по праву наследования, которое, так или иначе, базировалось на традиции. Поэтому революция и традиция вплоть до конца XVIII в. были неантогонистичными понятиями. И лишь 1789 г. дал толчок к постепенному появлению новой нагрузки термина «революция»[8]. Так, в русских словарях слово «революция» было впервые за-

5 Кто придумал селедку под шубой? // Softm xer. Сетевой журнал. URL: http:/ www.softmixer.com 2012/03/blog-post_5193.html (дата обращения: 15.10.2017).

6 Почему мандарины стали символом Нового года? // dokak.ru. URL: http:/ dokak.ru/zhivotnye-rastenija/172648-pochemu-mandariny-stali-simvolom-novogo-goda.html (дата обращения: 15.10.2017).

7 Путник К. Псевдотрадиция «традиционной веры» // Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского. URL: http:/ irineу.ru/okkultnyie/neoyazyichniki/novos -o-neoyazyichnikax/psevdotradicziya-%C2%ABtradiczionnoj%C2%BB-veryi.html (дата обращения: 15.10.2017).

8 Перевалов В.П. Революция // Электронная библиотека Института философии РАН. URL: https:/ iphlib.ru/greenstone3/library/collecti n/newphilenc/document/HASH01e9048544abc948f0d6f1e8?p.s=TextQuery (дата обращения: 12.10.2017).

фиксировано в 1806 г. и обозначало «внезапную перемену в правлении какого народа, произведённую сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей»[9]. Интересно отметить, что в «Словаре академии российской», издававшимся в 1789 – 1794 гг., слова «революция» нет[10]. Поэтому можно заключить, что революция стала восприниматься в современном значении после событий 1789 г. во Франции. С этой точки зрения революция является отказом от традиции или отрицанием традиции, резким скачком на новый уровень. Проблемой остаётся вопрос является ли этот резкий скачок однозначно положительным или его можно рассматривать более широко – как слом старой традиционной системы и выстраивание на её обломках новой, эффективность которой не запрограммирована, и которая может оказаться менее прогрессивной. Естественно, что в советское время ответ на это вопрос был однозначен – революция переводит общество на более высокую стадию, т.е. она связана с прогрессом. Противники революции видели в ней лишь крушение устоев, которое доставляло людям лишние, порой опасные для жизни проблемы, которых не было бы при отсутствии революции. Революция как однозначный негатив или позитив воспринимается отдельными, зачастую многочисленными группами общества, которые пострадали от революционных событий или, наоборот, получили от них преимущества. Так или иначе революция разрывает традиции.

Но возникает вопрос, а есть ли революционные традиции, если сами революции направлены именно на слом традиции? В 1952 г. была опубликована статья советского философа И.Я. Щипанова «О революционных традициях русского народа». Зачатки революционных традиций Щипанов видит в бунтах и восстаниях крестьян против феодалов ещё в Средневековье и подводит читателя к тому, что накопленные революционные традиции в конце-концов привели к Октябрьской революции. В принципе, всё логично. Но встаёт вопрос, а что случится с революционными традициями после революции, ведь они уже станут не нужны. Если революция – это слом системы, то применение революционных традиций после революции можно рассматривать как попытку сломать революцию, переведя её на какой-то другой уровень, или как контрреволюцию. В любом случае, революционные традиции, оставшиеся после революции должны нести угрозу существованию революционного общества. Но революционные традиции можно применить для достижения революций в других странах, т.е. при экспорте революции. Внутри же страны предлагается применять революционные традиции для достижения других целей. Как пишет Щипанов, «большевики не только хранят революционные традиции, культурные ценности прошлого, но и развивают, углубляют, совершенствуют и обогащают их с точки зрения марксизма-ленинизма, с учетом опыта классовой борьбы и революционной деятельности рабочего класса и других слоев трудящихся на современном этапе. Они прививают народу революционный подход к труду, экономике, технике, культуре, быту и т. д.»[11]. Но, если революция – это постоянные скачки, тогда насколько можно говорить о стабильности экономики, культуры или быта? Да и каждое крестьянское выступление против помещиков даже при взгляде на это из советского времени не всегда можно было приравнять к революционной традиции. Если представить ситуацию, что в период Русской Смуты начала XVII в. крестьяне начали бунтовать против своего помещика, потому что к этому крестьян призвали представители какого-нибудь польского отряда, поскольку помещик выступал за сильную власть и стабильность в государстве, это пойдёт в копилку революционных традиций? Или же эти действия были спровоцированы внешним агрессором, а их участники по сути выступили как коллаборационисты, выступившие на стороне оккупантов, против своего патриотически настроенного помещика.

Вообще, исходя из советских представлений, революционные традиции – это многочисленные попытки выступать против существующего порядка вещей, попытки сменить власть, которые, накапливаясь количественно, дают качественный эффект.

9 Тимофеев Д.В. Российское зеркало европейских революций: понятие «революция» в публичном пространстве первой четверти XIX в. // Либералы и революция. Девятые «Муромцевские чтения»: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 13–14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / Под общей редакцией д.и.н., профессора В.В Шелохаева. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2017. – С. 279.

10 Там же.

11 Щипанов И.Я. О революционных традициях русского народа // Рабочий путь. Марксистско-ленинское движение. URL: https:/ work-way.com/blog/2017/01/03/o-revolyutsionnyh-traditsiyah-russkogo-naroda/ (дата обращения: 12.10.2017).

Но ведь долгое время все народные бунты и восстания стремились не совершить слом системы, а всего лишь заменить некоторые важные элементы системы. Например, убрать бояр, чтобы «добрый царь» смог напрямую выслушать чаяния народа, или вместо существующего правителя посадить на трон «своего» царя. Можно вспомнить того же Е.И. Пугачёва, выдававшего себя за императора Петра III. Так что в этих попытках замены одного царя на другого можно ли найти революционные традиции? Или это всего лишь перечень бунтов, направленных на попытку наивно построить справедливое общество? Причём, не объективно справедливое, а справедливое лишь в рамках представлений конкретных социальных групп.

Существование революционных традиций может привести к убеждению, что именно таким путём решаются все возникающие проблемы, поскольку он самый эффективный. Тут можно привести в пример постсоветскую Украину. Конечно, два успешных майдана назвать революциями можно с некоторыми оговорками, но они получили название именно революций – Оранжевой революции и Революции достоинства. Говорить о революционной традиции на примере этих двух майданов сложно, но можно, имея в виду то, что именно эти цветные революции в Киеве дали возможность различным силам постсоветского украинского общества начать воспроизводить майданный механизм для решения своих проблем. В «РИА-Новости» с 1990 по середину 2016 г. насчитали 12 различных майданов разной интенсивности[12]. Но и позже выступления как радикалов, так и обычных граждан назывались майданами, хотя общим в этих выступлениях было лишь протестное настроение. Не везде даже шины жгли. Украина, помимо перечисленных «РИА-новости» майданов пережила только в 2017 г. несколько коммунальных майданов, медицинский майдан, михомайдан, ей пророчили угольный майдан и ещё ряд разновидностей майдана. Конечно, все эти удачные и неудачные майданы нельзя назвать революциями, но ведь и крестьянские бунты XVIII в. в России также никак не тянули на революции. Тем не менее, их определяли как революционную традицию, по этой же логике стоит говорить о формировании революционной традиции на Украине. Хотя украинскую традицию всё же корректнее назвать майданной. На Украине, видимо, уже сформировалась традиция майданов.

Сама же революция, победив, старается укрепиться и создаёт примерно те же механизмы, которые существовали до революции – армию, полицию, спецслужбы, прокуратуру и суды. Конечно, чаще всего говориться о том, что все эти органы работают на новых основаниях, но от этого они не перестают быть репрессивными. Так что традиция творчески перерабатывается. «Революции всегда претендуют на создание нового человека, стремятся сломать традиционное, христианское в нем – “перековать” человека. Отсюда борьба революционеров с традицией, религией, культурой»[13]. Но оставшуюся от традиции, религии или культуры пустоту революция заполняет новыми традициями, культурой или некой псевдорелигией. Не случайно патриарх Кирилл подметил, что революции «опираются на квазирелигиозную риторику, пытаются оправдать революцию как духовно возвышенный, морально оправданный акт. При этом современные революционеры, как и их предшественники, самой логикой революционного процесса всегда приносят в жертву часть собственного народа ради достижения абстрактных благ»[14].

В целом, оказалось, что революция и традиция не так уж и диаметрально противоположны. Разрушая традицию, революция старается создать новую традицию, поскольку традиция стабилизирует общество и позволяет ему развиваться последовательно, что создаёт чувство уверенности в завтрашнем дне. Традиция даёт возможность прекратить борьбу и начать созидать. Причём, созидание в рамках традиции даёт возможность передавать последующим поколениям нормы и ценности, достижения и открытия, поскольку традиция позволяет сохранять механизм восприятия и понимать то, что сделали предки. В рамках традиции шедевры прошлого могут быть восприняты будущими поколениями относительно адекватно. Традиция помогает передать тот код, который расшифровывает для будущих поколений достижения прошлого. Слом традиции разрушает этот код, поэтому ряд достижений попросту остаётся нерасшифрованным и выводится из

12 Майданозависимость, майданофобия и майданофильство Украины // РИА-Новости-Украина. URL: http:/rian.com.ua/columnist/20161121/1018899234.html (дата обращения: 9.11.2017).

13 Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора // Научно просветительский проект «Западная Русь». URL: http ://zapadrus.su/ruszizn/1755-slovo-svyatejshego-patriarkha-kirilla-na-otkry i-xkhi-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora.html (дата обращения: 3.11.2017).

14 Там же.

культурного многообразия собственного прошлого. Не случайно, все революции были вынуждены создавать свои традиции, которые, так или иначе опирались на разрушенные традиции прошлого или создавались на их осколках. А в сложное время ранее отвергнутые революцией традиции вспоминались и использовались. Вспомнить хотя бы абсолютно не коммунистическое, а религиозно обращение И. В. Сталина «братья и сестры» в своём выступлении 3 июля 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны[15]. Тем не менее, Сталин отдал дань большевистской риторике, заявив, что Германия «ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма», но в качестве примеров того, что даже самые сильные армии терпели поражения, Сталин привёл армию Наполеона, разбитую, кстати, под руководством «помещиков» в эпоху «царизма». Более того, Сталин сделал реверанс Русской императорской армии периода Первой мировой войны. Он заявил: «Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и наконец была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера». Т.е. традиция защиты Родины в прошлом оказалась востребованной в настоящем, даже, если идеологически это прошлое отвергалось. В день начала войны с речью к гражданам СССР обратился заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, который также напомнил о традициях защиты Родины. И эти традиции снова оказались традициями старой дореволюционной России. Молотов сказал: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху»[16]. Ни Молотов, ни Сталин не вспомнили интервенцию периода гражданской войны, или советско-финскую войну, хотя обе этих войны были выиграны Советским государством и полностью соответствовали требованиям новой советской традиции. Не вспомнили советские руководители и другие конфликты, в которых Красная армия приняла участие до 1941 г. Они вспомнили поражение Наполеона, а Сталин ещё напомнил о Первой мировой войне. Т.е. были упомянуты лишь две войны: Отечественная война 1812 г. и та война, которая вначале получила название Второй Отечественной. Почему именно эти войны? Возможно потому, что начиналась следующая Отечественная война.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Выступление Молотова 22 июня 1941 года // Университет Риторики и Ораторского Мастерства. URL: http:/ orator.biz/library/shi-/rech_molotova/ (дата обращения: 16.10.2017).

2. Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 года // Советская музыка. URL: http:/ sovmusic.ru/text.php?fname=st_30741 (дата обращения: 16.10.2017).

3. Зберовский А.В. Культура как фактор обусловленности демократической традиции Древней Греции. Автореф. дисс. доктора философских наук (24.00.01. – теория и история культуры). – Кемерово, 2009. – 44 с.

4. Кто придумал селедку под шубой? // Softmi er. Сетевой журнал. URL: htt ://www.so mixer.com/2012/03/blog-post_5193.html (дата обращения: 15.10.2017).

5. Майданозависимость, майданофобия и майданофильство Украины // РИА Новости Украина. URL: http://rian. om.ua/columnist/20161121/1018899234.html (дата обращения: 9.11.2017).

6. Перевалов В.П. Революция // Электронная библиотека Института философии РАН. URL: htt s://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/n wphilenc/document/HASH01e9048544abc948f0d6f1e8?p.s=TextQuery (дата обращения: 12.10.2017).

7. Почему мандарины стали символом Нового года? // dokak.ru. URL: http:/ dokak.ru/zhivotnye-rastenija/172648-pochemu-mandariny-stali-simvolom-novogo-goda.html (дата обращения: 15.10.2017).

15 Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 года // Советская музыка. URL: http:/ sovmusic.ru/text.php?fname=st_30741 (дата обращения: 16.10.2017).

16 Выступление Молотова 22 июня 1941 года // Университет Риторики и Ораторского Мастерства. URL: http:/ orator.biz/library/shi-/rech_molotova/ (дата обращения: 16.10.2017).

8. Путник К. Псевдотрадиция «традиционной веры» // Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского. URL: http:/ iriney.ru/okkultnyie/neoyazyichniki/novos -o-neoyazyichnikax/psevdotradicziya-%C2% ABtradiczionnoj%C2%BB-veryi.html (дата обращения: 15.10.2017).

9. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора // Научно просветительский проект «Западная Русь». URL: htt s://zapadrus.su/ruszizn/1755-slovo-svyatejshego-patriarkha-kirilla-na-otkryti -xkhi-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora.html (дата обращения: 3.11.2017).

10. Тимофеев Д.В. Российское зеркало европейских революций: понятие «революция» в публичном пространстве первой четверти XIX в. // Либералы и революция. Девятые «Муромцевские чтения»: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 13–14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / Под общей редакцией д.и.н., профессора В.В Шелохаева. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2017. – С. 278 – 287.

11. Толстых В.И. Традиция // Электронная библиотека Института философии РАН. URL: htt s://iphlib.ru/greenstone3/library/collecti n/newphilenc/document/ HASH0139aae275501c6d82199339 (дата обращения: 12.10.2017).

12. Традиция как ориентир. Интервью с епископом Покровским и Николаевским Пахомием // Православное Заволжье. Официальный сайт Покровской и Николаевской епархии. URL: h p://pravpokrov.ru/church_life/?ELEMENT_ID=8160 (дата обращения: 15.10.2017)

13. Щипанов И.Я. О революционных традициях русского народа // Рабочий путь. Марксистско-ленинское движение. URL: htt s://work-way.com/ blog/2017/01/03/o-revolyutsionnyh-traditsiyah-russkogo-naroda/ (дата обращения: 12.10.2017).

REFERENCES:

1. Vystuplenie Molotova 22 iyunya 1941 goda // Universitet Ritoriki i Oratorskogo Masterstva. URL: http:/ orator.biz/library/shi-/rech_molotova/ (data obrashcheniya: 16.10.2017).

2. Vystuplenie po radio Predsedatelya Gosudarstvennogo Komiteta Oborony I.V. Stalina 3 iyulya 1941 goda // Sovetskaya muzyka. URL: http:/ sovmusic.ru/text.php? fname=st_30741 (data obrashcheniya: 16.10.2017).

3. Zberovskij A.V. Kul'tura kak faktor obuslovlennosti demokratic eskoj tradicii Drevnej Grecii. Avtoref. diss. doktora filoso skih nauk (24.00.01. – teoriya i isto-riya kul'tury). – Kemerovo, 2009. – 44 s.Kto pridumal seledku pod shuboj? // So mixer. Setevoj zhurnal. URL: http://w w.so mixer.com/2012/03/blog-post_5193.html (data obrash-cheniya: 15.10.2017).

4. Majdanozavisimost', majdanofobiya i majdanofil' tvo Ukrainy // RIA Novos Ukraina. URL: http://ria .com.ua/columnist/20161121/1018899234.html (data obrash-cheniya: 9.11.2017).

5. Perevalov V.P. Revolyuciya // Elektronnaya biblioteka Institu a fi osofii RAN.. URL: htt s://iphlib.ru/greenstone3/library/collecti n/newphilenc/document/ HASH01e9048544abc948f0d6f1e8?p.s=TextQuery (data obrashcheniya: 12.10.2017).

6. Pochemu mandariny stali simvolom Novogo goda? // dokak.ru. URL: http:/ dokak.ru/zhivotnye-rastenija/172648-pochemu-mandariny-stali-simvolom-novogo-goda.html (data obrashcheniya: 15.10.2017).

7. Putnik K. Psevdotradiciya «tradicionnoj very» // Centr religiovedcheskih issledo-vanij vo imya svyashchennomuchenika Irineya Lionskogo. URL: http://ir ney.ru/okkultnyie/ neoyazyichniki/novos -o-neoyazyichnikax/psevdotradicziya-%C2%ABtradiczionnoj%C2% BB-veryi.html (data obrashcheniya: 15.10.2017).

8. Slovo Svyateyshego Patriarha Kirilla na otkrytii XI Vsyemirnogo russkogo narod-nogo sobora // Nauchno-prosveti elskiy proekt «Zapadnaya Rus'». URL: htt s:// zapadrus.su/ruszizn/1755-slovo-svyatejshego-patriarkha-kirilla-na-otkryti -xkhi-

vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora.html (data obrashcheniya: 3.11.2017).

9. Timofeev D.V. Rossiyskoe zerkalo evropeyskih revoliutsiy: ponyati e «revoliutsiya» v publichnom prostranstve pervoy chetverti XIX v. // Liberaly i revoliutsia. Dyeviatye «Muromtsevskiye chteniya» – Oryol: Izdatelskiy dom «ORLIK», 2017. – S. 278 – 287.

10. Tolstykh V.I. // Elektronnaya biblioteka Institu a filoso i RAN. URL: htt s:// iphlib.ru/greenstone3/library/collection/n wphilenc/document/ HASH0139aae275501c6d82199339 (data obrashcheniya: 12.10.2017).

11. Traditsiya kak orienti . Interviyu s episkopom Pokrovskim I Nikolaevskim Pakhomiem // Pravoslavnoe Zavolzhye. Ofi sialnyy sait Pokrovskoy I Nikolaevskoy eparhii. URL: http:/ pravpokrov.ru/church_life/?ELEMENT_ID=8160 (data obrashcheniya: 15.10.2017)

12. Stshipanov I.Ya. O revoliutsionnyh traditsiyah ruskogo naroda // Rabotchiy put'. marksistsko-leninskoe dvizhenie. URL: htt s://work□way.com/blog/2017/01/03/o-revolyutsionnyh-traditsiyah-russkogo-naroda/ (data obrashcheniya: 12.10.2017).

Соколов Арсений Владимирович. Доктор исторических наук, заместитель заведующего Отделом обеспечения выставочной деятельности Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Sokolov Arsenii Vladimirovich. Dr. Ph., Deputy Head of the exhibi on department of the State Hermitage museum, Sankt-Petersburg, Russia.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПОЛИТИКА В РОССИИ В 1917 ГОДУ*

THE ORTHODOX CHURCH AND POLITICS IN RUSSIA IN 1917**

УДК
UDC 94(47).084.1

РЕЗЮМЕ. В статье показано, что возможности Православной церкви влиять на политические процессы в России после Февраля 1917 года оказались крайне ограничены из-за слияния церкви и государства и из-за использования самодержавием духовенства для идеологического обоснования своей политики. Отношение к церкви со стороны общества изменилось к концу 1917 года после созыва Поместного Собора, когда она уже перестала ассоциироваться с павшей монархией и смогла критиковать власть и отдельные политические партии с точки зрения христианских заповедей и морали.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Православная церковь, Революция 1917, Святейший Синод, Поместный Собор, Временное правительство

ABSTRACT . The artic e proves that the possibilities of the Orthodox Church to influence he politi al processes in Russia a er February 1917 were extremely limited due to the merger of the Church and the state and because the fact that the autocracy had used the clergy for ideological substanti tion of its policy. The atti de of the society towards the Church changed by the end of 1917 a er the convening of the Local Council when the Church no longer associated with the fallen monarchy and was able to critici e authority and individual poli cal partie from the point of view of Christian p ecepts and morality.
KEY WORDS. Orthodox Church, Revolution f 1917, Holy Synod, Local Council, Provisional Government

В связи с происходящим в последние несколько десятилетий переосмыслением роли Православной церкви в истории принципиальное значение имеет вопрос о месте церкви в событиях и процессах, происходивших в переломные исторические моменты, одним из которых, безусловно является 1917 год в России. Вместе с тем, необходимо отметить, что проблема участия Православной церкви в политической жизни бывшей Российской империи после Февраля 1917 года до сих не изучена: ни специальных монографий, ни даже отдельных статей на эту тему нет. Поэтому представляется необходимым обратиться к данному сюжету.

Говоря о том, как встретила Православная Российская церковь Февраль 1917 года, нужно отметить два основных момента. Во-первых, тот статус, в котором находилась церковь, а именно подчиненного государству «Ведомства православного исповедания», не позволял ей занять какую-либо активную позицию в отношении происходивших событий. Святейший Синод и православные архиереи, являвшиеся, по сути, государственными чиновниками, оказались как бы в роли статистов отречения 2 марта Николая II в пользу Великого князя Михаила Александровича, а затем передачи последним 3 марта власти Временному правительству «впредь до Учредительного собрания». Кроме того, ввиду исчезновения обер-прокурора Н.П. Раева и ареста его заместителя Н.Д. Жевахова Синод не проводил официальных заседаний с 28 февраля по 3 марта 1917 года и собрался только 4 марта в присутствии назначенного Временным правительством обер-прокурора В.Н. Львова[1]. Подчеркнем, что у иерархов не было никаких оснований не признавать его полномочий, поскольку власть правительству передали сами Романовы. Также примечательно, что только 6

*Текст доклада на Международной научной конференции «Память в назидание», посвященная столетию начала подвига новомучеников Русской Православной Церкви. https //zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

** The text of the report at the Internati nal scienti c conference "Memory for edi ca on", dedicated to the centenary of the feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

1 Новое время. 1917. 5 марта.

марта Синод разослал в епархии указания не поминать императора в богослужениях[2]. Одновременно с получением известий об Актах об отречении от 2 и 3 марта с речами о поддержке Временного правительства и Государственной думы выступили все епархиальные преосвященные. Например, епископ Полоцкий Кирион (Садзаглишвили) выступил 5 марта в кафедральном соборе со следующими словами: «Любящие Родину и порядок, станем несокрушимой скалой вокруг Государственной думы и не дадим врагу злорадствовать над нами»[3]. 9 марта Синод утвердил составленное обер-прокурором Львовым воззвание, в котором свершившийся переворот характеризовался словами «свершилась воля Божья». Рядовому духовенству Синод предписал зачитать Акты от 2 и 3 марта в храмах, изъял упоминания императора из делопроизводства, и на этом участие Церкви в политических событиях Февраля было исчерпано. Временное правительство не обращалось к духовенству за освящением или благословением своих действий, не требовало оглашения указов или ведения какой-либо разъяснительной работы в проповедях (за исключением священников в армии и на флоте). При этом еще раз подчеркнем, что у самой Церкви на тот момент не было органа, который бы мог озвучить её собственную независимую от государства позицию, так как и Синод, и епархиальные власти являлись де юре прежде всего государственными, а уже затем церковными структурами.

Второе важное обстоятельство, с которым столкнулась Православная церковь в Феврале 1917 года, – это крайне негативное отношение к ней со стороны восставших рабочих и солдат, обвинявших духовенство в службе самодержавию и пестовании «черносотенных» организаций. Еще до отречения Николая II в Петрограде начался разгром православных храмов. Первым пострадала церковь при Доме предварительного заключения: 27 февраля, когда здание заняла толпа, двери в храм взломали и имущество частью уничтожили, частью разграбили. С мраморного престола зачем-то сняли верхнюю доску и бросили на пол. Погибли все метрические, обыскные и богослужебные книги, церковная печать была украдена, а ризница уничтожена пожаром. Только несколько предметов (священный антиминс в напрестольном евангелии, священную чашу и дискос) сумел спасти старший надзиратель тюрьмы Филипп Егоров. Священник церкви Константин Песоцкий во время событий отсутствовал, так как не смог добраться к месту служения с Выборгской стороны[4].

Пострадало множество храмов в разных районах столицы: в них врывались восставшие, искали якобы скрывавшихся там городовых, оружие и продовольствие. Несколько храмов и колоколен подверглись обстрелам со стороны толпы, поскольку были пущены слухи, что наверху укрылись полицейские, стрелявшие из пулеметов и ружей. Например, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы и Воздвижения Креста Господня на 8-ой линии Васильевского острова 1 и 3 марта несколько раз подверглась обстрелам и обыскам, причем внутри храма «вооруженные солдаты и штатские были в шапках, даже с папиросами, бегали беспорядочно по церкви, алтарям, между св. престолами и царскими вратами, заглядывая и под престолы, ища везде вооруженных людей и оружие»[5]. Несмотря на проведенное епархиальными властями и милицией расследование, показавшее, что никакой стрельбы с церквей не велось, население было уверено в обратном.

Священнослужителям как «агентам павшего режима» запрещали выступать перед паствой по внецерковным вопросам, некоторых даже арестовывали. Как вспоминал народный социалист А.В. Пешехонов, в дни Февраля его «немало донимали» доносчики: «стоишь, бывало, в толпе, а кто-то тащит тебя в сторону и шепчет, что такой-то поп сказал контрреволюционную проповедь»[6] В документах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства имеются документы об аресте 5 марта протоиереев А.С. Кононова и В.Г. Гуляева, которые в своей проповеди в Предтеченской церкви у Обводного канала в Петрограде «не проявили достаточной преданности новому государственному порядку, несколько лишенных такта слов вызвали резкое недовольство в толпе. От священнослужителей потребовали объяснения, но его не последовало»[7]. Таким образом, на вопрос о том, могло ли православное духовенство как-то повлиять на исход Февральских событий, ответ, к сожалению, отрица-

2 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54. Л. 6.

3 Полоцкие епархиальные ведомости. 1917. № 9. С. 277.

4 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 109. Д. 86. Л. 12–15.

5 Церковь и революция // Известия по Петроградской епархии. 1917. №. 21–23 от 14 июня. С. 18–20

6 Пешехонов А. Первые недели // Февральская революция. М.-Л., 1925. С. 450

7 Петроградская газета. 1917. 7 марта.

тельный.

Фактически весной 1917 года Православная церковь оказалась вне политической жизни, и это стало для нее даже своего рода спасением. Дело в том, что в это время Церковь столкнулась с целым рядом разрушительных процессов, как исходящих извне, так и идущих внутри нее самой. С одной стороны, продолжались явления, уже имевшие место в дни Февраля в Петрограде, но теперь распространившиеся на всю страну: духовенство обвиняли в поддержке самодержавия, самопровозглашенные на местах новые власти (так называемые Исполнительные комитеты и Советы) арестовывали представителей клира, включая епархиальных архиереев, запрещали им общаться с паствой, высылали их из епархий. К этому в дальнейшем добавились претензии на церковное имущество, прежде всего строения и землю. С другой стороны, начались внутрицерковные брожения, когда отдельные группы духовенства и мирян объединялись против епархиального начальства и друг друга, требовали смены преосвященного, перевыборов духовной консистории и пр. Эти процессы довольно хорошо изучены и именуются исследователями «епархиальной» или «церковной» революцией[8]. В дополнение к этому в отдельных районах бывшей империи началось движение за создание местных автокефальных церквей. Например, уже 12 марта 1917 года духовенство Грузии провозгласило восстановление автокефалии Грузинской православной церкви. Некоторые представители духовенства вдруг вспоминали о своем происхождении и национальной принадлежности, бросали приходы и кафедры и ехали на другой конец страны участвовать в автокефальном движении. Так, бывший Владимирский архиепископ Алексий (Дородницын) бежал на Украину и впоследствии возглавил Временную всеукраинскую православную церковную раду. Его примеру последовал епископ Енисейский Никон (Бессонов), который, сложив с себя сан, подвизался в начале 1918 года у правительства самопровозглашенной Украинской Народной Республики. Епископ Полоцкий и Витебский Кирион (Садзаглишвили) 26 июня 1917 года обратился к церковным властям с прошением об увольнении его с должности с 1 августа ввиду «расстроенного» здоровья, а 12 июля прислал в Синод телеграмму, где заявил, что по совету врачей ему «необходимо отправиться на юг»[9]. На самом деле Кирион отправился в Грузию, где участвовал в работе местного церковного Собора, на котором был избран католикосом-патриархом Грузинской церкви. 25 сентября 1917 года его в этой должности утвердило Временное правительство[10].

Доносы на, якобы, контрреволюционность духовенства стали поступать со всех концов страны. И каких бы политических взглядов ни придерживались в действительности клирики, поражает, что они в один момент оказались в центре внимания и в условиях «наступившей свободы» буквально принуждались петь хвалебные гимны в адрес революции. Представителям духовенства было опасно высказывать свое мнение даже на частных собраниях. Так, 17 апреля в Петроградский Совет поступило «внеочередное заявление» старшего писаря 132-го тылового эвакуационного пункта солдата А.И. Шерстнева. Он сообщил, что священник Симеон Никонович из селения Усвица Полоцкого уезда Витебской губернии на одном общественном собрании, куда его пригласили, заявил: «что это за собрание? Кто на нем присутствует? Я ничего нового не признаю, и все буду делать так, как делал раньше». Далее священник якобы высказался против нового правительства. Участники собрания арестовали отца Никоновича и отправили полоцкому уездному комиссару. Но тот священника освободил, по мнению просителя «совершенно незаконно». Шерстнев просил арестовать священника, так как он проповедует свои взгляды в церкви[11]. Подобные доносы весной 1917 года в Петроград стекались сотнями, но они могли быть вызваны не только и не столько реальными событиями, сколько другими причинами: личными мотивами, желанием доносчика сделать определенную карьеру, завладеть чужим имуществом и пр. Не говоря уже о том, что парадоксально в условиях провозглашенной свободы обвинять кого-то в том, что его взгляды не совпадают со взглядами других.

Антицерковной истерией тут же стали пользоваться криминальные элементы. Так, весной 1917 года некие неизвестные от имени Петроградского Совета потребовали от настоятеля Нессятской Свято-Преображенской церкви Бобруйского уезда

8 См. например: Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: «Лики России», 2008.

9 См. Рогозный П.Г. Указ. соч. С. 96

10 Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 года. В 4-х тт. Том 4. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2004. С. 212.

11 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 723. Л. 21–22.

Минской епархии (станция Бацевичи) передать им церковные капиталы. Священник не растерялся и обратился в Петросовет. Ответ от Исполнительного комитета был следующим: «несомненно, что в данном случае налицо попытка путем угроз и шантажа с именем Совета РиСД получить с Вас некоторое количество денег»[12], а Юридический отдел Совета проинформировал о случившемся прокурора Судебной палаты города Минска[13].

Кроме всего прочего, после Февраля активно стали распространяться идеи о необходимости «возвращения народу» богатств церкви, накопленных «живущим в праздности» духовенством. Учащались случаи захвата крестьянами церковных и монастырских земель. В некоторых местах органы власти начали принимать постановления о реквизиции имущества «духовного ведомства». Одним из самых громких примеров действий такого рода стала попытка весной 1917 года занять Слуцкий мужской монастырь, причем в событиях, связанных с этим захватом, объединились многие процессы, происходившие в 1917 году: и собственно антиклерикальные выступления, и элемент межконфессиональной напряженности, и проявления «церковной революции». Поэтому представляется важным остановиться на этом случае подробнее.

Итак, в мае 1917 года местный уездный комиссар Р.К. Островский заявил о намерении занять помещения Слуцкого мужского монастыря для открытия в нем светской гимназии, на что даже получил разрешение министра народного просвещения Временного правительства А.А. Мануйлова (правда, тот оговорил необходимость согласования вопроса с духовным начальством). В ночь с 21 на 22 мая 1917 года обитель подверглась неожиданному обыску солдатами и гражданскими лицами. Присланный из столицы обер-прокурором Синода помощник императорского наблюдателя церковно-приходских школ М.Н. Руднев заключил, что причиной нападок на монастырь является его настоятель архимандрит Афанасий, подозреваемый «в крайнем несочувствии католической и еврейской части населения». Руднев предложил немедленно удалить Афанасия из города, а во избежание реквизиции назначить обитель местопребыванием викарного епископа[14]. Не в пользу монастыря говорила и его малонаселенность: братия состояла всего из 21 человека.

2 июля 1917 года комиссар Островский выступил на Слуцком уездном крестьянском съезде, сообщив, что ему поручено организовать к 1 сентября «комплект учащих», а на ремонт помещений губернский комиссар выделил солидную сумму в 80 000 рублей. Съезд дал свою санкцию на реквизицию монастыря, после чего 13 июля уездный комиссар в сопровождении милиционера и двух солдат арестовал настоятеля, отвез его в автомобиле в соседний город Бобруйск и оставил там на вокзале. Кроме всего прочего, Островский предъявил бумаги от Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Слуцка, в которых Афанасий обвинялся в издании погромной литературы (жития священномученика Гавриила) и противодействии «начинаниям социалистических организаций» (устройство гимназии). Через два дня из Слуцка также выслали «без права возвращения» монаха Ефросина, которого обвинили в сокрытии «погромных брошюр». Сам Афанасий считал виновником произошедшего лично комиссара Островского, замечая, что он – «чистокровный поляк под ширмой православного»[15].

Но самое интересное началось после отъезда архимандрита. Братия вопреки действующим правилам самостоятельно избрала себе нового настоятеля – иеромонаха Елпидифора, который издал 15 июля листовку-воззвание «ко всем гражданам Слуцкого уезда». В ней объявлялось, что Афанасий «отбыл» по постановлению ИК Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов за его «контрреволюционную» деятельность, и что «никакого насилия со стороны Совета… по отношению к о. Афанасию учинено не было…» Далее иеромонах объявлял о готовности братии предоставить «свободные пустующие» помещения для гимназии: «пусть под сению святого монастыря дети белорусского православного народа, получивши первые зачатки познания истины, правды и любви к ближнему, послужат гордостью и славой нашего края»[16]. В дело вмешался Синод. 26 июля он постановил перевести архимандрита Афанасия в Ладанский Благовещенский монастырь, иеромонаха Елпидифора запретить в священнослужении с назначением расследования, а «для спасения Слуцкого

12 ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284. Л. 43.
13 ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 724. Л. 35.
14 РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 305. Л. 17–18.
15 Там же. Л. 5–8 об.
16 Там же. Л. 12.

Свято-Духова монастыря как исторической святыни» немедленно поселить в нем викария Минской епархии епископа Слуцкого на правах настоятеля[17].

Ситуация для православного духовенства стала несколько изменяться в лучшую сторону к лету 1917 года, когда, с одной стороны, «революционный запал» большинства населения начал угасать, а, с другой, проводимые внутри самой церкви реформы и, прежде всего, выборы архиереев и священников, значительно повысили авторитет духовных лиц. Например, избранный 24 мая в Петрограде на кафедру преосвященного епископ Вениамин (Казанский) не побоялся 3 июня отправиться в Кронштадт, проигнорировав слухи о крайне враждебном отношении к церкви со стороны местного Совета. Напротив, узнав о намерении архиепископа отслужить панихиду на могиле борцов за свободу, Исполнительный комитет Кронштадского Совета рабочих и солдатских депутатов предоставил Вениамину автомобиль. А в воскресенье 4 июня в городе состоялся масштабный крестный ход, во время которого новоизбранный архипастырь посетил все храмы Кронштадта[18].

С открытием 15 августа 1917 года в Москве Поместного Собора Православная церковь обрела наконец не связанный (в отличие от Синода) с государственной властью орган, обладающий авторитетом среди духовенства и верующих и способный выработать и озвучить общецерковную позицию по отношению к происходящим событиям. Уже в первых своих посланиях от 24 августа – «Ко всему русскому народу» и «К армии и флоту» Собор призвал к консолидации общества и недопущению беспорядков и анархии. «Родина гибнет! – говорилось в первом послании. – Очнитесь, опомнитесь, отбросьте вашу взаимную ненависть и внутренние распри»[19]. Второе послание в первую очередь адресовалось тем, кто агитировал солдат за неподчинение офицерам, братание с неприятелем и дезертирство: «Вы забываете Бога и совесть, растлители в воинах чистой веры, убийцы их духа, разрушители устоев… ужаснитесь вашего сатанинского дела!» Собор призывал солдат «заглянуть в глубину своей души» и очиститься от обмана и наветов врагов и предателей[20].

Поддержка офицерства и идеи твердой власти едва не обернулась для Собора политической катастрофой. Так, 18-го августа его члены направили генералу Л.Г. Корнилову приветственную телеграмму, в которой призывали Божье благословение на Верховного главнокомандующего и все «христолюбивое воинство»[21]. А когда до Собора дошли вести о начале Корниловского выступления, 30 августа 1917 года было решено провести «частное общее совещание» без посторонней публики (включая журналистов) и протокола. Такие же заседания состоялись 31 августа и 1 сентября 1917 года. Симпатии значительной массы членов Собора склонялись в пользу генерала, однако, все понимали и рискованность соборного выступления по этому чисто политическому поводу. Узнав о подавлении мятежа, 31 августа Собор отправил Временному правительству телеграмму, в которой «во имя Божие и Христовой любви к ближнему» призвал победителей пощадить жизнь побежденных, «ибо никакой кровавой мести не должно быть в настоящей тяжкой междоусобице»[22]. На следующий день Собор выработал более пространное обращение «по поводу угрожавшей Родине братоубийственной войны». В нем особо подчеркивалось, что «верная своим священным заветам Церковь православная не принимает участия в борьбе политических партий», но и не может оставаться «равнодушною зрительницею» распада и гибели Родины. По мнению авторов послания, спасти Россию могла только вера, и править страной должна та власть, которая просветлена этой верой. При этом отмечалось, что «…необходимость восстановления власти военачальников во всей ее полноте неоднократно засвидетельствована вождями русской армии перед лицом всей России. Собор полагает, что пренебрежение этими указаниями уже само по себе служит источником величайшей опасности»[23]. Чуть позже, 11 сентября 1917 года, по поручению Собора Святейший Синод издал постановление о совершении всенародного моления «ввиду переживаемых Отечеством грозных событий»: 14 сентября, а где это не представлялось возможным – 1 октября[24]. Урок, полученный церковью в связи с выступлением Корнилова, стал для ее руководителей и соборного большинства

17 Там же. Л. 15–15 об.

18 Посещение архиепископом Вениамином г. Кронштадта // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 24–25. С. 8–9.

19 Церковные ведомости. 1917. № 36–37. С. 311–313.

20 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 3. Петроград, 1918. С. 98–101.

21 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 2. Петроград, 1918. С.73–74.

22 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 3. С. 157.

23 Церковные ведомости. 1917. № 40–41 от 14 октября. С. 360.

24 Церковные ведомости. 1917. № 36–37. С. 311.

своеобразной прививкой, предостерегающей от прямого участия в политике. Этот подход определил поведение Поместного Собора в последующие революционные месяцы.

Тем не менее, в течение сентября–октября 1917 года на Соборе продолжали звучать отдельные речи о необходимости включения в политическую борьбу через отправку представителей в Предпарламент (Временный Совет Российской республики) и даже Учредительное собрание. 30 сентября 43 члена Собора (первый в списке – Н.Д. Кузнецов) действительно письменно ходатайствовали о необходимости потребовать предоставления мест духовенству во Временном Совете Российской республики, и Соборный Совет даже предложил направить туда 9 представителей (3 епископа, 3 клирика и 3 мирянина)[25]. В итоге по ходатайству министра исповеданий А.В. Карташева Временное правительство предоставило православному духовенству в Предпарламенте три места[26], но настроения на Соборе изменились. При общем голосовании большинство (177 против 115) высказалось против участия в Предпарламенте[27]. И когда товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский передал Соборному Совету телеграмму управляющего делами Временного правительства о том, что в Предпарламенте все еще ожидают церковных делегатов, рассмотрение дела передали 3 октября в Синод, так как оно «не касается Собора как учреждения»[28]. В итоге во Временном Совете Российской республики числились всего два представителя «православной общественности»: от Петроградской духовной академии и от Союза духовенства и мирян[29].

Впрочем, полностью устраниться от участия в политических процессах Поместный Собор не мог, иначе он рисковал лишиться возможности озвучивать свою позицию. Понимая это, 7 октября 1917 года часть делегатов предложила попросить Временное правительство организовать выступление соборных представителей в Предпарламенте и Учредительном собрании, но решения по этому поводу принято не было[30]. Параллельно шли споры о тактике Собора в связи с предстоящими выборами. Еще 13 сентября соборный делегат А.В. Васильев сделал внеочередное заявление о необходимости включиться в избирательный процесс, специально обратившись для этого к Временному правительству. Васильев предлагал организовать проведение выборов через церковные органы – приходские, благочинические и епархиальные советы, и, таким образом, обеспечить «проведение в Учредительное собрание действительных выразителей воли православного народа»[31]. Предложение направили для рассмотрения в Соборный Совет, который постарался прекратить дальнейшее обсуждение, признав 16 сентября вопрос «неподлежащим ведению Собора». 20 сентября общее собрание утвердило данное постановление. Однако к теме участия в Учредительном собрании возвращались снова и снова. Подогревали дискуссию и запросы с мест. 26 сентября Соборный Совет рассмотрел предложение уже 52 членов Собора о создании комиссии для составления послания к русскому народу с призывом «исполнить при предстоящих выборах в Учредительное собрание свой гражданский долг». Это вновь признали «неподлежащим ведению Собора»[32].

Однако на общем заседании 27 сентября 1917 года большинство делегатов не согласилось с резолюцией Соборного Совета. Протоиерей А.А. Хотовицкий указал, что Собор не может «отмахнуться» от участия в выборах в Учредительное собрание. Сторонники этой идеи настаивали на том, что Поместный Собор должен агитировать, чтобы в будущее народное представительство попали «истинно верующие и православные люди», которые могли бы отстаивать все прерогативы Православной церкви. Придерживавшиеся другой точки зрения, в том числе, большая часть Соборного Совета, предостерегали от вмешательства церкви в политику. В частности, делегат Ф.Г. Котлянский напомнил, что выступления духовенства перед выборами в III и IV Государственные думы только «возбудили одиозное чувство к нему»[33]. В итоге 30 сентября Собор выпустил послание по поводу выборов в Учредительное собрание. Кроме призыва к примирению всех враждующих партий, сословий и народностей, в нем говорилось, что Россия может воссоздаться лишь при возвращении к своей свя-

25 ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 14.
26 Руднева С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М., 2006. С. 69.
27 ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 29–30.
28 ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621. Л. 15; ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 64.
29 Руднева С.Е. Указ. соч. С. 144.
30 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. Петроград, 1918. С. 200.
31 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 3. Петроград, 1918. С. 188.
32 ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185. Л. 1–11 об./
33 Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. Петроград, 1918. С. 86–88.

той вере: «пусть победит в себе наш народ обуревающий его дух нечестия и ненависти, и тогда дружным усилием легко и светло совершит он государственный труд свой»[34].

Необходимо добавить, что Временное правительство недвусмысленно проинформировало церковь о недопустимости какой-либо политической агитации в храмах во время избирательной кампании. Так, пункт 102 «Положения о выборах в Учредительное собрание» гласил: «духовное лицо, которое во время богослужения или непосредственно после такового в храме или ином предназначенном для богослужения месте станет пытаться посредством произнесения речи, распространения сочинений или иным образом оказывать влияние на выборы в Учредительное собрание, наказывается – заключением в тюрьме на срок не свыше шести месяцев»[35].

Вместе с тем, несмотря на выработанную на Соборе позицию невмешательства в политическую борьбу, представители духовенства и верующих все же приняли активное участие в избирательном процессе. В 19-ти округах они баллотировались отдельными списками: в Вятке, Екатеринбурге, Иркутске, Казани, Костроме, Николаеве, Перми, Петрограде и Петроградской губернии, Самаре, Саратове, Симбирске, Смоленске, Ставрополе, Степном округе (Семипалатинске), Омске, Уфе, Харькове и Херсоне[36]. Наименование списков варьировалось, наиболее распространенными были «православные приходы» и «духовенство и миряне». В некоторых регионах даже объявили о создании православных партий: «церковно-народной» (в Екатеринбурге и Перми), «ревнители православия» (в Самаре)[37]. В Вятке на пастырско-мирянском собрании 8 октября 1917 года было решено баллотироваться отдельным списком «Православно-приходского демократического союза», не вступая в блок с кадетами, чтобы не навлекать на себя обвинений в объединении с «капиталистами» и «буржуями»[38]. В Саратове список № 5 составила «Партия церкви» (она же «Православно-народная партия»)[39]. Но результаты голосования оказались для духовенства и мирян провальными: православные кандидаты оказались не в состоянии конкурировать с популярными политическими партиями (эсерами, социал-демократами, кадетами и др.) Количественно и по числу собранных голосов православные уступили даже старообрядцам и многочисленным мусульманским спискам, чьи избиратели продемонстрировали большую активность и организованность (вместе с тем, нельзя забывать, что все «православные партии» не имели благословения от высшей церковной власти)[40].

Данные обстоятельства еще раз подтвердили правильность избранного руководством Православной церкви курса на невмешательство в политику, и побудила членов Поместного Собора сосредоточиться на вопросах веры, проповеди и внутрицерковного строительства, не избегая при этом нравственной оценки тех или иных событий. Так, Поместный Собор никак не прокомментировал факт свержения Временного правительства и захвата власти большевиками, но резко осудил происходившее при этом кровопролитие (а именно бои на улицах Москвы 28 октября – 3 ноября 1917 года)[41]. Именно с позиции веры и нравственности оценивал современные ему события избранный в ноябре 1917 года патриарх Тихон (Беллавин) в своих обращениях осени-зимы 1917/1918 гг. И даже его знаменитое воззвание от 19 января 1918 года, в котором он предавал анафеме всех гонителей Церкви, отнюдь не было политическим выступлением, как это пытались изобразить большевики. В своем интервью московской газете «Фонарь» 23 января 1918 года Тихон заявил: «Мы не призываем к бунту, к бунту против власти, но только к борьбе против ее уродливых и преступных порождений. Власть может быть монархической или республиканской, кадетской или большевистской, но не должна она безнаказанно вызывать подобных

34 Церковные ведомости. 1917. № 42. С. 375–377.

35 Российское законодательство X–XX вв. В. 9-ти тт. Том 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994. С. 154.

36 См. Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 280, 287, 290, 297, 298, 300, 307 –311, 319–321.

37 Там же. С. 297–298, 307.

38 Поляков А.Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середина 1920-х гг. (На материалах Вятской губернии). Киров, 2007. С. 37–38.

39 Редькина О.Ю. Христанские политические партии на Нижней Волге в 1917 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Религиоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 41–42.

40 Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. С. 206.

41 Церковные ведомости. 1917. № 46–47. С. 415–419.

беспримерных потрясений и разложения нравственных основ»[42].

В итоге к началу 1918 года Православная церковь уже не ассоциировалась с павшей монархией и «темными силами», и вместо опекаемой властями казенной бюрократической структуры все более воспринималась населением как собственно Церковь Христова, уже отчасти гонимая и готовая пострадать за свои идеалы. Подтверждением изменения отношения людей к Церкви стали грандиозные крестные ходы в конце января 1918 года в Петрограде и Москве, собравшие несколько сотен тысяч человек, а также массовый приход к Церкви еще вчера «либеральной» интеллигенции. В условиях революционных потрясений 1917 года духовное служение перестало быть связано со стабильным существованием, статусом и возможной карьерой, как это было при Романовых, быть клириком стало означать подвиг, верность заветам веры и исполнение миссии Церкви.

Итак, в 1917 году Православная церковь не была ни субъектом, ни объектом политической борьбы. То есть, с одной стороны, «церковный вопрос» не являлся актуальным в спорах различных политических сил, а, с другой стороны, сама Церковь не участвовала в этой борьбе как действующая сторона, сосредоточившись на вопросах внутренней организации и вопросах веры. Это позволило Церкви и духовенству в условиях участившихся антицерковных действий отдельных групп населения и местных властей в некоторой мере восстановить свой авторитет и вступить в послеоктябрьскую эпоху как самостоятельный, не связанный со старой властью институт, что стало одним из залогов выживания Православной церкви в советские годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 185.

2. ГАРФ. Ф. Р3431. Оп. 1. Д. 621

3. ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 284

4. ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 723.

5. Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 года. В 4-х тт. Том 4. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2004.

6. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002.

7. Новое время (Петроград). 1917. 5 марта

8. Петроградская газета (Петроград). 1917. 7 марта

9. Пешехонов А. Первые недели // Февральская революция. М.-Л., 1925. С. 430–465

10. Полоцкие епархиальные ведомости. 1917. № 9

11. Поляков А. Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середине 1920-х гг. (На материалах Вятской губернии). Киров, 2007.

12. Посещение архиепископом Вениамином г. Кронштадта // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 24–25. С. 8–9.

13. Редькина О.Ю. Христанские политические партии на Нижней Волге в 1917 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Религиоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 38–43.

14. Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: «Лики России», 2008.

15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 54.

16. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. Д. 305.

17. Российское законодательство X–XX вв. В. 9-ти тт. Том 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М., 1994.

18. Руднева С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М., 2006.

19. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 2. Петроград, 1918.

42 Фонарь. 1918. 29 января.

20. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. Вып. 3. Петроград, 1918.

21. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1–2. Петроград, 1918.

22. Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987

23. Фонарь (Москва). 1918. 29 января.

24. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 109. Д. 86.

25. Церковные ведомости. 1917. № 36–37.

26. Церковные ведомости. 1917. № 40–41.

27. Церковные ведомости. 1917. № 42.

28. Церковные ведомости. 1917. № 46–47.

29. Церковь и революция // Известия по Петроградской епархии. 1917. №. 21–23 от 14 июня. С. 18–20.

REFERENCES:

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. R3431. Op. 1. D. 185.

2. GARF. F. R3431. Op. 1. D. 621

3. GARF. F. R6978. Op. 1. D. 284

4. GARF. F. R6978. Op. 1. D. 723.

5. Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: mart – oktyabr' 1917 goda. V 4-kh tt. Tom 4. M.: «Rossiyskaya politic eskaya entsiklopediya» (ROSSPEN). 2004.

6. Leont'yeva T.G. Vera i progress: pravoslavnoye sel'skoye dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. M.: Novyy khronograf, 2002.

7. Novoye vremya (Petrograd). 1917. 5 marta

8. Petrogradskaya gazeta (Petrograd). 1917. 7 marta

9. Peshekhonov A. Pervyye nedeli // Fevral'skaya revolyutsiya. M.-L., 1925. S. 430–465

10. Polotskiye yeparkhial'nyye vedomosti. 917. № 9

11. Polyakov A. G. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i svetskaya vlast' v 1917 – seredine 1920-kh gg. (Na materialakh Vyatskoy gubernii). Kirov, 2007.

12. Poseshcheniye arkhiyepiskopom Veniaminom g. Kronshtadta // Izvesti a po Petrogradskoy yeparkhii. 1917. № 24–25. S. 8–9.

13. Red'kina O.YU. Khristanskiye politichesk ye partii na Nizhney Volge v 1917 godu // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Religiovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2012. № 1. S. 38–43.

14. Rogoznyy P. G. Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda (Vyssheye dukhovenstvo Rossiyskoy Tserkvi v bor'be za vlast' v yeparkhiyakh posle Fevral'skoy revolyutsii). SPb.: «Liki Rossii», 2008.

15. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 796. Op. 204. I Otd. 5 Stol. D. 54.

16. RGIA. F. 796. Op. 204. I Otd. 5 Stol. D. 305.

17. Rossiyskoye zakonodatel'stvo KH–KHKH vv. V. 9-ti tt. Tom 9: Zakonodatel'stvo epokhi burzhuazno-demokratiches oy revolyutsii. M., 1994.

18. Rudneva S.Ye. Predparlament: oktyabr' 1917 g.: opyt istoricheskoy rekonstruktsii. M., 2006.

19. Svyashchennyy Sobor Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi. Deyaniya. Kn. 1. Vyp. 2. Petrograd, 1918.

20. Svyashchennyy Sobor Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi. Deyaniya. Kn. 1. Vyp. 3. Petrograd, 1918.

21. Svyashchennyy Sobor Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi. Deyaniya. Kn. II. Vyp. 1–2. Petrograd, 1918.

22. Spirin L.M. Rossiya 1917 god: Iz istorii bor'by poli cheskikh par y. M., 1987

23. Fonar' (Moskva). 1918. 29 yanvarya.

24. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TSGIA SPb). F. 19. Op. 109. D. 86.

25. Tserkovnyye vedomosti 1917. № 36–37.

26. Tserkovnyye vedomosti 1917. № 40–41.

27. Tserkovnyye vedomosti 1917. № 42.

28. Tserkovnyye vedomosti 1917. № 46–47.

29. Tserkov' i revolyutsiya // Izvesti a po Petrogradskoy yeparkhii. 1917. №. 21–23 ot 14 iyunya. S. 18–20.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ В РЕВОЛЮЦИОННОМ 1917 ГОДУ*

THE DAILY ACTIVITIES OF ORTHODOX PRIESTS IN THE NORTH-WESTERN PROVINCES OF RUSSIA IN THE REVOLUTIONARY YEAR 1917**

УДК
UDC 94 (470) "1917"

Александр Александрович Воробьёв, кандидат исторических наук, доцент, начальник центра дополнительного образования и профориентации ИПКиП Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (Могилев, Белоруссия)

Alexander Vorobiev , Candidate of historical sciences, associate professor, Head of the Center for Continu ng Education and Career Guidance of Mogilev State University named after Kuleshov (Mogilev, Belarus)

РЕЗЮМЕ. Публикация посвящена повседневной деятельности православных священников северо-западных губерний России в условиях быстрых изменений общественно-политической ситуации и настроений народных масс в революционном 1917 году. Автором сделан вывод о том, что в сознании людей, особенно солдат русской армии, в революционном 1917 году происходила коренная ломка вековых, общепринятых, правил и норм их поведения в обществе, которая потом привела к широкомасштабной, братоубийственной гражданской войне в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Северо-западные губернии России, повседневная жизнь, православие, священники, Учредительное собрание, выборы, солдаты русской армии.

ABSTRACT . The ar cle is devoted to the daily activiti of the Orthodox clergy in the north-western provinces of Russia in the conditi ns of rapid changes in the socio-politi al situation and the mood of the masses in the revolutiona y 1917. The author concluded that in the minds of people, especially the soldiers of the Russian army, in the revolutiona y 1917, secular, generally accepted rules and norms of behavior in the society were fundamentally broken, that later led to a large-scale, fratricidal civil war in Russia.

KEY WORDS. North-western provinces, daily activities, Orth oxy, clergymen, Constitue t Assembly, electi ns, soldiers of the Russian army.

До Февральской 1917 года революции, завершившейся свержением в России абсолютной монархии, православные священники вели относительно спокойную и размеренную повседневную жизнь. Относительность спокойствия и размеренности этой жизни были обусловлены тем, что с лета 1914 года Россия участвовала в Первой мировой войне и это участие имело очень большое влияние на все без исключения население России, включая и православное духовенство. Свержение монархии застало православное духовенство врасплох, что, впрочем, можно сказать и в отношении подавляющей части населения, которая заняла выжидательную позицию, пытаясь понять, сможет или нет сохраниться в стране монархия. Как только стало понятно, что возврата к старым порядкам больше не будет (по крайней мере в ближайшее время), представители православного духовенства, которых отречение Николая II от престола освободило тем самым от необходимости хранить верность монарху, начали совершать молебны, как по поводу Временного правительства продолжать Первую мировую войну до победного конца, так и по поводу других решений новой власти. Традиционно православное духовенство оказывало сильное влияние на население, как всей России, так и ее северо-западных губерний, в частности. Так, крестьяне Столинской, Теребежовской и Плотницкой волостей Пинского уезда Минской губернии горячо приветствовали Временное правительство и молили Бога о даровании побед русской армии (по территории Пинского уезда проходила линия фронта) [1]. Крестьяне Жуховичской волости Новогрудского уезда Минской губернии заявили о единодушном подчинении Временному правительству и 15 марта 1917 года собрали пожертвование на победу в войне одну тысячу рублей[2]. Для крестьян этой волости победа в войне была столь же желанной, как и для крестьян соседнего Пинского уезда, так как почти весь Новогрудский уезд был оккупирован немецкими

*Текст доклада на Международной научной конференции «Память в назидание», посвященная столетию начала подвига новомучеников Русской Православной Церкви. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

** The text of the report at the Internati nal scienti c conference "Memory for edi ca on", dedicated to the centenary of the feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

1 Вестник Минского губернского комиссариата, 1917, 23 марта

2 Там же, 30 марта

войсками еще в 1915 году. Поскольку подавляющее большинство населения России составляли именно крестьяне, священнослужители Русской православной церкви принимали активное участие в их повседневной жизни. Самым насущным вопросом в жизни российского крестьянства был вопрос о земле, т.е. о ликвидации помещичьего землевладения и переделе всех конфискованных у помещиков земли между крестьянами. Для решения этого вопроса на территории северо-западных губерний России очень часто созывались крестьянские съезды. Временное правительство, сознавая важность вопроса о земле, обещало крестьянству, что он будет решен Всероссийским Учредительным собранием. До этого созыва крестьяне должны были воздерживаться от самовольных захватов помещичьих земель. На проходившем в июне 1917 года Витебском губернском крестьянском съезде от партии большевиков выступали матрос Новиков и православный священник Василенко. Оба большевистских делегата выступили с популистским призывом к крестьянам немедленно начать делить помещичьи земли, не дожидаясь решений ни Временного правительства, ни Учредительного собрания. Тем не менее, несмотря на заманчивость данного предложения, делегаты съезда проголосовали за присоединение к постановлению по земельному вопросу Всероссийского съезда крестьянских депутатов от 25 мая 1917 года. Всероссийский крестьянский съезд признал самовольные захваты земли отдельными крестьянами и крестьянскими обществами недопустимыми. Окончательное решение земельного вопроса относилось к компетенции Учредительного собрания. До его созыва все земельные споры и вопросы передавались в ведение местных земельных комитетов[3]. Если весной и летом 1917 года население еще верило Временному правительству и соглашалось ждать решения всех насущных проблем тогдашней жизни Учредительным собранием, то осенью ситуация стала накаляться, ибо широкие народные массы уже устали ждать и, что хуже всего, верить Временному правительству, а его глава (А.Ф.Керенский) получил прозвище «главноуговаривающего». Тем не менее, Временное правительство занималось подготовкой выборов во Всероссийское Учредительное собрание и они должны были состояться по всей стране в период с 12 по 14 ноября 1917 года. Однако в конце октября власть в стране была захвачена вооруженным путем партией большевиков, которые, видя популярность Учредительного собрания среди народных масс, занялись проведением выборов в него. И здесь вновь довольно активно проявили себя православные священнослужители, которые во многих случаях вошли в состав избирательных комиссий, так как они были людьми абсолютно грамотными, тогда как большинство крестьян были неграмотными. При проведении выборов православное духовенство северо-западных губерний России заняло все политические сектора, ибо среди священников были сторонники (они назывались сочувствующими) и члены различных политических партий. Так, в Монастырщинской участковой избирательной комиссии Мстиславского уезда Могилевской губернии православный священник Иван Дмитриевич Богданов призывал всех избирателей голосовать на выборах в Учредительное собрание только за список №6 (партии кадетов), говоря, что все остальные политические партии, включая и захвативших власть большевиков, никуда не годятся [4].

В Дриссенском уезде Витебской губернии в пятом избирательном участке за призыв не голосовать за те политические партии, которые выступают за отделение церкви от государства, был арестован председатель данной участковой комиссии православный священник Забелин. При этом было отмечено, что один из членов участковой комиссии являлся неграмотным[5]. В этот же период времени в первом Замочульском участке Церковищенской волости Мстиславского уезда солдаты не допустили к участию в выборах большое количество местных жителей, мотивируя это тем, что они не знают, какая политическая партия более выгодна. Тем самым они чуть вовсе не сорвали выборы в данном избирательном участке, о чем в Мстиславскую уездную избирательную комиссию сообщил председатель шестого Церковищенского избирательного участка Ольшанский [6]. Там же местные жители, которые явно были верующими, отметили однажды весьма негативную картину, которая все более и более распространялась и внедрялась в повседневную жизнь населения не только северо-западных, но и большинства всех губерний тогдашней России. Вечернюю службу в местном храме священник был вынужден провести очень быстро, так как опасался за свою жизнь. Опасаться было отчего, так как в церковь зашла группа солдат-дезертиров, которые были пьяными, не снимали своих папах (т.е. головных уборов),

3 Витебский листок, 1917, 15 июня

4 Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ), ф.3449, оп.1, д.3, л.33

5 НИАБ, ф.3448, оп.1, д.50, л.7

6 НИАБ, ф.3449, оп.1, д.3, л.14

держали руки в карманах, громко говорили, при этом сквернословили и имели при себе оружие. На замечания священника и верующих отвечали очень враждебно, грозя расправиться с батюшкой и теми верующими, которые стали на его защиту[7]. Здесь мы наблюдаем целый комплекс отступлений от норм общечеловеческого поведения и, одновременно, от норм поведения в храмах: 1. головные уборы в церкви солдаты не сняли; 2. они держали руки в карманах; 3. громко разговаривали в храме; 4. наконец, позволяли себе брань по адресу протестующих против подобного поведения; 5. солдаты были пьяными; 6. они пришли в церковь с огнестрельным оружием; 7. угрожали расправиться с инакомыслящими. Это было в Могилевской губернии, где располагались тыловые части Западного фронта русской армии. В Псковской губернии, которая относилась к губерниям прифронтовым, так как по ее территории проходила линия фронта, располагались части Северного фронта русской армии, а штаб фронта находился в самом Пскове. Солдаты же Северного фронта, по воспоминаниям хорошо знавшего положение русской армии в период Первой мировой войны генерала А.И. Деникина были сильно большевизированы[8]. Именно поэтому в Псковской губернии одними угрозами священникам православной церкви, и другим инакомыслящим пробольшевистски настроенные солдаты Северного фронта не ограничивались. Так, в Порховском уезде Псковской губернии во время выборов в Учредительное собрание в Бараново-Озерецкой волости был убит местный священник, который являлся председателем участковой избирательной комиссии и там же тяжело избит сельский учитель, являвшийся членом данной избирательной комиссии. Впрочем, кем это все было сделано, в средствах массовой информации не сообщалось [9].

В заключение можно сделать следующие выводы: 1. повседневная жизнь православных священников северо-западных губерний России в 1917 году была весьма сложной и напряженной, так как требовала от них постоянной осторожности в поведении, ибо на всем протяжении этого года все время менялись, как общественно-политическая ситуация, так и настроения народных масс; 2. священникам, еще недавно призывавшим большинство населения в лице крестьянства к верности вере, царю и Отечеству, пришлось заменить призыв в верности царю на верность Временному правительству, что поколебало верность крестьянских масс своему Отечеству, да и веру их это тоже подвергло значительной деформации; 3. несмотря на все это, православная церковь продолжала активно участвовать в общественной жизни страны, что нашло свое отражение в участии, как в подготовке, так и производстве выборов в Учредительное собрание; 4. это участие явилось не только выполнением православными священниками своего гражданского долга, но и готовности, если понадобится, жертвовать своей жизнью, как было отмечено в изложенном фактическом материале; 5. впрочем, едва ли православное духовенство, уже в 1917 году отмечая значительное «повреждение нравов» населения России, думало о том, что очень скоро эти нравы повредятся настолько сильно, что приведут к братоубийственной гражданской войне, до которой оставалось всего несколько месяцев.

ЛИТЕРАТУРА

1 Вестник Минского губернского комиссариата, 1917, 23 марта

2 Витебский листок, 1917, 15 июня

4 Национальный исторический архив Беларуси, ф.3449, оп.1, д.3,50,

5 Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Париж, 1921. – Т.1. – Выпуск 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г.

REFERENCES:

1 Vestnik Minskogo gubernskogo komissariata, 1917, 23 marta

2 Vitebskiy listok, 1917, 15 iyunya

4 Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi, f.3449, op.1, d.3,50,

5 Denikin A.I. Ocherki russkoy smuty. – Parizh, 1921. – T.1. – Vypusk 1. Krusheniye vlasti i a mii. Fevral' – sentyabr' 1917 g.

7 Там же

8 Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Париж, 1921. – Т.1. – Выпуск 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. – С.87

9 Псковская речь, 1917, 19 ноября

Александр Валерьевич Слесарев. Кандидат богословия. Проректор по научно-богословской работе Минских духовных семинарии и академии.

Alexandr Slesarev. Theology Doctor. Vice-rector on scientifi and theological work of the Minsk theological seminary and academy.

ГОМЕЛЬСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЕПАРХИЯ В ЭПОХУ МАССОВЫХ АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ ГОНЕНИЙ (1922-1939)*

GOMEL ORTHODOX DIOCESE IN THE ERA OF MASSIVE ANTI-RELIGIOUS PERSECUTION (1922-1939)**

УДК
UDC 272.5

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается последовательная работа советской власти по деклерикализации общества методами отъема церковной собственности, способствования расколу Русской православной церкви силами "обновленцев", и непосредственных репрессий против православных священников в 20-30-х годах 20-го века на примере Гомельской православной епархии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Большой террор, репрессии против православной церкви, изъятие церковных ценностей, обновленчество, Гомельская епархия

ABSTRACT . The artic e examines the consistent work of the Soviet authorities in the declericalization society by the methods of weaning church property, contributing to the split of the Russian Orthodox Church by the forces of "Renovatio ists", and direct repression against Orthodox priests in the 20-30s of the 20th century, using the example of the Gomel Orthodox Diocese.

KEY WORDS. Great terror, repression against the Orthodox Church, con scation f church values, Renovationi t Church, Gomel Diocese

Первой крупномасштабной репрессивной акцией в отношении Российской Православной Церкви, проведенной Российской Коммунистической партией (большевиков) – РКП(б) – после прихода к власти и победы в гражданской войне, явилась кампания по изъятию церковных ценностей. В отличие от антирелигиозных мероприятий первых послереволюционных лет, осуществлявшаяся в 1922 г. насильственная конфискация церковного имущества не только носила организованный и всеохватывающий характер, но и провоцировала крупномасштабные репрессии в отношении наиболее активных священнослужителей и мирян. Желая предупредить возникновение крупных общественных нестроений, партийное руководство мотивировало начало кампании необходимостью сбора средств с целью преодоления последствий катастрофического голода, охватившего Поволжье в 1921–1922 гг. Подлинные цели запланированной акции были озвучены в секретном письме В. И. Ленина членам Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г., согласно которому значительную часть вырученных средств предполагалось направить на финансирование внешнеполитических проектов, разрабатывавшихся с целью достижения международного признания РСФСР на Генуэзской конференции: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей [...], чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей [...]. Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы»[1]. Другой целью кампании виделось оправдание начала организованной репрессивной политики в отношении Российской Православной Церкви: «Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем [...] разбить неприятеля наголову и обеспечить необходимые для нас позиции на много десятилетий [...], ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода не даст нам такого настроения ши-

*Текст доклада на Международной научной конференции «Память в назидание», посвященная столетию начала подвига новомучеников Русской Православной Церкви. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

** The text of the report at the Internati nal scienti c conference "Memory for edi ca on", dedicated to the centenary of the feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

1 Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви // Архивы Кремля : в 2 кн. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – Москва-Новосибирск : «Российская политическая энциклопедия», «Сибирский хронограф», 1997. – Кн. 1. – С. 141.

роких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализирование этих масс […]. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью»[2]. На территории Гомельского уезда кампания по изъятию церковных ценностей проходила в апреле-августе 1922 г., но к массовым репрессиям в отношении духовенства она не привела. Во многом это было связано с готовностью большинства священнослужителей Гомельщины беспрепятственно передать необходимые церковные предметы в фонд помощи голодающим Поволжья, а также с относительной мягкостью проведения мероприятий по изъятию ценностей в регионе[3].

Несмотря на отсутствие репрессивных действий советской власти в отношении рядового духовенства Гомельского уезда, кампания по изъятию церковных ценностей существенным образом изменила ход епархиальной жизни. В мае 1922 г. патриарх Московский и всея России Тихон (Беллавин; 1865–1925) подвергся аресту по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Поводом к произошедшему послужило послание Первосвятителя от 15/28 февраля 1922 г., в котором верующие призывались к добровольной передаче на нужды голодающим драгоценных церковных украшений и предметов, не имевших богослужебного употребления. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, негласно поддерживавшаяся органами ОГПУ группа белого духовенства узурпировала церковную власть, создав неканоничное Высшее Церковное Управление и тем самым положив начало обновленческому расколу[4]. Практически одновременно с возникновением обновленчества, в мае 1922 г. подвергся аресту архиепископ Могилевский и Гомельский Константин (Булычев), обвиненный в распространении послания патриарха Тихона от 15/28 февраля 1922 г. В сложившейся ситуации временное управление Могилевской епархией принял викарный епископ Мстиславский Варлаам (Ряшенцев), который уже в июне 1922 г. поддержал церковный раскол и сформировал в г. Могилеве филиал обновленческой группы «Живая Церковь»*. Активное присоединение к обновленчеству духовенства епархии началось после того, как Могилевское епархиальное управление разослало циркулярное письмо от 3 сентября 1922 г., в котором благочинные призывались к незамедлительному проведению окружных съездов духовенства по вопросу присоединения к «Живой Церкви». Не желавшим поддерживать обновленческий раскол угрожало отстранение от приходского служения[5]. Дезорганизация системы высшего церковного управления Патриаршей Церкви и давление со стороны епархиальной власти привели к уклонению в раскол подавляющего большинства клириков Могилевской епархии. Не приняли обновленческую программу лишь только протоиерей Павел Левашев, священник Елисей Назаренко, священник Феодор Рафанович и диакон Антипа Злотников, которые стали на позиции «староцерковничества», положив начало сопротивлению обновленчеству на территории Гомельской губернии[6].

Произошедшее в ноябре 1922 г. освобождение из заключения архиепископа Могилевского и Гомельского Константина не привело восстановлению канонического порядка. Приговоренный к двум годам лишения свободы, управляющий Могилевской епархией получил возможность изменения меры пресечения по ходатайству местных лидеров обновленчества[7]. В случае противодействия обновленческому движению архиепископ Константин рисковал снова оказаться в заключении для отбытия оставшегося срока наказания.

2 Там же. – С. 141–142.

3 См. более подробно: Слесарев, А. В. Кампания по изъятию церковных ценностей на территории Гомельского уезда (апрель–август 1937 г.) / А. В. Слесарев // Труды Минской духовной академии. – 2011. – № 9. – С. 126–139.

4 Лобанов, В. В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.) / В. В. Лобанов. – Москва, 2008. – С. 87–98; Следственное дело Патриарха Тихона : Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. – Москва : ПСТБИ, 2000. – С. 114–115, 154, 156, 161–162, 165–166, 168–169.

* «Живая Церковь» – влиятельная группа обновленческого раскола, возникшая 29 мая 1922 г. и возглавлявшаяся протоиереем Владимиром Красницким (1881–1936). Группа была организована по партийному принципу, выражала интересы белого духовенства и ориентировалась на реформирование православной традиции в соответствии с условиями современной жизни. Следствием реализации программных установок «Живой Церкви» стало возникновение обновленческого женатого епископата. С сентября 1923 г. группа пребывала в оппозиции обновленческому Священному Синоду, что обусловило резкое снижение ее численности и влияния. Прекратила свое существование в 1936 г.

5 ГАГО. – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 357. – Л. 96, 356; НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 39.

6 ГАГО. – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 357. – Л. 398–398 об.; Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 818. – Л. 74–78.

7 ГАГО. – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 357. – Л. 389, 395, 398–398 об.

К ноябрю 1922 г. большинство духовенства г. Гомеля оказалось в оппозиции обновленческой группе «Живая Церковь», причиной чему явилось назначение уполномоченным группы по Гомельскому уезду митрофорного протоиерея Сергия Канарского. Последний ранее являлся иподиаконом Гомельского кафедрального собора и был известен духовенству с отрицательной стороны. Сделав стремительную карьеру благодаря уклонению в обновленческий раскол, протоиерей Сергий Канарский с назначением на должность уполномоченного «Живой Церкви» получил широкие полномочия по контролю за состоянием церковной жизни в уезде. Нежелание гомельского духовенства оказаться в зависимости от малоавторитетного уполномоченного побудило их уже в ноябре 1922 г. примкнуть к новообразованной обновленческой группе «Союз общин Древлеапостольской Церкви» (СОДАЦ)**, конкурировавшей с «Живой Церковью» в борьбе за влияние в Российской Православной Церкви. Во главе гомельского филиала СОДАЦ стали протоиереи Павел Гинтовт, Владимир Зубарев, Александр Зыков и Феодор Жудро, сформировавшие Совет Гомельской епархии «Союза общин Древлеапостольской Церкви»[8].

Произошедшее в конце 1922 г. формирование Гомельского епархиального Совета СОДАЦ стало решительным шагом к образованию независимой Гомельской епархии. Дистанцируясь от обновленческой группы «Живая Церковь», поддерживавшейся правящим и викарным архиереями Могилевской епархии, гомельские клирики сочли целесообразным сформировать в г. Гомеле самостоятельное епархиальное управление. Возникновение Гомельской епархии произошло в сложное время, когда патриарх Тихон находился под домашним арестом, а органы высшей церковной власти Патриаршей Церкви оказались практически парализованы. Именно поэтому в кон. 1922 г. гомельское городское духовенство еще не видело иного способа порвать «Живой Церковью», нежели присоединиться к обновленческой группе «Союз общин Древлеапостольской Церкви».

Крайне неблагоприятное впечатление на духовенство и мирян Могилевской епархии произвели постановления проходившего с 29 апреля по 9 мая 1923 г. обновленческого «Второго Поместного Собора» об извержении из сана и лишении монашества Святейшего Патриарха Тихона (Беллавина), введении женатого епископата, допущении второбрачия для духовенства и переводе церковного месяцесловия на новый календарный стиль. На территории Гомельской губернии верующие практически повсеместно оказывали активное сопротивление переходу на григорианский календарь и в ультимативной форме требовали от священников придерживаться старого стиля. Критичное восприятие соборных решений усугублялось распространившейся информацией о том, что присутствовавший на Соборе уполномоченный «Живой Церкви» по Гомельскому уезду протоиерей Сергий Канарский угрозами заставлял делегатов от Могилевской епархии подписывать постановление об извержении из сана патриарха Тихона[9].

Процесс выхода православных приходов из обновленчества начал стремительно развиваться после произведенного в июне 1923 г. освобождения патриарха Тихона из-под ареста и возвращения к церковному управлению. Желая укрепить свои позиции на территории Гомельской губернии, обновленческий Священный Синод в конце июля 1923 г. пошел навстречу пожеланиям духовенства и учредил самостоятельную Гомельскую епархию, назначив ее управляющим бывшего архиепископа Воронежского и Задонского Тихона (Василевского; 1867–1926). Через четыре месяца новым управляющим обновленческой Гомельской епархией был назначен женатый архиепископ Петр Сергеев (1879–1938)[10]. Однако среди местного духовенства постепенно нарастало разочарование в обновленчестве. На состоявшемся в марте 1924 г. собрании духовенства и мирян Гомельской епархии протоиереи Александр Зыков, Владимир Бутомо, Павел Керножицкий и Павел Гинтовт выразили недовольство поведением протоиерея Сергия Канарского, «очень злоупотреблявшего своими зна-

** «Союз общин Древлеапостольской Церкви» (СОДАЦ) – группа последователей обновленческого раскола, возникшая 22 октября 1922 г. в качестве оппозиции группе «Живая Церковь». Возглавлялась протоиереем (впоследствии «митрополитом») Александром Введенским (1889–1946) и протоиереем Александром Боярским (1885–1937). Группа ориентировалась на развитие духовного просвещения, катехизации, общинности церковной жизни и поддерживала практику рукоположения женатого епископата. Деятельность СОДАЦ прекратилась по решению обновленческого Священного Синода от 8 августа 1923 г.

8 ГАГО. – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 357. – Л. 389; НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 21, 39–39 об.

9 ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 818. – Л. 74–78; НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 39 об.–40.

10 НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 40 об.; Шиленок Дмитрий, священник. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939). («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / священник Дмитрий Шиленок. – Москва : Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2006. – С. 87–91.

11 НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 21–21 об.

комствами и связями в гражданском ведомстве»[11]. Не желая продолжать церковное общение с Канарским, протоиерей Павел Гинтовт заявил на собрании о разрыве с обновленчеством и возвращении в Патриаршую Церковь. При этом он подчеркнул свою приверженность идее обновления церковной жизни. Вскоре настоятель Петро-Павловского собора г. Гомеля протоиерей Александр Зыков направил обновленческому руководству просьбу об удалении из епархии протоиерея Сергия Канарского. Встретив отказ, протоиерей Александр порвал с обновленчеством и инициировал возвращение в Патриаршую Церковь приходских церквей г. Гомеля[12]. На проходившем 27 мая 1924 г. собрании причтов и представителей гомельских городских церквей состоялось принятие решения о направлении патриарху Тихону покаянного обращения с просьбой о принятии в каноническое общение. В своем письме православное духовенство и миряне предлагали направить для организации церковной жизни в Гомельской епархии епископа Псковского и Порховского Варлаама (Ряшенцева), в 1913–1919 гг. возглавлявшего Гомельское викариатство. Удовлетворив ходатайство гомельчан, Святейший Патриарх Тихон своей резолюцией № 428 от 17 июня 1924 г. благословил епископу Варлааму «иметь духовное попечение о Гомельцах», оставив его управляющим Псковской епархией[13]. Духовенству Гомельской епархии, не пожалевшему воссоединиться с Патриаршей Церковью и впоследствии репрессированному, посвящен специальный раздел настоящего справочного издания.

Временное возглавление Гомельской епархии правящими архиереями других епархий продолжалось более полугода. После того, как в конце 1924 г. епископ Варлаам (Ряшенцев) подвергся очередному аресту, временное руководство церковной жизнью в Гомельской губернии было поручено новорукоположенному епископу Могилевскому и Мстиславскому Никону (Дегтяренко; 1884–1937). Однако по прошествии непродолжительного времени епископ Никон также оказался под арестом. Весной 1925 г. Гомельскую епархию возглавил епископ Тихон (Шарапов)[14], благодаря которому обновленческое движение на Гомельщине потерпело окончательный крах[15].

Во время совершения рукоположения архимандрита Тихона (Шарапова) во епископа Гомельского, состоявшегося 22 марта 1925 г. в г. Москве, Святейший Патриарх Тихон обратился к новопоставленному архипастырю со словами, исполненными пророческого содержания: «Приветствую тебя с благодатью архиерейства. Промышлением Божиим твоя хиротония совпала с поклонением Кресту Господню и с памятью сорока мучеников и совершена в их храме в день их страданий. Все это как бы предуказывает, что предстоящий тебе путь Святительского служения в исключительно трудных условиях есть путь Крестный и Мученический. И, может быть, твое сердце трепещет и смущается. Мужайся! Благодать Святого Духа и сила крестная укрепит тебя. Взирай на твердость мучеников Христовых и их примером воодушевляйся на предстоящий тебе подвиг»[16].

12 НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 21 об., 40 об.

13 НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 21; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. / сост. М.Е. Губонин. – Москва : ПСТБИ, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. – С. 323, 746–747.

14 Архиепископ Тихон (Шарапов; 1886–1937) окончил четырехклассную школу г. Тулы. В 1902–1911 гг. насельник Свято-Макариевской пустыни Тульской епархии. С 1911 г. насельник Свято-Успенской Почаевской лавры. В том же году пострижен в монашество. В 1912 г. рукоположен во иеромонаха. В 1914-1918 гг. служил полковым священником. В 1918-1922 г. клирик Волынской епархии, председатель Здолбуновского православного братства. В 1922 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Свято-Успенского Жировичского монастыря. В 1924 г. за противодействие провозглашению автокефалии Польской Православной Церкви и введению нового календарного стиля выслан за пределы Польши. В 1925 г. переехал в СССР и вскоре рукоположен во епископа Гомельского. В том же году арестован по обвинению в антисоветской деятельности. В 1934 г. освобожден, назначен епископом Череповцеким и вскоре приговорен к ссылке. В 1936 г. освобожден и назначен епископом Алма-Атинским. В 1937 г. возведен в сан архиепископа. В том же году расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности. Реабилитирован.

15 Архив Управления Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (УКГБ РБ) по Гомельской обл. – Д. 12270-с. – Т. 2. – Л. 12 (об.), 20; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. – С. 357, 359, 899–900; Касяк, Іван. З гісторыі Праваслаўнай Царквы беларускага народу / Іван Касяк. – Нью-Йорк : Выданьне Беларускай Цэнтральнай Рады, 1956. – С. 47; Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно) / митрополит Мануил (Лемешевский). – Erlangen, 1979–1989. – Т. 6. – Ч. VI. – С. 315; Архипастырские послания и письма епископа Гомельского Тихона (Шарапова) из заключения и ссылки (июль 1925 – август 1926 гг.) / публ., вступ. статья и комментарии А.В. Слесарева // ΧΡΟΝΟΣ. Церковно-исторический альманах. – 2013. – № 1. – С. 68–131; Шиленок, Дмитрий. Жизнь и архипастырские труды епископа Тихона (Шарапова) / Дмитрий Шиленок : дипл. работа. – Жировичи : МинДС, 2000. – С. 64–76.

16 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. – С. 357.

Приехав в свой кафедральный город, епископ Гомельский Тихон развернул активную деятельность по воссоединению обновленческих приходов с Патриаршей Церковью. Поскольку городские храмы пребывали в общении с патриархом Тихоном еще с июня 1924 г., правящему архиерею предстояло уделить особое внимание положению церковных дел в селах. В течении месяца он практически нейтрализовал обновленческое движение в регионе. Значительное ослабление обновленческого раскола на Гомельщине, сократившегося до десяти приходов, не осталось незамеченным со стороны местных органов власти, воспринявших произошедшее как препятствие в проведении ими общего курса советской религиозной политики. В мае 1925 г. Гомельское губернское отделение ОГПУ СССР арестовало епископа Тихона по обвинению в «активной контрреволюционной пропагандистской деятельности». На протяжении последующих одиннадцати лет епископ Тихон находился в заключении и ссылках, не теряя связи с гомельской паствой и регулярно направляя в свой кафедральный город архипастырские послания. В 1936 г. он получил назначение на должность управляющего Алма-Атинской епархией, а в 1937 г. приговорен к высшей мере наказания по обвинению в антисоветской деятельности[17].

После осуждения епископа Тихона (Шарапова) Гомельская православная епархия длительное время не замещалась новым архиереем. В условиях отсутствия реального епископского возглавления Гомельскую епархию поразило новое церковное разделение. Летом 1928 г. группа священнослужителей и мирян Гомельщины во главе с протоиереем Павлом Левашевым и иеромонахом Герасимом (Каешко) вышла из юрисдикционного подчинения Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому; 1867–1944). Свое решение они мотивировали несогласием с линией политической лояльности советской власти, проводившейся митрополитом Сергием. Сохраняя каноническое единство с пребывавшим в ссылке Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским; 1862–1937), отделившиеся от его Заместителя православные христиане Гомельщины перешли под омофор митрополита Петроградского Иосифа (Петровых; 1872–1937), являвшегося лидером одной из наиболее влиятельных оппозиционных групп в Русской Православной Церкви. По имени последнего возглавленное им движение получило наименование «иосифлянства». За отказ от богослужебного поминовения гражданской власти и имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя последователям «правой» церковной оппозиции также было усвоено наименование «непоминающих». Непосредственное руководство «иосифлянами» Гомельщины осуществлял викарий Петроградской епархии архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов; 1857–1935), который совершил ряд священнических и диаконских рукоположений для оппозиционных общин Гомельской епархии. Бескомпромиссная непримиримая позиция «иосифлян» по отношению к советской власти повлекла за собой несколько «волн» репрессий в их отношении. Следствием произведенного в 1930–1932 и 1937 гг. массового осуждения сторонников церковной оппозиции на Гомельщине стало резкое сокращение численности «иосифлян» и их переход на нелегальное положение («уход в катакомбы»). В 1990 г. для духовного окормления «катакомбных» общин Гомельщины Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей принял решении о рукоположении епископа Гомельского Вениамина (Русаленко)[18]. Современное отношение Русской Православной Церкви к «иосифлянскому» движению 1920–1940-х гг. исключает отождествление названного внутрицерковного оппозиционного течения с расколом, чего нельзя сказать о «непоминающих» более позднего времени. По мнению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова), бывшего Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых, «в действиях «правых» оппозиционеров, часто называемых «непоминающими», нельзя обнаружить явно злонамеренных, исключительно личных, предательских мотивов. Как правило, их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой о благе Церкви»[19].

17 Архив УКГБ РБ по Гомельской области. – Д. 12270-с. – Т. 2. – Л. 12 (об.), 13, 19–21, 24; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. – С. 900; Архипастырские послания и письма епископа Гомельского Тихона (Шарапова). – С. 71–131; НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 516. – Л. 22; Шиленок, Дмитрий. Жизнь и архипастырские труды епископа Тихона (Шарапова). – С. 74, 77, 79, 85, 93.

18 Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви. 1927–2007 гг. / под ред. В. В. Шумило, С. В. Шумило. – Чернигов : ЧГИЭиУ, Киев-Чернигов : Православное издательство «Вера и жизнь», 2008. – С. 27; Слесарев, А. В. История «правой» церковной оппозиции («иосифлянства») на Гомельщине в 1928 – нач. 1941 гг. / А. В. Слесарев // Труды Минской духовной академии. — 2014. — № 11. — С. 140-149; Шкаровский, М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви / М. В. Шкаровский. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 151–152.

19 Ювеналий, митрополит. Историко-канонические критерии в вопросе канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века / митрополит Ювеналий // Журнал Московской Патриархии. – 1996. – № 2. – С. 56–57

Возникновение движения «непоминающих» на территории Гомельской епархии хронологически совпало с радикальным изменением советской религиозной политики. Переход от НЭПа к плановой экономике, форсированная индустриализация и насильственная коллективизация сельского хозяйства проводились в кон. 1920-х гг. параллельно с массовым закрытием монастырей и преимущественно сельских храмов2[0]. Следствием означенных процессов стало закрытие в 1928 г. Чонского Свято-Успенского[21] и Макарьевского[22] женских монастырей Гомельской епархии[23]. Кроме того, на рубеже 1920-х – 1930-х гг. произошло закрытие значительной части сельских православных приходов Гомельского округа. Одновременно с этим большинство сельских священников подверглось раскулачиванию, поражению в правах, высылке или заключению. Оказавшиеся лишенными возможности продолжать приходское служение, они вынужденно переходили на светскую работу, нередко покидая места своего многолетнего проживания.

По прошествии восьми лет после ареста и высылки из г. Гомеля епископа Тихона (Шарапова) священноначалие Русской Православной Церкви возбудило вопрос о замещении вакантной должности управляющего Гомельской епархией. В 1933 г. временное управление епархией было поручено епископу Бугурусланскому Стефану (Адриашенко), викарию Самарской епархии, в декабре того же года ставшему епископом Рыльским, викарием Курской епархии[24]. В марте 1934 г. Священный Синод принял решение о назначении Тихона (Шарапова) епископом Череповецким с освобождением от управления Гомельской епархией. В 1934 г. состоялось рукоположение во епископа Гомельского клирика Могилевской епархии архимандрита Серафима (Кокотова)[25]. Прибыв в свой кафедральный город, он не смог приступить к исполнению обязанностей управляющего Гомельской епархией по причине отказа местных властей в предоставлении официальной регистрации. В мае 1935 г. епископ Серафим, вынужденный оставить г. Гомель, получил назначение на Томскую кафедру[26].

Трагедия массовых репрессий 1937–1938 гг., развернувшихся во всесоюзном масштабе при наркоме внутренних дел Н.И. Ежове и получивших название «Большого террора», не обошла стороной Православную Церковь на Гомельщине. В этот период произошло практически полное физическое уничтожение церковной жизни в регионе. Помимо открытия следственных дел и осуждения отдельных священнослужителей и мирян, в сер. 1937 г. была произведена серия арестов в рамках группового дела «Гомельской контрреволюционной организации церковников»[27]. Согласно официальной версии следствия, данная организация преследовала цель свержения советской власти, включая в свои ряды 57 представителей канонической Русской Православной Церкви, «иосифляского» движения и обновленческого раскола. Постановлением Особой Тройки НКВД БССР от 30 октября 1937 г. к высшей мере наказания оказалось приговорено 25 обвиняемых, а остальные осуждены на дли-

21 Чонский (Чонковский) Свято-Успенский монастырь основан старообрядцами в 1775 г. и первоначально являлся мужской обителью. Располагался в 15 верстах от г. Гомеля. В 1795 г. (по другим данным в 1798 г.) на правах единоверия присоединился к Православной Российской Церкви. В 1845 г. приписан к Макарьевскому монастырю Могилевской епархии. В 1851 г. упразднен. В 1875 г. Чонский монастырь восстановлен как самостоятельный, Макарьевский монастырь упразднен, имущество передано Чонскому монастырю. В 1899 г. по причине сокращения насельников преобразован из мужского единоверческого в женский православный. Открыт в 1900 г. В дореволюционное время в обители имелась богатая библиотека, состовшая из древних книг и рукописей, переданных из упраздненных старообрядческих монастырей и скитов Гомельщины. В нач. 1920-х гг. монастырь преобразован в кустарно-промышленную артель.

22 Макарьевский монастырь основан старообрядцами в 1775 г. Располагался вблизи с. Добруш Гомельского у. Могилевской губ. (ныне райцентр Гомельской обл.), в 30 верстах от Чонского монастыря. В 1839 г. закрыт. В 1844 г. возобновил свою деятельность как единоверческий монастырь. В 1876 г. приписан к возрожденному Чонскому монастырю. В 1907 г. приписан к Могилево-Братскому монастырю. В 1913 г. Макарьевский мужской единоверческий монастырь преобразован в женский и приписан к Чонскому монастырю. Открыт в 1914 г. В 1916 г. восстановлен как самостоятельный монастырь. В нач. 1920-х гг. преобразован в сельскохозяйственную артель.

23 ГАГО. – Фонд 161. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 71–104.

24 Савва (Мажуко), игумен. Гомельская епархия. 1925–1990 гг. / игумен Савва (Мажуко) // Православная энциклопедия. – Москва, 2006. – Т. XII. – С. 13.

25 Епископ Серафим (Кокотов; 1891-1937) окончил учительскую семинарию, обучался на Петроградских богословских курсах. В 1921 г. пострижен в монашество. В 1921 г. рукоположен во иеромонаха. В нач. 1930-х гг. клирик Могилевской епархии. В 1934 г. рукоположен во епископа Гомельского. С 1935 г. епископ Томский. В 1936 г. арестован по обвинению в руководстве контрреволюционной организацией, отстранен от управления епархией и приговорен к 5 годам ИТЛ. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован.

26 Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 12270-с. – Т. 1–4; Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи. – С. 53.

27 Архив УКГБ РБ по Гомельской области. – Д. 12270-с. – Т. 1–4.

тельные сроки заключения[28].

Репрессии периода «Большого террора» фактически парализовали организованную церковную жизнь на Гомельщине, но не уничтожили ее окончательно. Согласно имеющимся сведениям, вплоть до 1939 г. единственным действующим православным храмом в регионе оставалась Спасо-Преображенская церковь г. Гомеля. С 1938 г. названный приход возглавлял приехавший из Украины иеромонах Стефан (Сиротюк). К совершению богослужений также эпизодически привлекался бывший насельник Киевского Свято-Троицкого монастыря иеромонах Филарет (Гриб), проживавший после закрытия обители в своей родной деревне Бронное (ныне Речицкий р-н Гомельской обл.). В конце декабря 1939 г. иеромонахи Стефан и Филарет подверглись аресту по обвинению в антисоветской агитации, а по прошествии месяца Судебной коллегией по уголовным делам Гомельского облсуда они были приговорены к 10 годам лишения свободы[29]. Прямым следствием осуждения названных клириков стала ликвидация Спасо-Преображенского прихода и прекращение легального существования Православной Церкви на Гомельщине.

После закрытия Спасо-Преображенской церкви на территории Гомельской области не осталось ни одного действующего храма и ни одного официально зарегистрированного православного священнослужителя, имевшего легальное право заниматься религиозной деятельностью. Согласно информации, отраженной в рапорте ревизора Минской епархии священника Петра Бычковского за 1950 г., ко времени ликвидации Спасо-Преображенского прихода в пределах Гомельской области проживали священник Андрей Трусевич и обновленческий протоиерей Антоний Цитович. Находясь в преклонном возрасте, они не проводили активной религиозной деятельности, ограничиваясь нерегулярным и нелегальным совершением частных богослужений (треб)[30]. Кроме того, в материалах Государственного архива Гомельской области содержится информация об иеромонахе Макарии (Хорькове), бывшем насельнике Свято-Введенской Оптиной пустыни, проживавшем в г. Гомеле после освобождения из заключения в 1937 г.[31] В отличие от православных и обновленческих приходских общин, несколько большую способность к самосохранению и выживанию в непростых общественно-политических условиях проявили группы «непоминающих», тайно руководимые пребывавшими на конспиративном положении священнослужителями. Среди них особое место занимал священник Феодор Рафанович, в 1939 г. вернувшийся из заключения и нелегально поселившийся в одной из деревень Ветковского района[32].

Важнейшим показателем трагедии, пережитой Гомельской епархией в первой пол. XX в., является количество необоснованно репрессированных священнослужителей, монашествующих и мирян. К настоящему времени автором статьи была завершена многолетняя работа над составлением «Мартиролога Гомельской епархии», выход которого запланирован на второе полугодие 2016 г. в издательстве Минской духовной академии. На основании доступных для исследования материалов государственных, церковных и частных архивов были восстановлены 282 биографии пострадавших. Практически все священнослужители и наиболее активные миряне Гомельской епархии в 1920-1930-е гг. подвергались арестам и репрессиям.

Подводя итог обзору истории Гомельской епархии в первой половине XX в., необходимо отметить, что ее образование в значительной степени явилось следствием учреждения Гомельской губернии и сопряженного с ним возвышения церковно-административного статуса г. Гомеля. Вместе с тем на протяжении ряда лет гомельское духовенство выразительно демонстрировало свое стремление дистанцироваться от непосредственного архиерейского возглавления. Прямым следствием развития характерных для революционной эпохи либерально-революционных настроений явилось инициированное клириками Гомельского уезда упразднение Гомельского викариатства Гомельской епархии. Не менее ощутимым для церковной жизни в регионе результатом приверженности духовенства либеральным воззрениям стало уклонение большинства из них в обновленческий раскол. Однако беспринципная политика, проводившаяся обновленцами, вызвала у гомельского духовенства чувство глубокого разочарования и побудила их к воссоединению с Патриаршей Церковью. В сло-

28 См. об этом: Слесарев, А. В. Большой террор и Православная Церковь в Восточной Белоруссии в 1937 г. / А. В. Слесарев // Церковно-исторический вестник. – 2007. – № 14. – С. 173–203.

29 Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 18117-с.

30 Архив Минского епархиального управления (МЕУ). – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 803. – Л. 118 об.

31 ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 14.

32 Архив МЕУ. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 803. – Л. 118 об. Moskovskoy Patriarkhii. – 1996. – № 2. – S. 53-59.

жившихся исторических обстоятельствах развитие церковной жизни могло осуществляться только при условии формирования самостоятельной Гомельской епархии, поскольку в этом виделось наиболее эффективное средство организованного противодействия Гомельской обновленческой епархии, образованной в марте 1923 г. Решение проходившего в мае 1924 г. собрания причтов и представителей гомельских городских церквей относительно приглашения бывшего викарного епископа Гомельского управляющим Гомельской епархией может восприниматься как акт покаяния паствы, ранее отвергшей своего архипастыря. На протяжении ряда последующих лет управляющие и временно управляющие Гомельской епархией архиереи подвергались уголовному преследованию по политическим обвинениям и административному давлению, что существенно осложняло развитие епархиальной жизни. Аналогичным преследованиям подвергалось и рядовое духовенство епархии, что привело в 1938 г. полному прекращению легальной церковной жизни на территории Гомельской области. Однако нелегальные формы церковной жизни сохранялись вплоть до немецкой оккупации, начало которой было сопряжено с процессом стихийного открытия храмов и возвращением немногочисленных клириков к открытому служению. Возрождение церковной жизни в условиях военного времени актуализировало вопрос восстановления деятельности Гомельской епархии. Несмотря на рукоположение нового епископа Гомельского, полноценную работу епархии наладить не удалось, а после освобождения Гомельской области епархиальные структуры были окончательно упразднены. Таким образом, в процессе своего исторического развития в первой половине XX в. Гомельская епархия пережила испытания, наиболее характерные для церковной жизни эпохи, преодолев соблазны антииерархических настроений и вольно истолкованной «соборности», осознав пагубность обновленческого движения и явив сонм невинно пострадавших за принадлежность к Православной Церкви.

БИБЛИОГРАФИЯ:

ПЕРВОИСТОЧНИКИ:

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. / сост. М.Е. Губонин. – Москва : ПСТБИ, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. – 1064 с.

2. Архив Гомельского епархиального управления (ГЕУ). Дело Свято-Духовского храма в д. Дворец.

3. Архив ГЕУ. Дело Свято-Николаевского храма д. Бобовичи.

4. Архив Минского епархиального управления (МЕУ). – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 514.

5. Архив МЕУ. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 562.

6. Архив МЕУ. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 803.

7. Архив МЕУ. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 1013.

8. Архив МЕУ. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 1075.

9. Архив МЕУ. Дело «Послужные списки умерших священнослужителей». Ч. 1-2.

10. Архив Управления Комитете государственной безопасности Республики Беларусь (УКГБ РБ) по Гомельской обл. – Д. 5535-с.

11. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 17497-с

12. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 18117-с.

13. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 19033-с.

14. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 12270-с. – Т. 1-4.

15. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 2363.

16. Архипастырские послания и письма епископа Гомельского Тихона (Шарапова) из заключения и ссылки (июль 1925 – август 1926 гг.) / публ., вступ. статья и комментарии А.В. Слесарева // XPONOΣ. Церковно-исторический альманах. – 2013. – № 1. – С. 68–131.

17. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 357.

18. ГАГО. – Фонд 161. – Оп. 1. – Д. 29.

19. ГАГО. – Фонд 317. – Оп. 1. – Д. 66.

20. ГАГО. – Фонд 882. – Оп. 1. – Д. 68.

21. ГАГО. – Фонд 1379. – Оп. 1. – Д. 2.

22. ГАГО. – Фонд 1379. – Оп. 4. – Д. 6.

23. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 1.

24. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 3.

25. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 4.

26. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 4.

27. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 7.

28. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 12.

29. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 5.

30. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 7.

31. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 9.

32. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 15.

33. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 21.

34. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 26.

35. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 818.

36. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 года). Сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. – С. 423-439.

37. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 5.

38. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 6.

39. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 5.

40. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 9.

41. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 10.

42. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 15.

43. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 17.

44. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2415. – Оп. 1. – Д. 459.

45. НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 516.

46. Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви // Архивы Кремля : в 2 кн. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – Москва-Новосибирск : «Российская политическая энциклопедия», «Сибирский хронограф», 1997. – Кн. 1. – С. 140-141.

47. Указ Святейшего Синода (об учреждении в Могилевской епархии кафедры викарного Епископа) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1907. – № 3 (часть оф.). – С. 17–18.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Василий (Ратмиров Василий Михайлович) // Православная энциклопедия. – Москва, 2003. – Т. VII. – С. 93-94.

2. Высочайшее повеление // Могилевские епархиальные ведомости. – 1912. – № 22 (часть оф.). – С. 321.

3. Высочайшее повеление // Могилевские епархиальные ведомости. – 1912. – № 24 (часть оф.). – С. 343.

4. Касяк, Іван. З гісторыі Праваслаўнай Царквы беларускага народу / Іван Касяк. – Нью-Йорк : Выданьне Беларускай Цэнтральнай Рады, 1956. – 191 с.

5. Килин, А. П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е

годы (анализ инструкций о выборах в Советы) / А. П. Килин // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). – Екатеринбург, 1997. – С. 95-105.

6. Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви. 1927–2007 гг. / под ред. В. В. Шумило, С. В. Шумило. – Чернигов : ЧГИЭиУ, Киев-Чернигов : Православное издательство «Вера и жизнь», 2008. – 56 с.

7. Кривонос Феодор, протоиерей. Незабвенный пастырь преподобномученик Серафим Жировицкий / протоиерей Феодор Кривонос. – Минск : ВРАТА, 2016. – 52 с.

8. Лобанов, В. В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.) / В. В. Лобанов. – Москва, 2008. – С. 87–98; Следственное дело Патриарха Тихона : Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. – Москва : ПСТБИ, 2000. – 352 с.

9. Мазырин, А. В. Варлаам (Ряшенцев) / А. В. Мазырин, М. В. Шкаровский // Православная энциклопедия. – Москва, 2003. – Т. VI. – С. 598-600.

10. Малевич, А. Преосвященный Варлаам, новопосвященный Епископ Гомельский, Викарий Могилевской епархии / А. Малевич // Могилевские епархиальные ведомости. – 1913. – № 3 (часть неоф.). – С. 81–82.

11. Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно) / митрополит Мануил (Лемешевский). – Erlangen, 1979–1989. – Т. 6. – Ч. VI.

12. Савва (Мажуко), игумен. Гомельская епархия. 1925–1990 гг. / игумен Савва (Мажуко) // Православная энциклопедия. – Москва, 2006. – Т. XII. – С. 13-15.

13. Силова, С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / С. В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.

14. Слесарев, А. В. Большой террор и Православная Церковь в Восточной Белоруссии в 1937 г. / А. В. Слесарев // Церковно-исторический вестник. – 2007. – № 14. – С. 173–203.

15. Слесарев, А. В. История «правой» церковной оппозиции («иосифлянства») на Гомельщине в 1928 – нач. 1941 гг. / А. В. Слесарев // Труды Минской духовной академии. – 2014. – № 11. – С. 140-149.

16. Слесарев, А. В. Кампания по изъятию церковных ценностей на территории Гомельского уезда (апрель–август 1937 г.) / А. В. Слесарев // Труды Минской духовной академии. – 2011. – № 9. – С. 126–139.

17. Такоева, И. Т. Гомельская губерния : Как все начиналось. Неизвестные страницы / И .Т. Такоева. – Гомель : Редакция газеты «Гомельская праўда», 2014. – 287 с.

18. Учреждение викариатства в Могилевской епархии // Могилевские епархиальные ведомости. – 1907. – № 4 (часть неоф.). – С. 131–140.

19. Федорова, Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных / Н. А. Федорова // Журнал исследований социальной политики . – 2007. – Т. 5. – № 4. – 483-496.

20. Шиленок, Дмитрий. Жизнь и архипастырские труды епископа Тихона (Шарапова) / Дмитрий Шиленок : дипл. работа. – Жировичи : МинДС, 2000. – 145 с.

21. Шиленок Дмитрий, священник. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939). («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / священник Дмитрий Шиленок. – Москва : Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2006. – 218 с.

22. Шкаровский, М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви / М. В. Шкаровский. – Санкт-Петербург, 1999. – 399 с.

23. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М. В. Шкаровский. – Москва : Издательство Крутицкого подворья, 2005. – 423 с.

24. Ювеналий, митрополит. Историко-канонические критерии в вопросе канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века / митрополит Ювеналий // Журнал Московской Патриархии. – 1996. – № 2. – С. 53-59.

REFERENCES:

PRIMARY SOURCE

1. Akty Svyateyshego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneyshiye dokumenty i perepiska o kanonicheskom preyemstve vysshey tserkovnoy vlasti. 1917 –1943. / sost. M.Ye. Gubonin. – Moskva : PSTBI, Bratstvo vo Imya Vsemilosti ogo Spasa, 1994. – 1064 s.

2. Arkhiv Gomel'skogo yeparkhial'nogo upravleniya (GEU). Delo Svyato-Dukhovskogo khrama v d. Dvorets.

3. Arkhiv GEU. Delo Svyato-Nikolayevskogo khrama d. Bobovichi.

4. Arkhiv Minskogo yeparkhial'nogo upravleniya (MEU). – Fond 1. – Op. 2. – D. 514.

5. Arkhiv MEU. – Fond 1. – Op. 2. – D. 562.

6. Arkhiv MEU. – Fond 1. – Op. 2. – D. 803.

7. Arkhiv MEU. – Fond 1. – Op. 2. – D. 1013.

8. Arkhiv MEU. – Fond 1. – Op. 2. – D. 1075.

9. Arkhiv MEU. Delo «Posluzhnyye spiski umershikh svyashchennosluzhiteley». CH. 1-2.

10. Arkhiv Upravleniya Komitete gosudarstvennoy bezopasnosti Respubliki Belarus' (UKGB RB) po Gomel'skoy obl. – D. 5535-s.

11. Arkhiv UKGB RB po Gomel'skoy obl. – D. 17497-s

12. Arkhiv UKGB RB po Gomel'skoy obl. – D. 18117-s.

13. Arkhiv UKGB RB po Gomel'skoy obl. – D. 19033-s.

14. Arkhiv UKGB RB po Gomel'skoy obl. – D. 12270-s. – T. 1-4.

15. Arkhiv UKGB RB po Gomel'skoy obl. – D. 2363.

16. Arkhipastyrskiye poslaniya i pis'ma yepiskopa Gomel'skogo Tikhona (Sharapova) iz zaklyucheniya i ssylki (iyul' 1925 – avgust 1926 gg.) / publ., vstup. stat'ya i kommentarii A.V. Slesareva // CHRONOS. Tserkovno-istoricheskiy al'manakh. – 2013. – № 1. – S. 68–131.

17. Gosudarstvennyy arkhiv Gomel'skoy oblasti (GAGO). – Fond 100. – Op. 1. – D. 357.

18. GAGO. – Fond 161. – Op. 1. – D. 29.

19. GAGO. – Fond 317. – Op. 1. – D. 66.

20. GAGO. – Fond 882. – Op. 1. – D. 68.

21. GAGO. – Fond 1379. – Op. 1. – D. 2.

22. GAGO. – Fond 1379. – Op. 4. – D. 6.

23. GAGO. – Fond 3441. – Op. 1. – D. 1.

24. GAGO. – Fond 3441. – Op. 1. – D. 3.

25. GAGO. – Fond 3441. – Op. 1. – D. 4.

26. GAGO. – Fond 3441. – Op. 1. – D. 4.

27. GAGO. – Fond 3441. – Op. 1. – D. 7.

28. GAGO. – Fond 3441. – Op. 1. – D. 12.

29. GAGO. – Fond 3441. – Op. 3. – D. 5.

30. GAGO. – Fond 3441. – Op. 3. – D. 7.

31. GAGO. – Fond 3441. – Op. 3. – D. 9.

32. GAGO. – Fond 3441. – Op. 3. – D. 15.

33. GAGO. – Fond 3441. – Op. 3. – D. 21.

34. GAGO. – Fond 3441. – Op. 3. – D. 26.

35. Gosudarstvennyy arkhiv obshchestvennykh ob"yedineniy Gomel'skoy oblasti (GAOOGO). – Fond 2. – Op. 1. – D. 818.

36. Konstituts ya (Osnovnoy zakon) Rossiyskoy Sotsialistic eskoy Federativn y So-

vetskoy Respubliki, prinyataya V Vserossiyskim S"yezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 goda // Pervaya Sovetskaya Konstituts ya (Konstitutsi a RSFSR 1918 goda). Sbornik dokumentov / pod red. A. YA. Vyshinskogo. – Moskva : Yuridicheskoye izdatel'stvo NKYU SSSR, 1938. – S. 423-439.

1. Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence about the canonical succession of the highest ecclesiasti al authority. 1917-1943. / comp. M.E. Gubonin. - Moscow: PSTBI, Brotherhood in the Name of the All-Merciful Savior, 1994. - 1064 p.

2. Archives of the Gomel Diocesan Administration (GEU). The case of the Holy Spirit Church in the village of Dvorets.

3. GEU archive. The case of the St. Nicholas Church in the village of Bobovichi.

4. Archives of the Minsk Diocesan Administration (MEU). - Foundation 1. - Op. 2. - D. 514.

5. IU archive. - Foundation . - Op. 2. - D. 562.

6. Archive of the MEU. - Foundati n 1. - Op. 2. - D. 803.

7. Archive of the MEU. - Foundati n 1. - Op. 2. - D. 1013.

8. Archive of the MEU. - Foundati n 1. - Op. 2. - D. 1075.

9. Archive of the MEU. The case of "Service lists of deceased clergymen". Parts 1-2.

10. The archive of the O ce of the State Security Commi ee of the Republic of Belarus (KGB) for the Gomel region. - D. 5535-s.

11. Archive of the KGB RB for the Gomel region. - D. 17497-s

12. Archive of the KGB Department for the Gomel Region. - D. 18117-s.

13. Archive of the KGB RB for the Gomel region. - D. 19033-p.

14. Archive of the KGB RB for the Gomel region. - D. 12270-s. - T. 1-4.

15. Archive of the KGB RB for the Gomel region. - D. 2363.

16. Archpastoral le ers and le ers from Bishop Tikhon (Sharapova) of Gomel, from imprisonment and exile (July 1925 - August 1926) / public., Intro. article and comments A.B. Slesarev // ΧΡΟΝΟΣ. Church-historical almanac. - 2013. - No. 1. - P. 68-131.

17. The State Archives of the Gomel Region (GAGO). - Foundati n 100. - Op. 1. - D. 357.

18. GAGO. - Foundati n 161. - Op. 1. - E. 29.

19. GAGO. - Fund 317. - Op. 1. - D. 66.

20. GAGO. - Fund 882. - Op. 1. - D. 68.

21. GAGO. - Fund 1379. - Op. 1. - D. 2.

22. GAGO. - Fund 1379. - Op. 4. - D. 6.

23. GAGO. - Fund 3441. - Op. 1. - D. 1.

24. GAGO. - Fund 3441. - Op. 1. - D. 3.

25. GAGO. - Fund 3441. - Op. 1. - D. 4.

26. GAGO. - Fund 3441. - Op. 1. - D. 4.

27. GAGO. - Fund 3441. - Op. 1. - D. 7.

28. GAGO. - Fund 3441. - Op. 1. - D. 12.

29. GAGO. - Fund 3441. - Op. 3. - D. 5.

30. GAGO. - Fund 3441. - Op. 3. - D. 7.

31. GAGO. - Fund 3441. - Op. 3. - D. 9.

32. GAGO. - Fund 3441. - Op. 3. - D. 15.

33. GAGO. - Fund 3441. - Op. 3. - D. 21.

34. GAGO. - Fund 3441. - Op. 3. - D. 26.

35. State Archive of Public Associations of the Gomel Region (GAOOGO). - Foundation 2. - Op. 1. - D. 818.

36. Constitutio (Basic Law) of the Russian Socialist Federati e Soviet Republic,

adopted by the Fift All-Russian Congress of Soviets in a meeting of July 10, 1918. // The First Soviet Constitu n (Constit ti n of the RSFSR of 1918). Collection of documents / ed. A. Ya. Vyshinsky. - Moscow: The Legal Publishing House of the NKJ USSR, 1938. - P. 423-439.

37. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus' (NARB). – Fond 951. – Op. 1. – D. 5.

38. NARB. – Fond 951. – Op. 1. – D. 6.

39. NARB. – Fond 951. – Op. 2. – D. 5.

40. NARB. – Fond 951. – Op. 2. – D. 9.

41. NARB. – Fond 951. – Op. 2. – D. 10.

42. NARB. – Fond 951. – Op. 2. – D. 15.

43. NARB. – Fond 951. – Op. 2. – D. 17.

44. Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi (NIAB). – Fond 2415. – Op. 1. – D. 459.

45. NIAB. – Fond 2786. – Op. 1. – D. 516.

46. Pis'mo V. I. Lenina chlenam Politbyuro o sobyti akh v g. Shuye i politi e v otnoshenii tserkvi // Arkhivy Kremlya : v 2 kn. Politbyuro i tserkov'. 1922–1925 gg. – Moskva-Novosibirsk : «Rossiyskaya politiche kaya entsiklopediya», «Sibirskiy khronograf», 1997. – Kn. 1. – S. 140-141.

47. Ukaz Svyateyshego Sinoda (ob uchrezhdenii v Mogilevskoy yeparkhii kafedry vikarnogo Yepiskopa) // Mogilevskiye yeparkhial'nyye vedomosti. – 1907. – № 3 (chast' of.). – S. 17–18.

LITERARY SOURCES

1. Vasiliy (Ratmirov Vasiliy Mikhaylovich) // Pravoslavnaya entsiklopediya. – Moskva, 2003. – T. VII. – S. 93-94.

2. Vysochaysheye poveleniye // Mogilevskiye yeparkhial'nyye vedomosti. – 1912. – № 22 (chast' of.). – S. 321.

3. Vysochaysheye poveleniye // Mogilevskiye yeparkhial'nyye vedomosti. – 1912. – № 24 (chast' of.). – S. 343.

4. Kasyak, Ívan. Z gístoryí Pravaslaŭnay Tsarkvy belaruskaga narodu / Ívan Kasyak. – N'yu-York : Vydan'ne Belaruskay Tsentral'nay Rady, 1956. – 191 s.

5. Kilin, A. P. Kategorii grazhdan, lishennykh izbiratel'nykh prav v 1920-ye gody (analiz instruktsiy o vyborakh v Sovety) / A. P. Kilin // Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, poli ka, prakti a (1917–1980-ye gg.). – Yekaterinburg, 1997. – S. 95-105.

6. Kratkaya istoriya Russkoy Istinn -Pravoslavnoy Tserkvi. 1927–2007 gg. / pod red. V. V. Shumilo, S. V. Shumilo. – Chernigov : CHGIEiU, Kiyev-Chernigov : Pravoslavnoye izdatel'stvo «Vera i zhizn'», 2008. – 56 s.

7. Krivonos Feodor, protoiyerey. Nezabvennyy pastyr' prepodobnomuchenik Serafi Zhirovitskiy / protoiyerey Feodor Krivonos. – Minsk : VRATA, 2016. – 52 s.

8. Lobanov, V. V. Patriarkh Tikhon i sovetskaya vlast' (1917–1925 gg.) / V. V. Lobanov. – Moskva, 2008. – S. 87–98; Sledstvennoye delo Patriarkha Tikhona : Sbornik dokumentov po materialam Tsentral'nogo arkhiva FSB RF. – Moskva : PSTBI, 2000. – 352 s.

9. Mazyrin, A. V. Varlaam (Ryashentsev) / A. V. Mazyrin, M. V. Shkarovskiy // Pravoslavnaya entsiklopediya. – Moskva, 2003. – T. VI. – S. 598-600.

10. Malevich, A. Preosvyashchennyy Varlaam, novoposvyashchennyy Yepiskop Gomel'skiy, Vikariy Mogilevskoy yeparkhii / A. Malevich // Mogilevskiye yeparkhial'nyye vedomosti. – 1913. – № 3 (chast' neof.). – S. 81–82.

11. Manuil (Lemeshevskiy), mitropolit. Russkiye pravoslavnyye iyerarkhi perioda s 1893 po 1965 gg. (vklyuchitel'no) / mitropolit Manuil (Lemeshevskiy). – Erlangen, 1979–1989. – T. 6. – CH. VI.

12. Savva (Mazhuko), igumen. Gomel'skaya yeparkhiya. 1925–1990 gg. / igumen Sav-

va (Mazhuko) // Pravoslavnaya entsiklopediya. – Moskva, 2006. – T. XII. – S. 13-15.

13. Silova, S. V. Pravoslavnaya tserkov' v Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) / S. V. Silova. – Grodno : GrGU, 2003. – 105 s.

14. Slesarev, A. V. Bol'shoy terror i Pravoslavnaya Tserkov' v Vostochnoy Belorussii v 1937 g. / A. V. Slesarev // Tserkovno-istoricheskiy vestnik. – 2007. – № 14. – S. 173–203.

15. Slesarev, A. V. Istoriya «pravoy» tserkovnoy oppozitsii («iosifl anstva») na Gomel'shchine v 1928 – nach. 1941 gg. / A. V. Slesarev // Trudy Minskoy dukhovnoy akademii. – 2014. – № 11. – S. 140-149.

16. Slesarev, A. V. Kampaniya po iz"yatiyu tserkovnykh tsennostey na territorii Gomel'skogo uyezda (aprel'–avgust 1937 g.) / A. V. Slesarev // Trudy Minskoy dukhovnoy akademii. – 2011. – № 9. – S. 126–139.

17. Takoyeva, I. T. Gomel'skaya guberniya : Kak vse nachinalos'. Neizvestnyye stranitsy / I .T. Takoyeva. – Gomel' : Redaktsiya gazety «Gomel'skaya praŭda», 2014. – 287 s.

18. Uchrezhdeniye vikariatstva v Mogilevskoy yeparkhii // Mogilevskiye yeparkhial'nyye vedomosti – 1907. – № 4 (chast' neof.). – S. 131–140.

19. Fedorova, N.A. Lishentsy 1920-kh godov: sovetskoye sosloviye otverzhennykh / N. A. Fedorova // Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki . – 2007. – T. 5. – № 4. – 483-496.

20. Shilenok, Dmitriy. Zhizn' i arkhipastyrskiye trudy yepiskopa Tikhona (Sharapova) / Dmitriy Shilenok : dipl. rabota. – Zhirovichi : MinDS, 2000. – 145 s.

21. Shilenok Dmitriy, svyashchennik. Iz istorii Pravoslavnoy Tserkvi v Belorussii (1922–1939). («Obnovlencheskiy» raskol v Belorussii) / svyashchennik Dmitriy Shilenok. – Moskva : Izdatel'stvo Krutit kogo podvor'ya, Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, 2006. – 218 s.

22. Shkarovskiy, M. V. Iosifl anstvo: techeniye v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi / M. V. Shkarovskiy. – Sankt-Peterburg, 1999. – 399 s.

23. Shkarovskiy, M. V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnyye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh) / M. V. Shkarovskiy. – Moskva : Izdatel'stvo Krutits ogo podvor'ya, 2005. – 423 s.

24. Yuvenaliy, mitropolit. Istoriko-kanonicheskiye kriterii v voprose kanonizatsii novomuchenikov Russkoy Tserkvi v svyazi s tserkovnymi razdeleniyami KHKH veka / mitropolit Yuvenaliy // Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii. – 1996. – № 2. – S. 53-59.

«МОИ УБЕЖДЕНИЯ — <ВЕРА> В БОГА». СУДЬБА КАРГОПОЛЬСКОГО МОНАХА-БЕЛОРУСА*

«MY CREED IS FAITH IN GOD» FATE OF KARGOPOL'S BELORUSSIAN MONK**

УДК
UDC 94(47).084.6

Галина Николаевна Мелехова. Кандидат исторических наук, зав. Учебно-методическим кабинетом Николо-Угрешской православной духовной семинарии.

Galina Melekhova. PhD in History, Head of Training Methodology Study of Nikolo-Ugreshsky Orthodox Seminary.

РЕЗЮМЕ. Раскрывается жизненный путь схиархимандрита Кирилла (Пилюги, 1877–1945), родившегося в белорусской д. Петровичи и подвизавшегося в северорусских монастырях. Значительная часть его жизни была связана с каргопольской Кирилло-Челмогорской пустынью. После 1927 г. схиархимандрит Кирилл примкнул к движению иосифлян. Он был дважды арестован (в 1932 и в 1937 гг.) и направлен в ИТЛ, между арестами пребывал в ссылке в Сыктывкаре (республика Коми).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Схиархимандрит Кирилл (Пилюга), большой террор, Кирилло-Челмогорская пустынь, Декларация митрополита Сергия 1927 г., иосифляне.

ABSTRACT . The life of Schema-archimandrite Cyril (Pilyuga, 1877–1945) who was born in the Belorussian village of Petrovichi and toiled in the Northern-Russian monasteries is revealed in the article. A signi cant part of archimandrite Cyril's life was connected with Cyril-Chelmogorsk monastery in Kargopol region. A er 1927, schema-archimandrite Cyril joined «Josephites», movement led by Metropolitan Joseph of Leningrad (Petrovyh). He was arrested twice, in 1932 and 1937, and sent to labour camp. In the period between these arrests he remained in exile.

KEY WORDS. Great terror, Schema-archimandrite Cyril (Pilyuga), Cyril-Chelmogorsk monastery, Declara on of Metropolitan Sergius in 1927, Josephites.

Вновь и вновь мы обращаемся к тем, кто несмотря на беспрецедентные в истории Церкви гонения и испытания остался верен Богу, чьи жизни стали фундаментом возрождения Церкви в конце XX в. *«…если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша»* (1 Кор. 15, 14), — взывал к коринфянам апостол Павел. Сегодня мы можем сказать: если бы у нас не было новомучеников, наша Церковь была бы тщетна, бесплодна. В Собор новомучеников Церкви Русской входит более 1700 человек, поименно – более 1600 человек[1]. Но подвиги многих подвижников еще остаются не раскрытыми. Об одном из них, в судьбе которого переплелись белорусские корни и служение в северорусских монастырях, — наш рассказ.

Тимофей Григорьевич (Георгиевич) Пилюга — белорус, родился 16 февраля 1877 г. в д. Петровичи Игуменского уезда Минской губернии в семье крестьян. Его отец — Григорий Емельянов Пилюга, мать — Екатерина Юстанова[2]. Младенец был крещен 21 февраля 1877 г. в Волмянской церкви Покрова Пресвятой Богородицы, таинство совершил священник Симеон Дылевский при участии пономаря Иосифа Нарановича. Восприемниками были крестьяне деревни Петровичи Захарий Игнатиев

*Текст доклада на Международной научной конференции «Память в назидание», посвященная столетию начала подвига новомучеников Русской Православной Церкви. h ps://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

** The text of the report at the Internati nal scienti c conference "Memory for edi ca on", dedicated to the centenary of the feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church. h ps://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

1. См.: Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской. URL: http ://drevo-info.ru/articles/27 9.html#10 (дата обращения 3.11.2017).

2. См.: Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 21. Д. 35. Л. 28 об.–29. Зап. № 3. Благодарю жительницу г. Минска Наталью Лунину и сотрудников архива Оксану Валерьевну Луговскую и Вадима Валерьевича Врублевского за предоставленную выписку из метрической книги. В российских материалах присутствуют три имени Пилюги: Тимофей (см.: Архив РУ ФСБР АО. Д. П-404. Л. 57. 1932 г.); Трифон (монашеское имя) — в анкетных данных следственных дел (см.: Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 24-27. 1932 г.; Архив УФСБР РК. Д. КП-5925. Л. 1– 11. 1937 г.); Кирилл (в схиме, см.: За веру Христову. Биографический справочник «Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951)» / Сост. С.В. Суворова. Архангельск, 2006. С. 221–222). Везде отчество Пилюги указано как Георгиевич (далее используется именно это отчество), хотя в метрической записи отец указан как Григорий. Разнится и год рождения: в анкетах при арестах 1932 и 1937 гг. указан 1876 г. (см.: Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 24–27 об.; Архив УФСБР РК. Д. № КП-5925. Л. 4); в документах 1932 г. присутствует 1869 г. Д. Петровичи — ныне одноименный поселок в Смолевичском районе Минской области.

Курейчик и Арина Иванова, жена Якова Леонова Семижона[3]. Согласно ведомости о Волмянской Покровской церкви 1897 г., она была деревянная, построена неизвестно когда попечением князя Радзивилла[4], отремонтирована князем Витгенштейном в 1837 г., исправлена на средства прихожан в 1882 г.[5]

Родители имели дом, в хозяйстве были 2 лошади, 2 коровы, 6 десятин земли; Тимофей, подрастая, приобщался к сельскому хозяйству. У Тимофея были братья Власий и Сидор Георгиевичи, они продолжали крестьянствовать и после революции[6]. Тимофей закончил начальное училище, а по достижении 21 года (в 1898 г.) был призван в ряды царской армии и 4 года служил рядовым стрелком в славном своими воинскими традициями лейб-гвардии Семеновском полку в Санкт-Петербурге, был вестовым по разноске телеграмм[7]. По традиции, идущей от Петра I, шефами полка были Российские императоры, в период служения Пилюги — Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович (приписанный к полку с рождения в 1868 г.); в полку числились и другие высочайшие особы[8]. Полковым храмом семеновцев был собор Введения во храм Пресвятой Богородицы (с приделами во имя благ. кн. Александра Невского, вмц. Екатерины, правв. Захарии и Елисаветы, позже — еще свт. Иоасафа Белгородского), построенный по проекту Константина Тона в 1830–1840-е гг. (разрушен в 1930-е гг.) В этом воинском храме находились исторические иконы, хоругви, воинские реликвии, памятные доски, запечатлевшие выдающиеся сражения и имена полководцев, гробницы над мемориальными могильными склепами[9].

Годы службы в Семеновском полку Тимофея Пилюги (1898–1901) не были отмечены драматическими событиями и военными походами. Но боевая выучка и сила духа всегда свойственны русской гвардии. В изданной в 1917 г. памятке семеновца автор обращается к однополчанам: *«Помня, “как верою и правдою служили его предки и какое почетное имя получает он, входя в нашу семеновскую семью”, пусть каждый семеновец старается “развить в себе те крепкия основы верности долгу и любви к Родине, которыя всегда составляли отличительную черту семеновскаго солдата”»*[10]. Как видно из последующих судеб воинов Семеновского полка, годы службы оказывали на них большое влияние, многие укреплялись в вере и дальнейшую жизнь посвящали Церкви. В первой половине 1890-х гг. в лейб-гвардии Семеновском полку рядовым служил Стефан Проценко, будущий архимандрит Серафим, насельник Сяндемской и с 1915 г. Кирилло-Челмогорской пустыней, строитель и настоятель подворья Челмогорского монастыря в Петрограде[11]. Принял постриг, стал

3. См.: НИАБ. Ф. 136. Оп. 21. Д. 35. Л. 28 об.–29. Зап. № 3. Крестный Тимофея Пилюги Захарий Игнатиев Курейчик — прадед О.В. Луговской.

4. Князья Радзивиллы владели Петровичами до 1828 г., когда имение перешло к Людвигу (Льву Петровичу) Витгенштейну (1799–1866). См.: Кашэль В.У., (ученик 11 кл.), Пасканны А.А. (ученик 9 кл.). Летапіс в. Пятровічы Смалявіцкага раёна Мінскай вобласці. Рук. Л.Л. Хусанава. В. Пятровічы, 2011. С. 6 // Архив Петровичского прихода. Материалы приходского архива предоставлены членом Петровичского прихода О. Латушко, за что приношу ей благодарность.

5. См.: НИАБ. Ф. 136. Оп. 7т. Д. 41088. Л. 49 (10). Дело предоставлено членом Петровичского прихода О. Латушко. Интересно, что с 1866 г. в д. Петровичи была собственная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, приписная к Волмянской. Возможно, младенца крестили в главной церкви потому, что в приписной церкви службы совершались лишь «в храмовые праздники, Великий пост и по желанию прихожан» (Там же. Л. 49 об.–50).

6. Пилюга Влас Георгиевич и Пилюга Исидор Георгиевич (именно так указаны отчества) зафиксированы во Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (См.: НИАБ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 230. Ч. 2. Л. 11. № 21, 22. Дело предоставлено членом Петровичского прихода О. Латушко). В анкетах следственных дел в 1932 г. указаны оба брата, проживающие в д. Петровичи и занимающиеся сельским хозяйством, в 1937 г. — только Сидор. (См.: Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 24; Архив УФСБР РК. Д. КП-5925. Л. 4 об.)

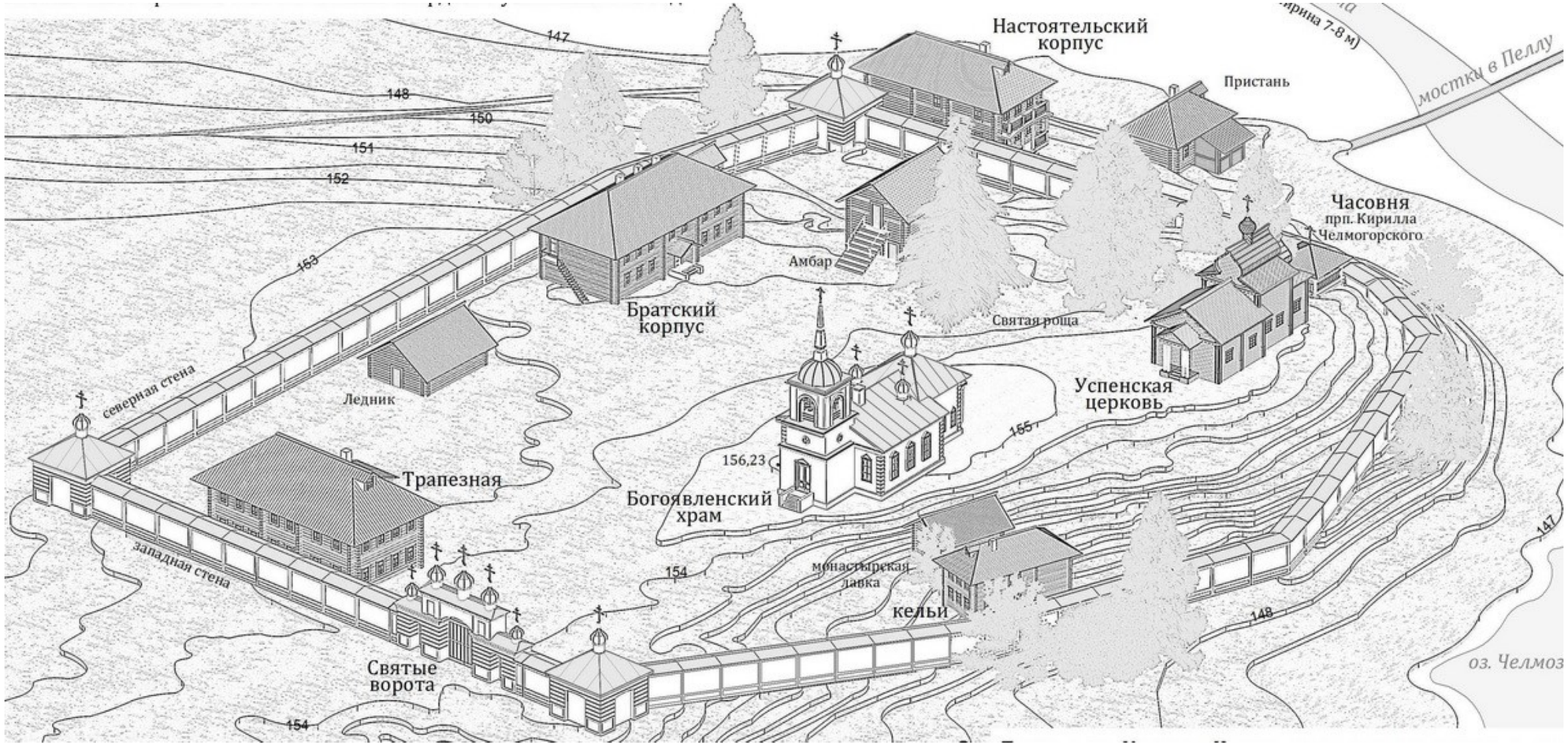
7. См.: Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 24–27 об., 65.

8. См.: История лейб-гвардии Семеновского полка. URL: http:/ www.lgsp.petrobrigada.ru/history.html (дата обращения 23.08.2015).

9. См.: Собор Введения во Храм Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Семеновского полка. URL: http:/ www.citywalls.ru/house1133.html?s=e49mn47p1m0akcj3srjgi8u5l5 (дата обращения 23.08.2015); Семеновский полк. URL: http:/ polki.mirpeterburga.ru/semion/topo/new3366 (дата обращения 23.08.2015.

10. Памятка семеновца. Краткая история Л.-Гв. Семеновского полка. Петроград, 1917. С. 3. URL: http:/ primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do vid=07NLR_VU1&search_scope=default_scope&docId=07NLR_LMS010134152&fn=permalink (дата обращения 23.08.2015).

11. См.: Варшавская Н.Ю. «Археологическая модель» Кирилло-Челмогорского монастыря. Приложение // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 143–145; Мелехова Г.Н., Фаркова Л.И. Судьбы братии Кирилло-Челмогорского монастыря (Каргопольского района Архангельской области) в XX веке // Феномен творческой личности в культуре. Фатющенковские чтения. Материалы V международной конференции МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2014. С. 128–129.



"Археологическая модель" Кирилло-Челмогорского монастыря (конец XIX - начало XX в.в.)

Горизонты проведены через 0.5 м. на основе топографического плана, выполненного В.П. Шабуниным, сотрудником Института археологии РАН. Система высот принята WGS-84. Система координат условная. 2015 год.

Территория Кирилло-Челмогорского монастыря расположена в 43 километрах к северо-западу от г. Каргополя. Координаты в системе WGS-84: широта N61"0"39'54'', длгота E38"0" 11'24''

Реконструкция Н.Ю Варшавской. 3D модель выполнена в среде T-Flex по дореволюционной фотографии и археологическим описаниям.

архимандритом и главой монашеской общины сам Тимофей Пилюга; уже в армии он был книгоношей, распространял среди солдат религиозные книги, проповедовал. В протоколах 1937 г. языком следователей НКВД об этом сообщается: *«в то время Пилюга завербовал меня в свою религиозную среду»*[12]. В армии Тимофей познакомился с Александром Ивановичем Иевлевым, тоже будущим архимандритом Алипием, и Иваном Федоровичем Мостовым, будущим иеромонахом. Впоследствии все трое поддерживали дружеские отношения, общались, переписывались, какое-то время служили неподалеку друг от друга в каргопольских храмах, т.е. их воинское братство продолжалось и по завершении службы. В те же годы Тимофей узнал петербургского священника Дмитрия Гавриловича Любимова, впоследствии епископа, в 1898 г.

12. Архив РУ ФСБР АО. Д. П-13425. Л. 43.

начавшего свое многолетнее служение в Покровской церкви на Садовой[13].

Демобилизовавшись в начале 1900-х гг., Тимофей не вернулся в родные края, а уехал в Сяндемскую пустынь Олонецкой губернии[14] — как он объяснял сам, *«ушел жить от родной семьи, т.к. земли было недостаточно»*[15], но, конечно, и по духовным причинам. Так с молодых лет белорус Тимофей стал насельником северных монастырей. В обители прп. Афанасия Сяндемского он прожил послушником около 5 лет, а в 1909 г., в связи с ее переформированием в женскую, был переведен в монастырь, основанный учителем и духовным наставником сяндемского святого, — прп. Александра Свирского. Здесь в 1913 г. (в 36 лет) Тимофей был пострижен в монашество с именем Трифон и через год переведен в Спасо-Каргопольский монастырь (Каргопольского района Архангельской области), где был рукоположен в сан иеродиакона. С началом Первой мировой войны монах Трифон изъявил согласие отправиться в распоряжение общества Красного Креста. Видимо, пробыл он там недолго, т.к. уже 17.07.1916 был рукоположен в сан иеромонаха и стал исполнять обязанности настоятеля Кирилло-Челмогорской пустыни[16]. С этим монастырем оказалась связана вся оставшаяся жизнь иеромонаха Трифона Пилюги.

В мае 1917 г. иером. Трифон стал избранным братией управляющим монастыря; видимо, в конце 1910-х–1920-е гг. он был возведен в сан игумена и архимандрита.

В начале 1920-х гг. монастырь был закрыт и преобразован в животноводческое хозяйство, в котором стали трудиться многие монахи. Сельскохозяйственные артели в закрытых монастырях в те годы создавались повсеместно, и несмотря на реальные замыслы советской власти они становились формой продолжения жизни обителей, хотя и в усеченном виде, ибо один из монастырских храмов оставался действующим. Архимандрит Трифон возглавил хозяйство, хотя официально назначались иные инструкторы. В Челмогорском хозяйстве за небольшой отрезок времени в 5-6 лет их перебывало несколько: агрономы Г.П. Семенов, Оборин, Артур Иванович Картау, Карл Антонович Фронголец. *«Но фактически хозяйством управлял я, — объяснял позже Пилюга, — а руководство принадлежало агроному, в то время работавшему в Каргопольском УЗУ…»*[17] . Здесь весьма пригодился сельскохозяйственный опыт работы настоятеля, с юности знакомого с сельскохозяйственными машинами.

В 1925 г. архим. Трифон участвовал в работе съезда староцерковнических общин в Каргополе, созванного епископом Каргопольским Василием Докторовым (Дохтуровым)[18]. Съезд, ссылаясь на пример Патриарха Тихона, принял решение *«еще раз заявить о своей лояльности перед рабоче-крестьянской властью»,* опубликовать его в местной прессе, просить Патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого, *«принять все доступные еще меры для реабилитации себя в глазах рабоче-крестьянской власти»*[19]. Это постановление был принято большинством голосов (56 против 13); думаем, что архим. Трифон был в числе противником.

В 1927 г. монастырское хозяйство было ликвидировано. Однако пятеро монашествующих остались около своего монастыря, видимо, надеясь на возобновление монашеской жизни. Чтобы поддержать свое существование, им приходилось искать работу в сельском хозяйстве, на лесозаготовках, в рыболовецких артелях. Лишенные, как и все духовенство, социальной поддержки, медицинского обслуживания, лекарств, они были обложены налогами и обречены на тяжелый физический труд[20]. Архимандрит Трифон, обладавший высоким авторитетом у населения, вошел в Труфановское земельное общество, получил *«место в выселке Пёла для постройки дома, где при помощи знакомых, проживающих в Челме, около 1928 г. построил себе дом»*[21]. Поселившись напротив монастыря, он питался овощами со своего огорода,

13. См.: Димитрий (Любимов Дмитрий Гаврилович). URL: http:/ kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/ans/newmr/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu2e8mcsi0ceG*cWyuVe8micW02f8XWs8Wd66CUci0ceuuWeCQd** (дата обращения 23.08.2015).
14. См.: Сяндемский Успенский женский монастырь. URL: http:/ syandema.cerkov.ru/ (дата обращения 23.08.2015). Сяндемская (Сяндебская) Успенская пустынь в 1909 г. преобразована в женскую; в 2011 г. восстановлена тоже в качестве женской обители.
15. Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 24–27 об.
16. См.: Варшавская Н.Ю. «Археологическая модель» Кирилло-Челмогорского монастыря. С. 148–149.
17. Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 24–27 об.
18. См.: Там же. Л. 65.
19. Кулишова С.В., Пригодина О.Б. Церковь и власть в Каргопольском уезде, 1918–1925 гг.: по материалам архива милиции и местной печати // Святые и святыни северорусских земель. По материалам VII науч. региональной конф. Каргополь, 2002. С. 190.
20. См.: ГААО. Ф. 4687. Оп.1. Д. 258. Л. 7; Д. 238. Л. 28 об.
21. Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 24–27 об.

ловил рыбу, собирал грибы: *«Сделал небольшой огород для посева огородных овощей, который пользую по настоящее время. Одновременно занимаюсь рыболовством и сбором грибов в лесу. Существование хлебом я обеспечиваю себе за счет своих трудов, т.е. наловлю рыбы, которую промениваю на хлеб. И давало помощь (печеным хлебом) окружающее население. Имею запас муки, она хранится 3-й год, приобретенный вышеуказанным порядком»*[22].

Но несмотря ни на что не прерывалась духовная жизнь монахов: они совершали богослужения, старались посещать церковь, стремились сохранить молитвенный образ жизни. По крайней мере, до 1932 г. действовала одна из церквей Челмогорского монастыря, переданная по договору Труфановской религиозной общине верующих, в ней служил сам архим. Трифон, иером. Дорофей (Мусихин), иером. Афанасий (Кузьмичев), который одновременно обслуживал и приходскую труфановскую церковь вмч. Георгия. Будучи последним перед закрытием монастыря настоятелем, архимандрит Трифон и в 1920–1930-е гг. пользовался у собратьев уважением и авторитетом и фактически оставался их главой. *«Наше духовенство, — признавал он на допросах, — …находилось под моим влиянием, к даваемым мной советам прислушивалось и выполняло»*[23]. Особенно тесно монахи общались два раза в год, в монастырские престольные праздники — 21 декабря, в день памяти прп. Кирилла, и 28 августа, в день Успения Богородицы, когда после церковных служб собирались в доме Пилюги. Во время обеда и чаепития велись беседы на религиозные темы, обсуждалось тяжелое положение Церкви, конечно, затрагивалась и тема гонений на духовенство со стороны власти. Архим. Трифон призывал *«теснее сплотиться вокруг гонимой Церкви и стойко защищать Православие»*[24]. Он не оставлял надежд восстановить монашескую жизнь: в мае 1928 г. он просил власти передать под пустынь удаленный *«остров Наглимозеро с церковью и озером для устройства там скитской строго монашеской жизни»*, в чем ему, конечно, было отказано. В этом же году он принял схиму с именем Кирилл — конечно, в память преподобного Кирилла Челмогорского и, видимо, от епископа Каргопольского Василия (Докторова), который в 1927 г. и по февраль 1928 г. жил в Каргополе и Петрозаводске[25].

В эти годы в Церкви происходит глубокое и болезненное разделение, вызванное Посланием Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти» (так называемой Декларацией 1927 г.) В ней намечались новые отношения с советской властью, делались попытки сближения с ней и, в частности, провозглашалось: *«Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»*[26]. Часть верующих приняли провозглашаемую линию как путь сохранения Церкви; другие видели в ней установление большевистского контроля над Церковью. Так считали и монашествующие во главе со схиархим. Кириллом, с 1929 г. отошедшая от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и принявшая сторону митрополита Иосифа (Петровых)[27]. Братия не порывала с церковной иерархией и была *«в части подчинения митрополиту и патриаршеству по религиозному обычаю единодушна»*[28]. Оставшись без епископа, каргопольцы искали архиерейского руководства; схиархим. Кирилл обратился к знакомому еще по службе в царской армии Димитрию Любимову, ставшему епископом Гдовским, с просьбой принять руководство над монастырем. Епископ Димитрий, осуществлявший связь с высланным в Моденский монастырь митрополитом Иосифом (Петровых) и фактически ставший главой иосифлян[29], согласился. Главой Русской Церкви иосифляне считали Местоблюстителя Патриаршего

23. Там же. Л. 149.
24. Там же. Л. 140.
25. См.: Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура (очерки, материалы, исследования). Архангельск, 2005. С. 99; Священномученики Сергий, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. Жизнеописания и документы / Сост. Л.Е. Сикорская. М.: Братонеж, 2009. С. 190, 196.
26. Цит. по: Цыпин Вл., протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 159.
27. О масштабах распространения движения иосифлян в Каргополье см.: Мелехова Г.Н., Фаркова Л.И. Каргопольские иосифляне в 1930-е годы // Святые и святыни Обонежья: Материалы всероссийской научной конференции «Водлозерские чтения — 2013». Петрозаводск, 2013. С. 197–206.
28. Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 27 об.
29. См.: «Я иду только за Христом...» Протоколы допросов митрополита Иосифа (Петровых), 1929–1930 гг. Публикация, вступление и примечания А. Мазырина. URL: http://собор narod.ru/doc/protocols.html (дата обращения 25.10.2012).

престола митрополита Крутицкого Петра (Полянского), находившегося в заключении, о его здравии молились, хотя никаких известий от него в течение многих лет не получали[30].

Для налаживания контактов схиархим. Кирилл в конце 1920–начале 1930-х гг. лично ездил в Ленинград, ставший центром иосифлянского движения; там он проживал, в частности, на квартире духовной дочери священномученика Павла Гайдая — Софьи Александровны Шейнгер[31].

Имея огромное влияние на окружающих, схиархим. Кирилл собрал вокруг себя единомышленников. Помимо монашеской братии, с ним были связаны проживавшие в Каргополе монахини бывшего женского Успенского монастыря. При Челмогорской обители возникла группа принявших постриг духовных дочерей схиархимандрита из крестьянок ближайших деревень. Среди них монахиня Анна (Мишина Анна Александровна, 1873–1937), арестовывавшаяся в 1932 и 1937 гг., расстреляна; монахиня Анна (Боголепова Анна Павловна, 1881–1985) и монахиня Евдокия (Михнова Евдокия Григорьевна, 1890–после 1947), обе были арестованы в 1937 г. и пережили 10-летнее заключение в ИТЛ; монахиня Валентина (Горбунцова Лидия Афанасьевна, 1906–1989), избежавшая арестов, но добровольно уехавшая в место заключения духовника (Сыктывкар) и проживавшая *«при Пилюге»; монахиня Алевтина (Баталова Александра Николаевна), тоже жившая «при Пилюге»*[32].

С оппонентами митрополита Сергия (так называемой «правой оппозицией») власть повела непримиримую борьбу: по официальным источникам, только за два года, с марта 1929 г. по февраль 1931 г. было арестовано свыше 4000 человек, в т.ч. около 1600 священнослужителей[33]. В 1931 г. добрались и до каргопольцев: к ним привела «ниточка» из ленинградского «Дела по обвинению Дружинина Ивана (Сергия) Прохоровича, Докторова Владимира (Василия) Ивановича и др. в числе 75 человек». В ходе следствия было выявлено, что в ведении арестованного в Ленинграде в декабре 1930 г. и осужденного в октябре 1931 г. епископа Каргопольского Василия (Докторова) находилось каргопольское духовенство, которое *«приезжало в Ленинград за инструкциями, литературой и указаниями»*; с некоторыми из них епископ Василий состоял в переписке[34]. Эта связь зафиксирована в обвинительном заключении челмогорской братии: *«Активный член Ленинградского административного центра к.р. организации ИПЦ, бывший викарный епископ Каргопольской епархии Докторов (репрессированный в 1931 г.) и близко стоявший к руководству Никольского филиала ИПЦ епископ Вихвелин, избегнув репрессии, поселившись в бывшем Челмском монастыре Каргопольского района, организовали из духовенства и монахов данного монастыря к.р. группу»*[35].

В августе 1931 г. над челмогорской братией был установлен надзор, начался сбор сведений об их деятельности: *«Пилюга Трифон — около 45 лет, монах, ранее имел сан архимандрита; в данное время в Челмском монастыре в ведении Трифона находятся все молитвенные здания, где он служит службы среди проживающих четырех крестьянских хозяйств, занимающихся хлебопашеством на монастырской земле; а также приходят в церковь к службе крестьяне окружающих деревень Труфановского и Орловского сельсоветов. Пилюга вращается исключительно в среде духовенства, монахов-–монахинь, при нем в монастыре проживают монахи <…> Пилюга также бывает в центре района у духовенства, <…> в среде адмвысланных, <…> также служил службу и на квартире у монахинь <…> Пилюга и Варсонофий*[36] *имеют хороший авторитет среди религиозного населения окружающих деревень, которые часто приносят им продукты и т.п.»*[37]

В начале сентября 1932 г. каргопольская группа монашествующих и мирян в со

30. См.: Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 26–27 об.

31. См.: Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. СПб.: Сатис, 2006. С. 497, 533. У Софьи Александровны Шейнгер по адресу ул. Восстания, д. 22, кв. 15 останавливались «оппозиционные митр. Сергию священнослужители — епископ Никольский Варсонофий (Вихвелин), о. Трифон из Кирилловой пустыни Каргопольского района и другие» (Там же. С. 497).

32. Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 41–42 об., 142; Д. П-14268. Л. 9, 15, 25–30, 34–37, 40, 47; Варшавская Н.Ю. «Археологическая модель» Кирилло-Челмогорского монастыря. С. 146–147, 149–150, 152.

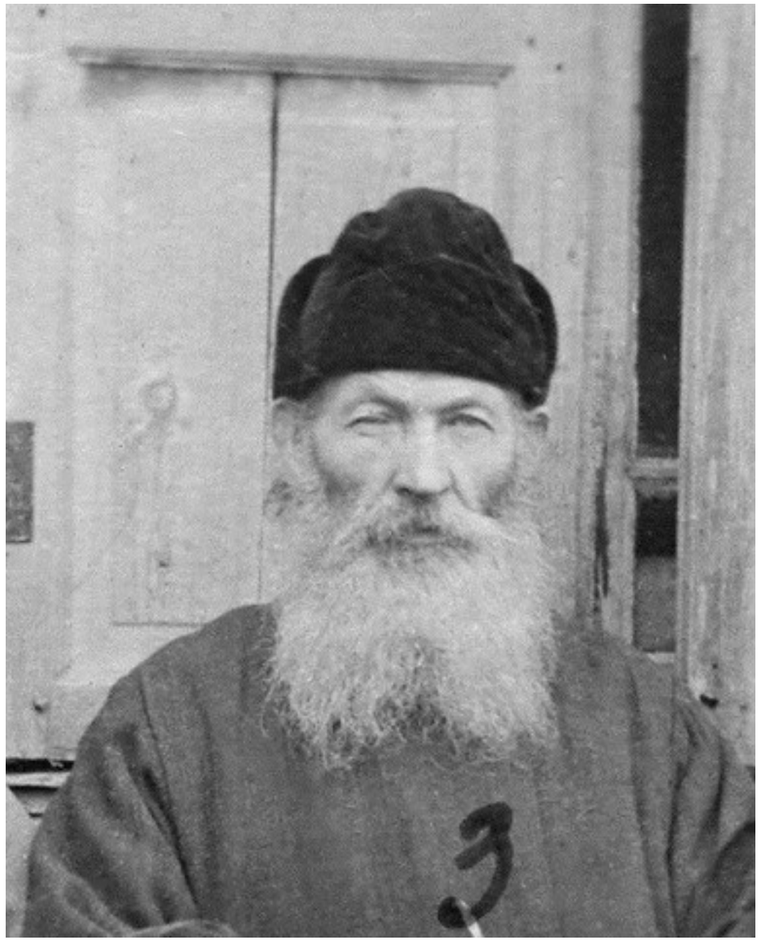
33. Русская Православная Церковь. XX век. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 230.

34. Священномученики Сергий, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. Жизнеописания и документы / Сост. Л.Е. Сикорская. М.: Братонеж, 2009. С. 136, 150, 195.

35. Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 180.

36. Епископ Варсонофий (Вихвелин), проживавший в 1930-е гг. вблизи Кирилло-Челмогорского монастыря.

37. Архив РУ ФСБР АО. Д. П-404. Л. 131.



Схиархимандрит Кирилл (Пилюга) во время следствия. Октябрь 1932 г. Фрагмент. Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573.

ставе 9 человек: епископ Варсонофий (Вихвелин), схиархим. Кирилл (Пилюга), иеромонах Афанасий (Кузьмичев), иеромонах Дорофей (Мусихин), игумен Василий (Лебедев), иеромонах Варсонофий (Солодягин), иеромонах Павел (Распутин), монахиня Анна (Мишина), Новинкина Дарья Богдановна — была арестована.

Схиархим. Кирилл, наравне с епископом Варсонофием, обвинялся в организации группы и в ее руководстве. В ходе следствия схиархим. Кирилл допрашивался четырежды: в день ареста 1 сентября, 22 и 27 сентября, 24 октября; все остальные арестованные — по 2 раза, в начале и в конце следствия, в 20-х числах октября; лишь иером. Варсонофий (Солодягин) допрашивался трижды. Схиархим. Кирилл был вынужден признать свою руководящую роль, но постарался оправдать епископа Варсонофия: *«От еп. Вихвелина, как неправящего, мне руководства никакого не было»*[38]. И в начале, и в конце следствия 1932 г. схиархим. Кирилл говорил прямо: «Мои убеждения как глубоко религиозного человека — <вера> в Бога. К существующей коммунистической партии мое отношение — как к необходимости пережить время и подчинение; но глубокая вера в Бога — в этом никто <меня> не разуверит»; *«С политикой советской власти я не согласен, особенно в отношении религии, где она ущемила интересы Церкви»*[39]. «Виновным в антисоветской агитации» схиархим. Кирилл себя не признал.

В обвинительном заключении говорится, что *«на территории Каргопольского района ликвидирована контрреволюционная группировка духовенства иосифлянского течения, охватывающая своей деятельностью Труфановский, Лекшмозерский, Печниковский и другие сельсоветы. Контрреволюционная работа была направлена к срыву проводимых мероприятий советской властью в деревне, в особенности в колхозном строительстве»*[40]. Епископ Варсонофий и схиархим. Кирилл Пилюга были приговорены к 8 годам ИТЛ, остальные — к 5 годам ИТЛ, лишь Д.Б. Новинкина (для которой это был второй арест и срок: она признавала себя иосифлянкой, но вела самостоятельную деятельность, помогая приходам хлопотать об открытии закрытых церквей) — к ссылке на 3 года[41].

Почти все арестованные (в т.ч. схиархим. Кирилл) были направлены в Ухтпечлаг; в сей раз все были досрочно освобождены уже в 1934 г. Схиархим. Кирилла в апреле освободили из концлагеря и отправили в ссылку, оставив в Сыктывкаре; в его освобождении по инвалидности «на поруки родственника» и возвращении домой было отказано. Между тем его здоровье было сильно подорвано: в конце 1932 г., во время этапирования в Ухтпечлаг, он болел столь серьезно, что были вынуждены на некото-

38. Там же. Д. П-6573. Л. 149.
39. Там же. Л. 24 об., 149.
40. Там же. Л. 179.
41. Там же. Л. 201.

рое время оставить его в Котласе в пересыльном пункте. В январе 1935 г. была подтверждена 2-я категория инвалидности. В октябре 1936 г. схиархим. Кирилл вновь находился в тюремной больнице Сыктывкара[42].

О жизни схиархим. Кирилла в этот период известно немного. Он проживал в статусе адмссыльного в пригороде Сыктывкара (с. Тентюково, Шестая десята, дом 19, ныне в границах города), работал в Сыктывкарском маслопроме на производстве по изготовлению проволоки для ящиков. При нем жила монахиня Валентина (Горбунцова), которую он выдавал за свою племянницу[43]. В Сыктывкаре в тот период пребывали многие исповедники веры. В том же Тентюково и в той же Шестой десяте («дом 66 Кудиновой») с июня 1935 г. жил известный лидер «даниловской оппозиции» митрополиту Сергию — настоятель московского Даниловского монастыря архиепископ Волоколамский Феодор (в миру Александр Васильевич Поздеевский, 1876–1937)[44]. В другом пригороде Сыктывкара — селе Кочпон (улица Колхозная, дом 5) с августа 1934 г. жил священномученик Герман (в миру Николай Степанович Ряшенцев, 1883–1937), епископ Вязниковский (с ним схиигумен Лука (Тарара) из Киева и ссыльная Пелагея Фокеева, келейница владыки). Владыка служил регентом в Кочпонской Казанской церкви, в которой пели преимущественно ссыльные монахи. В те же годы в Кочпоне проживал епископ Арзамасский Серапион (в миру Владимир Макарович Шевалеевский, 1873–1937), в Сыктывкаре — архиепископ Вологодский и Тотемский Стефан (в миру Николай Иванович Знамировский; 1878–1942)[45]. Немало других ссыльных монахов, монахинь, мирян жили в Сыктывкаре.

Архиепископ Феодор и епископ Герман были давними сослуживцами и друзьями, их связывала, по слову владыки Германа, более чем 30-летняя дружба. Однако в Сыктывкаре искреннее общение не возобновилось, напротив, по причине разного отношения к позиции митрополита Сергия возникло взаимное отчуждение. О ней владыка Герман вскоре после публикации Декларации 1927 г. писал: *«Я считаю более безопасным в духовном отношении и правильным в каноническом смысле идти за плугом даже в том случае, когда хозяин его, своими ли слабостями или резкостями личного характера, затрудняет работу. Что эта работа, несмотря на многое несовершенство как самих работников, так и их инструкторов, все же Божья работа — об этом ясно свидетельствуют самые глухие уголки Севера и других наших окраин, где часто почти в буквальном смысле повторяется то, что сказано в 36 и 37 ст. Апостола, который читается перед Рождеством Христовым»*[46]. Владыка Герман так отзывался о владыке Феодоре тех лет: «По виду он хмурый, еще больше горбится, и нет в его лице того мира, какой делает таким прекрасным всякого раба Божия»; архиепископ Феодор старому другу предпочел нового, «который при одном имени митрополита Сергия приходит в неистовство». Но и владыка Феодор отмечал немирный настрой епископа Германа: *«Пришел неожиданно Герман, с довольно петушиным настроением и обидой, что не приняли его посланника, с подчеркиванием, что он не одобряет М[итрополита] С[ергия], но не может отделяться от него и т.д.»*[47]

Можно было бы предположить, что этот «новый друг» — схиархим. Кирилл (Пилюга), живший по-соседству. Однако аресты владыки Феодора 4 марта 1937 г. и его окружения схиархим. Кирилла не задели, нет о нем упоминаний и в опубликованных протоколах допросов владыки[48]. Схиархим. Кирилл будет арестован 4 сентября 1937 г., но обвинение в связях с «к.р. организацией» владыки Феодора ему не предъявлялось.

42. Там же. Д. П-3677. Л. 30; Д. П-13425. Л. 45–48; Архив УФСБР РК. Д. КП-5925. Л. 5.
43. Архив УФСБР РК. Д. КП-5925. Л. 3–5, 9.
44. См.: Заклейменные властью. Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский политический Красный Крест и помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД. По документам фондов Государственного архива Российской Федерации. Православные, пострадавшие за веру. Поздеевский Александр (Феодор). URL: http:/ pkk.memo.ru/page%202/dukh_prav.html (дата обращения 29.09.2015).
45. См.: Воробьева А. Герман (Ряшенцев Николай Степанович), епископ. Житие // Комиссия по канонизации святых. Владимирская епархия. Персоналии. URL: http:/ www.vladkan.ru/life/16131704.html (дата обращения 29.09.2015); Рогачев М. Ссыльные архиереи в Коми автономной области // Православная газета Севера России «ВЕРА»–«ЭСКОМ». URL: http:/ rusvera.mrezha.ru/457/7.htm (дата обращения 29.09.2015).
46. Цит. по: Воробьева А. Герман (Ряшенцев)... Письмо Н.Д. Шаховской-Шик от 12 февраля 1928 года. Имеются в виду слова: «За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Рим. 8, 36–37).
47. Там же.
48. См.: Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского) / Автор-составитель Т.В. Петрова. М.: Даниловский благовестник, 2010. С. 71–141.

Выявляются связи схиархимандрита с каргопольскими монашествующими. В протоколах допросов разных каргопольцев (обвиняемых и свидетелей) зафиксировано, что несмотря на свое слабое здоровье и удаленность от братии, которая по освобождении в 1934 г. получила возможность вернуться в Каргополье, схиархим. Кирилл не только оставался в курсе происходящего в монашеской общине, но и, по-видимому, продолжал направлять ее деятельность между 1934 и 1937 гг. Восстанавливается конспиративная система связи схиархим. Кирилла с оставшимся за руководителя каргопольской общины архим. Афанасием (Кузьмичевым). Прямой переписки между ними не было; Пилюга писал письма в г. Каргополь — монахиням Агафье (Ширяевой), Агнии (Кукушкиной), Дьяковой; за этими письмами в город из Труфанова приходила монахиня Анна (Мишина), которая относила их монахине Анне (Боголеповой), на верхнем этаже дома которой фактически в затворе жил архим. Афанасий[49]. Монахини Валентина (Горбунцова) и Алевтина (Баталова), жившие «при Пилюге», время от времени приезжали в Труфаново из Сыктывкара, видимо, с поручениями от схиархимандрита (он посылал «своих связистов»). Возможно, по крайней мере, однажды схиархим. Кирилл и сам приезжал в Каргополье: один из арестованных в 1937 г. утверждал, что в 1934 г. был пострижен в тайное монашество именно архим. Трифоном, который выдал «монашескую одежду и целую кипу религиозной литературы»[50].

Во второй раз схиархим. Кирилл был арестован 4 сентября 1937 г. При аресте были изъяты несколько десятков икон и церковных книг, деревянный крест, тканевые церковные принадлежности, облигации 2-й пятилетки на 110 рублей, 17 рублей 39 копеек, а также алмаз (размер и происхождение не конкретизируется) и 6 листов переписки (в деле нет)[51]. Схиархим. Кирилл допрашивался однажды. Допрос был формальным и состоял из ответа на один вопрос: *«Признаете ли себя виновным в предъявленном Вам (SIC! с большой буквы) обвинении и что имеете рассказать о своей контрреволюционной деятельности? Ответ. Виновным я себя не признаю, т.к. никакой контрреволюционной деятельности я не вел и ничего по этому поводу показать не могу. Протокол я зачитал, написано с моих слов верно. Пилюга»*[52]. Подписи схиархим. Кирилла, как и положено, есть в конце всех листов протокола допроса (прямых и оборотных, включая лист с анкетными данными), но число дня не проставлено: *«1937 г. сентября мес. … дня»*.

Формальный характер носят и протоколы допросов двух свидетелей, особенно первый, который явно фальсифицирован, т.к. имеет фактическую ошибку: «Пилюга Трифон Георгиевич является попом-монахом иосифлянского течения и настроен чисто контрреволюционно, является враждебным советской власти элементом, но стремится и держит себя теперь скрытно. В связи с арестом Пилюги, он, Пилюга, в 15 -х <числах> сентября 1937 года в г. Сыктывкаре говорил, что его и других служителей культа органы сов. власти арестовывают как заложников, но дальше он свою мысль не продолжил». Между тем схиархим. Кирилл был арестован и находился под стражей с 4 сентября! Может быть, этот «свидетель» был подсажен к схиархимандриту в камеру? *«В общем, видно, — продолжает свои показания свидетель, — что Пилюга сильно недоволен существующим строем и относится поэтому к нему (сов. власти) весьма враждебно. Больше показать ничего не могу…»*[53] Это — явный лжесвидетель, оказывавший НКВД услуги определенного толка.

Второй свидетель, сам из осужденных по статье 58-10 УК (за контрреволюционную деятельность), был несколько более информативен: «Пилюга Трифон Георгиевич настроен весьма враждебно… для своей контрреволюционной деятельности жил на одной квартире с Горбунцовой Лидией Афанасьевной (монашка), держа эту монашку под предлогом племянницы… вел контрреволюционную работу против мероприятий сов. власти и всеми мерами стремился клеветать… в июле месяце 1937 года Пилюга говорил: *“Сов. органы насаждают везде и всюду шпионов, везде масса шпионов, даже по соседству ко мне поселили шпиона, сов. власть массу людей безвинно <арестовывает> и, очевидно, скоро нас арестуют”.* Для успеха своей агитации Пилюга использовал религию, говоря: *“Надо быть глубоко верующим, и тогда ничто не страшно”*. В то же время он утверждал, что теперь сов. власть как никогда ведет политику гонения на религию, очевидно, к двадцатилетию сов. власть думает изжить

49. См.: Архив РУ ФСБР АО. Д. П-14268. Л. 45–47.
50. Там же. Д. 13424. Л. 71.
51. См.: Архив УФСБР РК. Д. КП-5925. Л. 3–3 об.
52. Там же. Л. 7.
53. Там же. Л. 8–8 об.

религию и религиозных людей. … В общем, Пилюга является заядлым церковником (он — монах-поп) и в то же время контрреволюционером»[54]. Видимо, этот свидетель — осведомитель, тот самый «шпион», поселенный рядом со схиархимандритом.

Как видно, никаких конкретных проявлений «к.р. деятельности» следствие выявить не сумело и никаких конкретных обвинений схиархимандриту не предъявлялось. Дело было проведено спешно, формально, небрежно, без выявления связей и фактов. Нет даже обычных в следственных делах того времени известий о тайных богослужениях. Складывается впечатление, что священник был арестован для исполнения спущенного сверху лимита репрессированных. Обвинители считали, что «допрошенный … виновным себя не признал,.. но достаточно изобличается свидетельскими показаниями»; признавалось и отсутствие по делу вещественных доказательств[55]. Видимо, по этим причинам 29 сентября 1937 г. схиархимандрит был приговорен тройкой НКВД к 10 годам ИТЛ, а не к расстрелу[56].

Пока не удалось установить, где в сей раз и в течение скольких лет схиархим. Кирилл отбывал наказание. Известно, что в 1945 г. он проживал в Сыктывкаре в квартире все той же монахини Валентины (Горбунцовой) по адресу ул. Пушкина, д. 3 кв. 4 и числился сторожем гаража в Союзе потребительских обществ Коми АССР. В списках рабочих и служащих Потребсоюза Коми Т.Г. Пилюга не зафиксирован; а Л.А. Горбунцова там и работала: впервые она появилась в списках в 1941 г. (на должности ночного сторожа); указано, что до этого она работала в Октябрьской столовой. С 1942 г. она работала в Домкоме, в 1946 г. — комендантом[57].

Установлено, что схиархим. Кирилл скончался 5 декабря 1945 г. на 69-м году жизни от «паралича сердца»[58]. По-видимому, до конца жизни он остался верен своим взглядам на пути Русской Церкви: никаких известий о посещении им действовавшего храма в Кочпоне не найдено. Лидии Афанасьевне была суждена еще долгая жизнь, она умерла 16 октября 1989 г. в 83 года[59]. Ее ожидало замужество за инвалида Великой Отечественной войны (она изменила монашеским обетам), рождение дочери (Горбунцовой Альбины Ивановны), воспитание внука. Не однажды она бывала на родине в Каргополье, но постоянным местом ее жизни остался Сыктывкар, там она и похоронена.

Белорус по происхождению, православный русский человек Тимофей (в крещении) Пилюга — монах Трифон — схиархимандрит Кирилл прожил немалую (по меркам его времени) и подвижническую жизнь. Будучи выдающейся личностью, посетившей, по слову Ф.И. Тютчева, «сей мир в его минуты роковые», он выстроил жизненный путь в соответствии со своим миропониманием, взглядами на Божескую правду и веру и остался верен долгу до конца. В своем жизнестоянии он открыл и прочувствовал истину, что «надо быть глубоко верующим, и тогда ничто не страшно». Как кажется, такое упование на Господа и есть святость.

Сегодня еще не закончены споры по поводу позиции непоминающих (Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия) и в частности иосифлян, сохраняется настороженность по отношению к ним[60]. Но оценки стали более лояльными, «правую оппозицию» перестали трактовать в рамках концепции раскола. Очевидно, что разногласия непоминающих с официальной позицией Церкви тех лет были продиктованы стремлением к Истине, страхом отпасть от Полноты Православной Церкви, Глава которой — Христос, т.е. страхом Божиим. Как пишут современные исследователи, «…оружием тех, кто считал, что жизнь Церкви зависит более всего не от церковной политики, а от стойкого исповедания веры и правды, от готовности идти на смерть за веру и верность своим принципам, за чистоту церковной жизни, становится героическая духовная борьба и мученический подвиг… Мощнейшее сопротивление церковной оппозиции политике соглашательства спасло честь русской иерархии. Лучшая ее часть выбрала крестный путь и мученическую смерть за Христа, своим подвигом обеспечив в итоге победу над гонителями»[61]. В этой победе

54. Там же. Л. 9–9 об.
55. Там же. Л. 10.
56. См.: Там же. Л. 11.
57. См.: НАРК. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 447. Л. 56 (№ 115), 79, 83, 90, 100, 109 об., 117, 120.
58. См.: Архив ЗАГСа республики Коми. 1945 г. Запись акта о смерти № 508.
59. См.: Там же. 1989 г. Запись акта о смерти № 1410.
60. Обзор литературы см.: Мелехова Г.Н. Современные подходы в оценке иосифлян: обзор проблем, литературы и источников // Угрешский сборник. Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. Вып. 3. М.: ООО «Издательство ПЕНАТЫ», 2013. С. 181–196.
61. Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О.В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 5–6.

Челма-гора (Каргопольского района Архангельской области). Часовня на месте пещеры прп. Кирилла Челмогорского. Освящена летом 2012 г.

Мемориальный камень на месте Печниковского погоста с именами пострадавших за веру. Освящен 14 ноября 2012 г.

есть лепта и схиархимандрита Кирилла (Пилюги).

Но мы, потомки, все ли сделали, чтобы быть достойными продолжателями подвижника? Увы! На месте Челмогорской пустыни (Каргопольского района Архангельской области), где он подвизался, пустыня — не сохранилось ни одного сооружения, лишь высящиеся ели отмечают святое место. На месте Богоявленского храма, где под спудом, почивали и, возможно, поныне почивают мощи преподобного Кирилла, — заросшая гора строительного мусора от обрушенного здания. Память о монахах-подвижниках не стала общенародной, не все жители округи знают о них. Но все-таки предпринимаются попытки возродить святое место: восстановлена часовня на месте пещеры прп. Кирилла Челмогорского, начались археологические исследования, ведутся исторические разыскания; в приходе свв. Космы и Дамиана д. Ватамановская (Печниково) построена часовня его имени и установлен мемориальный камень, на котором выбиты имена пострадавших за веру в округе. 21 декабря ежегодно празднуется Кириллов день — память прп. Кирилла Челмогорского; в состав богослужений этого дня включается панихида о подвижниках, сохранявших веру.

Восстанавливается православная жизнь и на Родине схиархимандрита Кирилла

в д. Петровичи Смолевичского района Минской области: зарегистрирован православный приход (настоятель иерей Николай Козинец), есть домовая церковь Рождества Богородицы, Фото6 обустроен святой источник. Члены общины совместно молятся, ведут краеведческие изыскания, изучают историю приходских церквей округи. Автору удалось найти и поговорить с потомками схиархимандрита Кирилла: старейшая из них — его внучатая племянница Нина Никифоровна Пристром (1938 г.р., в девичестве Пилюга), внучка по отцу брата схиархимандрита Власа Георгиевича Пилюги, вспомнила, что несмотря на запретность темы память о том, что в роду был монах, в семье сохранялась.

Надеемся, что, схиархимандрит Кирилл молится о нас перед престолом Божиим, и, по его молитвам, в изучении истории пустыни и ее насельников нас ждет немало открытий. С такими молитвенниками мы сумеем удержать ветшающее, поправить разрушенное, обустроить исчезнувшее и, главное, очистить и подготовить к встрече с Господом собственные души.

———

Использованные сокращения:

АССР — Автономная советская социалистическая республика

ГААО — Государственный архив Архангельской области

ИПЦ — Истинно-православная церковь

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

к/р — контрреволюционный

НАРК — Национальный архив республики Коми

НИАБ — Национальный исторический архив Беларуси

РУ ФСБР АО — Региональное управление Федеральной службы безопасности России по Архангельской области

УЗУ — уездное земельное управление

УФСБР РК — Управление Федеральной службы безопасности России по республике Коми

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные источники:

Архив ЗАГСа республики Коми. 1945 г. Запись акта о смерти № 508.

Архив ЗАГСа республики Коми. 1989 г. Запись акта о смерти № 1410.

Архив РУ ФСБР АО. Д. П-13424. Л. 71.

Архив РУ ФСБР АО. Д. П-13425. Л. 43, 45–48.

Архив РУ ФСБР АО. Д. П-14268. Л. 9, 15, 25–30, 34–37, 40, 45–47.

Архив РУ ФСБР АО. Д. П-3677. Л. 30.

Архив РУ ФСБР АО. Д. П-404. Л. 57, 131.

Архив РУ ФСБР АО. Д. П-6573. Л. 24–27 об., 41–42 об., 65, 140, 142, 149, 179, 180, 201.

Архив УФСБР РК. Д. КП-5925. Л. 1– 11.

ГААО. Ф. 4687. Оп.1. Д. 238. Л. 28 об.

ГААО. Ф. 4687. Оп.1. Д. 258. Л. 7.

НАРК. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 447. Л. 56 (№ 115), 79, 83, 90, 100, 109 об., 117, 120.

НИАБ. Ф. 136. Оп. 21. Д. 35. Л. 28 об.–29. Зап. № 3.

НИАБ. Ф. 136. Оп. 7т. Д. 41088. Л. 49 (10). Л. 49 об.–50.

НИАБ. Ф. 1595. Оп. 2. Д. 12511. Ч. 2. Л. 11. № 21, 22.

Кашэль В.У., (ученик 11 кл.), Пасканны А.А. (ученик 9 кл.). Летапіс в. Пятровічы Смалявіцкага раёна Мінскай вобласці. Рук. Л.Л. Хусанава. В. Пятровічы, 2011. С. 6 // Архив Петровичского прихода.

Опубликованные источники:

Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О.В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.

Заклейменные властью. Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский политический Красный Крест и помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД. По документам фондов Государственного архива Российской Федерации. Православные, пострадавшие за веру.

Литература:

- Варшавская Н.Ю. «Археологическая модель» Кирилло-Челмогорского монастыря. Приложение // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 143–152.
- За веру Христову. Биографический справочник «Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951)» / Сост. С.В. Суворова. Архангельск, 2006.
- Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура (очерки, материалы, исследования). Архангельск, 2005.
- Кулишова С.В., Пригодина О.Б. Церковь и власть в Каргопольском уезде. 1918–1925 гг. // по материалам архива милиции и местной печати // Святые и святыни северорусских земель. По материалам VII науч. региональной конф. Каргополь, 2002. С. 185–190.
- Мелехова Г.Н. Современные подходы в оценке иосифлян: обзор проблем, литературы и источников // Угрешский сборник. Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. Вып. 3. М.: ООО «Издательство ПЕНАТЫ», 2013. С. 181–196.
- Мелехова Г.Н., Фаркова Л.И. Каргопольские иосифляне в 1930-е годы // Святые и святыни Обонежья: Материалы всероссийской научной конференции «Водлозерские чтения — 2013». Петрозаводск, 2013. С. 197–206.
- Мелехова Г.Н., Фаркова Л.И. Судьбы братии Кирилло-Челмогорского монастыря (Каргопольского района Архангельской области) в XX веке // Феномен творческой личности в культуре. Фатющенковские чтения. Материалы V международной конференции МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2014. С. 120–129.
- Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского) / Автор-составитель Т.В. Петрова. М.: Даниловский благовестник, 2010.
- Русская Православная Церковь. XX век. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.
- Священномученики Сергий, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. Жизнеописания и документы / Сост. Л.Е. Сикорская. М.: Братонеж, 2009.
- Цыпин Вл., протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.
- Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. СПб.: Сатис, 2006.

Интернет-публикации:

- «Я иду только за Христом...» Протоколы допросов митрополита Иосифа (Петровых), 1929–1930 гг. Публикация, вступление и примечания А. Мазырина. URL: htt ://собор.narod.ru/doc/protocols.html (дата обращения 25.10.2012).
- Воробьева А. Герман (Ряшенцев Николай Степанович), епископ. Житие // Комиссия по канонизации святых. Владимирская епархия. Персоналии. URL: http:/ www.vladkan.ru/life/16131704.html (дата обращения 29.09.2015);
- Димитрий (Любимов Дмитрий Гаврилович). URL: http:// uz1.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/ans/newmr/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu2e8mc-si0ceG*cWyuVe8micW02f8XWs8Wd66CUci0ceuuWeCQd** (дата обращения 23.08.2015).
- История лейб-гвардии Семеновского полка. URL: http://ww .lgsp.petrobrigada.ru/history.html (дата обращения 23.08.2015).
- Памятка семеновца. Краткая история Л.-Гв. Семеновского полка. Петроград,

1917. С. 3. URL: http: /primo.nlr. ru/primo_library/libweb/actio /dlDisplay.do?vid=07NLR_VU1&search_scope=default_scope&docId=07NLR_LMS010134152&fn=permalink (дата обращения 23.08.2015).

- Поздеевский Александр (Феодор). URL: http://pkk.m mo.ru/page%202/dukh_prav.html (дата обращения 29.09.2015).
- Рогачев М. Ссыльные архиереи в Коми автономной области // Православная газета Севера России «ВЕРА»–«ЭСКОМ». URL: h p://rusvera.mrezha.ru/457/7.htm (дата обращения 29.09.2015).
- Собор Введения во Храм Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Семеновского полка. URL: http://w w.citywalls.ru/house1133.html?s=e49mn47p1m0akcj3srjgi8u5l5 (дата обращения 23.08.2015); Семеновский полк. URL: http://pol i.mirpeterburga.ru/semion/topo/new3366 (дата обращения 23.08.2015).
- Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской. URL: htt s://drevo-info.ru/articles/ 769.html#10 (дата обращения 3.11.2017).
- Сяндемский Успенский женский монастырь. URL: http:/ syandema.cerkov.ru/ (дата обращения 23.08.2015).

BIBLIOGRAPHIC LIST

Archival Sources:

1. Arkhiv ZAGSa respubliki Komi. 1945 g. Zapis' akta o smerti № 508.

2. Arkhiv ZAGSa respubliki Komi. 1989 g. Zapis' akta o smerti № 1410.

3. Arkhiv RU FSBR AO. D. P-13424. L. 71.

4. Arkhiv RU FSBR AO. D. P-13425. L. 43, 45–48.

5. Arkhiv RU FSBR AO. D. P-14268. L. 9, 15, 25–30, 34–37, 40, 45–47.

6. Arkhiv RU FSBR AO. D. P-3677. L. 30.

7. Arkhiv RU FSBR AO. D. P-404. L. 57, 131.

8. Arkhiv RU FSBR AO. D. P-6573. L. 24–27 ob., 41–42 ob., 65, 140, 142, 149, 179, 180, 201.

9. Arkhiv UFSBR RK. D. KP-5925. L. 1– 11.

10. GAAO. F. 4687. Op.1. D. 238. L. 28 ob.

11. GAAO. F. 4687. Op.1. D. 258. L. 7.

12. NARK. F. R-469. Op. 1. D. 447. L. 56 (№ 115), 79, 83, 90, 100, 109 ob., 117, 120.

13. NIAB. F. 136. Op. 21. D. 35. L. 28 ob.–29. Zap. № 3.

14. NIAB. F. 136. Op. 7t. D. 41088. L. 49 (10). L. 49 ob.–50.

15. NIAB. F. 1595. Op. 2. D. 12511. CH. 2. L. 11. № 21, 22.

16. Kashel' V.U., (uchenik 11 kl.), Paskanny A.A. (uchenik 9 kl.). Letapis v. Pyatrovichy Smalyavitskaga rayona Minskay voblastsi. Ruk. L.L. Khusanava. V. Pyatrovichy, 2011. S. 6 // Arkhiv Petrovichskogo prikhoda.

Published sources:

17. Alchushchiye pravdy: Materialy tserkovnoy polemiki 1927 goda / Sost. svyashch. A. Mazyrin, O.V. Kosik. M.: Izd-vo PSTGU, 2011.

18. Zakleymennyye vlast'yu. Ankety, pis'ma, zayavleniya politzaklyuchennykh v Moskovskiy politiches iy Krasnyy Krest i pomoshch' politzaklyuchennym, vo VTSIK, VCHK-OGPU-NKVD. Po dokumentam fondov Gosudarstvennogo arkhiva Rossiyskoy Federatsii. Pravoslavnyye, postradavshiye za veru.

Literature:

19. Varshavskaya N.YU. «Arkheologicheskaya model'» Kirillo-Chelmogorskogo monastyrya. Prilozheniye // Kul'turnoye i prirodnoye naslediye Yevropeyskogo Severa. Arkhangel'sk: Pomorskiy universitet, 2009. S. 143–152.

20. Za veru Khristovu. Biografichesk y spravochnik «Dukhovenstvo, monashestvuyushchiye i miryane Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, repressirovannyye v Severnom

kraye (1918–1951)» / Sost. S.V. Suvorova. Arkhangel'sk, 2006.

21. Kritskiy YU.M. Kenozer'ye: istoriya i kul'tura (ocherki, materialy, issledovaniya). Arkhangel'sk, 2005.

22. Kulishova S.V., Prigodina O.B. Tserkov' i vlast' v Kargopol'skom uyezde. 1918–1925 gg. // po materialam arkhiva militsii i mestnoy pechati // Svyatyye i svyatyni severorusskikh zemel'. Po materialam VII nauch. regional'noy konf. Kargopol', 2002. S. 185–190.

23. Melekhova G.N. Sovremennyye podkhody v otsenke iosifl an: obzor problem, literatury i istochnikov // Ugreshskiy sbornik. Trudy prepodavateley Nikolo-Ugreshskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii. Vyp. 3. M.: OOO «Izdatel'stvo PENATY», 2013. S. 181–196.

24. Melekhova G.N., Farkova L.I. Kargopol'skiye iosifl ane v 1930-ye gody // Svyatyye i svyatyni Obonezh'ya: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Vodlozerskiye chteniya — 2013». Petrozavodsk, 2013. S. 197–206.

25. Melekhova G.N., Farkova L.I. Sud'by bratii Kirillo-Chelmogorskogo monastyrya (Kargopol'skogo rayona Arkhangel'skoy oblasti) v XX veke // Fenomen tvorcheskoy lichnosti v kul'ture. Fatyushchenkovskiye chteniya. Materialy V mezhdunarodnoy konferentsii MGU im. M.V. Lomonosova. M., 2014. S. 120–129.

26. Posledneye sledstvennoye delo arkhiyepiskopa Feodora (Pozdeyevskogo) / Avtor-sostavitel' T.V. Petrova. M.: Danilovskiy blagovestnik, 2010.

27. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. XX vek. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2007.

28. Svyashchennomucheniki Sergiy, yepiskop Narvskiy, Vasiliy, yepiskop Kargopol'skiy, Ilarion, yepiskop Porechskiy. Taynoye sluzheniye iosifl an. Zhizneopisaniya i dokumenty / Sost. L.Ye. Sikorskaya. M.: Bratonezh, 2009.

29. Tsypin Vl., protoiyerey. Istoriya Russkoy Tserkvi. 1917–1997. M., 1997.

30. Shkarovskiy M.V. Sud'by iosifl anskikh pastyrey. SPb.: Satis, 006.

INTERNET PUBLICATIONS:

31. «YA idu tol'ko za Khristom...» Protokoly doprosov mitropolita Iosifa (Petrovykh), 1929–1930 gg. Publikatsiya, vstupleniye i primechaniya A. Mazyrina. URL: http:/ co6op.narod.ru/doc/protocols.html (data obrashcheniya 25.10.2012).

32. Vorob'yeva A. German (Ryashentsev Nikolay Stepanovich), yepiskop. Zhiti e // Komissiya po kanonizatsii svyatykh. Vladimirskaya yeparkhiya. Personalii. URL: http:/ www.vladkan.ru/life/16131704.html (data obrashcheniya 29.09.2015);

33. Dimitriy (Lyubimov Dmitriy Gavrilovich). URL: http:// uz1.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/ans/newmr/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu2e8mc-si0ceG*cWyuVe8micW02f8XWs8Wd66CUci0ceuuWeCQd** (data obrashcheniya 23.08.2015).

34. Istoriya leyb-gvardii Semenovskogo polka. URL: http://ww .lgsp.petrobrigada.ru/history.html (data obrashcheniya 23.08.2015).

35. Pamyatka semenovtsa. Kratkaya istoriya L.-Gv. Semenovskogo polka. Petrograd, 1917. S. 3. URL: http://primo.n r. ru/primo_library/libweb/actio /dlDisplay.do?vid=07NLR_VU1&search_scope=default_scope&docId=07NLR_LMS010134152&fn=permalink (data obrashcheniya 23.08.2015).

36. Pozdeyevskiy Aleksandr (Feodor). URL: http://pkk.me o.ru/page%202/dukh_prav.html (data obrashcheniya 29.09.2015).

37. Rogachev M. Ssyl'nyye arkhiyerei v Komi avtonomnoy oblasti // Pravoslavnaya gazeta Severa Rossii «VERA»–«ESKOM». URL: http://ru vera.mrezha.ru/457/7.htm (data obrashcheniya 29.09.2015).

38. Sobor Vvedeniya vo Khram Presvyatoy Bogoroditsy leyb-gvardii Semenovskogo polka. URL: http://ww .citywalls.ru/house1133.html?s=e49mn47p1m0akcj3srjgi8u5l5 (data obrashcheniya 23.08.2015); Semenovskiy polk. URL: http://polki mirpeterburga.ru/semion/topo/new3366 (data obrashcheniya 23.08.2015).

39. Sobor novomuchenikov i ispovednikov Tserkvi Russkoy. URL: htt s://drevo-info.ru/arti les/2769.html#10 (data obrashcheniya 3.11.2017).

40. Syandemskiy Uspenskiy zhenskiy monastyr'. URL: http:/ syandema.cerkov.ru/ (data obrashcheniya 23.08.2015).

Сомов Сергей Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и межкультурных коммуникаций Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова

Somov Sergey Eduardovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature and Intercultural Communicati ns of Mogilev State University named after A. . Kuleshov

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ: ЭТАПЫ ВОСХОЖДЕНИЯ НА «ГОЛГОФУ»*

THE KING FAMILY: STEPS OF ASCENDING ON “GOLGOTHA"**

УДК
UDC 94(47).084.6

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается последние этапы жизни последней царской семьи династии Романовых, в полном составе взошедшей на «Голгофу» мученической смерти. Прославление царственных мучеников в лике святых страстотерпцев как знак духовного возрождения Православной Руси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Династия Романовых, Царская семья, Николай II, святые мученики.

ABSTRACT . In the article the last stages of the life of the last royal family of the Romanov dynasty are considered, which, in full force, was martyred on Calvary. The glorifi ation of the royal martyrs in the face of the holy martyrs as a sign of the spiritual revival of Orthodox Russia.

KEY WORDS. The dynasty of the Romanovs, the royal family, Nicholas II, the holy martyrs.

Судьба Российского императора Николая Александровича Романова и всех членов его большой семьи неразрывно связана с самыми трагическими событиями русской истории начала XX века. Пройдя через две революции, две войны и социал-коммунистический террор, Романовы потеряли жизнь, но приобрели в глазах православных верующих венец святости в чине страстотерпцев.

За мученической святостью в истории Церкви всегда стоят очень большие испытания, проходя через которые, человек и проявляет силу своего духа, и укрепляет его. Таковыми испытаниями для царской семьи стали события как личного, сугубо семейного, так и общественно-исторического характера, касавшиеся судеб всего русского народа. При этом испытания в семейной жизни были скрыты от большинства современников царя. Знание о них стало доступно только через многие десятилетия, благодаря ставшим достоянием общественности документам: письмам государя и государыни, их дневникам, воспоминаниям современников, причем только тех немногих, кто общался с Венценосной семьей очень близко и был вхож в домашний мир Романовых.

Император Николай Александрович сам был выходцем из многодетной семьи – старшим сыном в большой и дружной семье российского императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. Поэтому серьезное отношение к семейным ценностям он вынес из детства и из глубоко религиозного русского воспитания. После бракосочетания с Александрой Федоровной, дочерью Великого Герцога Гессенского, принявшей православную веру, он перенес полученный опыт на собственные семейные отношения, основав их на любви в высоком, христианском смысле этого слова. И даже при том, что вполне насладиться частной жизнью и семейным счастьем он не смог в связи со смертью отца и вступлением на Российский императорский престол, до 1907 года жизнь семьи Романовых можно назвать по-настоящему благополучной в обычном значении этого слова.

У царской четы сначала родились четыре дочери — Ольга (1895), Татьяна

*Текст доклада на Международной научной конференции «Память в назидание», посвященная столетию начала подвига новомучеников Русской Православной Церкви. h ps://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

** The text of the report at the Internati nal scienti c conference "Memory for edi ca on", dedicated to the centenary of the feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church. h ps://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-

(1897), Мария (1899) и Анастасия (1901), а затем сын, наследник престола цесаревич Алексей (1904). Семья жила полноценной жизнью в духе взаимной любви и православного благочестия. Россия развивалась столь бурными темпами, какие были недоступны ни одной из стран мира, население ее увеличивалось из года в год, и даже тревожные события первой русской революции 1905 г. не могли поколебать уверенности государя в лучшем будущем государства.

В субъективном отношении все изменилось в 1907 г. Первым тяжелым испытанием для венценосной семьи стала наследственная болезнь Алексея – гемофилия, которая открылась в трехлетнем возрасте и в любой момент могла стать причиной смерти наследника престола. Несмотря на особый распорядок жизни Алексея, ограждающий его от опасностей, новых приступов болезни избежать не удавалось, некоторые из них длились месяцами. В своем письме к матери осенью 1912 г. Николай Александрович так описывал болезнь сына: «Он почти не спал все это время, не имел сил плакать и только стонал, повторяя все время одни и те же слова: «Господи, сжалься надо мною». Я с трудом мог оставаться в его комнате, но должен был сменять Аликс, которая совершенно выбилась из сил, проводя у его постели ночи напролет». В воспоминаниях воспитателя и наставника царских детей Пьера Жильяра мы читаем: «О, какая пытка для матери присутствовать бессильной при муках своего ребенка, томиться долгие часы в смертной тоске, какая мука знать, ...что это она передала ему ту страшную болезнь, против которой наука ничего не могла поделать.

Как я понимал теперь сокровенную драму этой жизни и как легко мне стало восстановить этапы этого долгого пути на Голгофу!»

Дух семьи укрепляла глубокая вера в Бога, поддерживал традиционный русский уклад. «Как счастлив дом, где все – дети и родители – верят в Бога, – писала в своем дневнике императрица. – В таком доме царит радость товарищества. Такой дом как преддверие неба. В нем никогда не может быть отчуждения». Воспитание детей в императорской семье с самого начала было проникнуто духом Православной веры. «Религиозное воспитание самый богатый дар, который родители могут оставить своему ребенку; наследство никогда не заменит это никаким богатством» – так определяла значение воспитания детей в вере императрица Александра.

Новым по-настоящему тяжелым испытанием и новой ступенью восхождения для России и царской семьи стала Первая мировая война. С началом войны в Царском селе было открыто несколько лазаретов. В трех из них сёстрами милосердия ежедневно (а не периодически) служили императрица и ее дочери. Анна Танеева так вспоминала об этом: «Я видела русскую Императрицу в операционной госпиталя державшей склянки с эфиром, подающей простерилизованные инструменты, помогающей при самых трудных операциях, принимающей от хирургов ампутированные конечности, убирающей пропитанные кровью и даже кишащие паразитами бинты, выносящей все эти запахи, зрелище и агонию в самом ужасном на земле месте – в военном госпитале во время войны. Она делала свою работу с тихим смирением и неутомимостью человека, которому Бог предназначил это служение. Татьяна была почти такой же верной, как и ее мать, и жаловалась только, что из-за молодости ее освобождают от самой трудной работы. Императрицу ни от чего не освобождали, и она сама этого не желала».

В дни войны обязанности младших состояли в том, чтобы развлекать раненых солдат, читать им вслух, устраивать балы и представления, где выздоравливающие могли немного развлечься. Анастасия приводила с собой к раненым собачку Швибсика, которая отплясывала на задних лапках, вызывая неизменный смех; а Мария предпочитала сидеть у изголовья раненых солдат и расспрашивать об их семьях, детях, поскольку знала по именам практически всех родственников тех, кто состоял у неё на попечении.

В самое тяжелое время войны государь взял на себя командование войсками. Ставка верховного главнокомандующего была организована в городе Могилеве. Почти весь 1916 г. цесаревич провел с отцом в ставке, постоянно сопровождая его при смотрах войск. Дочери также часто сопровождали государыню в поездках по России, они посещали удаленные военные госпитали и также ездили в Ставку. «Великие княжны очень любили эти поездки в Могилев, – писал П. Жильяр, – всегда слишком короткие, как им казалось: это вносило небольшую перемену в их однообразную и суровую жизнь. Они пользовались там большей свободой, чем в Царском Селе.

Станция в Могилеве была очень далеко от города и стояла почти в поле. Великие княжны пользовались своими досугами, чтобы посещать окрестных крестьян и

семьи железнодорожных служащих. Их простая и безыскусственная доброта побеждала все сердца, и, так как они очень любили детей, их всегда можно было видеть окруженными толпой ребятишек, которых они собирали по дороге и закармливали конфетами».

Война обострила внутриполитическую ситуацию в стране, которой смогли воспользоваться антиправительственные силы, коим удалось «раскачать» Россию. В самый разгар революции, в феврале 1917 г., царские дети один за другим заболели корью. Императрица при поддержке врачей боролась с тяжелой болезнью детей в Царском Селе. Император был в это время в ставке главнокомандующего в Могилеве. Обман и предательство приближенных вынудили его отречься от престола за себя и за наследника. В Могилеве он простился с генералитетом ставки и своим личным конвоем и фактически под арестом был доставлен к семье. В начале марта 1917 года Временное правительство приняло решение подвергнуть императорскую семью домашнему аресту в Царском Селе. С семьей осталось несколько человек, разделивших все тяготы преследования императора.

Домашний арест легче переносился благодаря привычке постоянного труда. Праздность была абсолютно чужда семье императора. Через отца дети были приучены заниматься физическим трудом, через мать – рукоделием. По свидетельству М.К Дитерихса, в Царском Селе «вставали в 8 часов утра; молитва, утренний чай всех вместе... В свободное от учебных занятий время государыня и дочери шили что-нибудь, вышивали или вязали, но никогда не оставались без какого-либо дела. Государь в это время читал у себя в кабинете и приводил в порядок свои бумаги… Во время дневных прогулок все члены семьи, за исключением императрицы (в связи с состоянием ее здоровья – С.С.), занимались физической работой: очищали дорожки парка от снега, или кололи лед для погреба, или обрубали сухие ветви и срубали старые деревья, заготавливая дрова для будущей зимы. С наступлением теплой погоды вся семья занялась устройством обширного огорода, и в этой работе с ней вместе принимали участие некоторые офицеры и солдаты охраны, уже привыкшие к царской семье и стремившиеся выказывать ей свое внимание и доброжелательство».

Властям периодически приходилось менять охрану царской семьи, поскольку, видя их доброту, кротость, любовь друг к другу, солдаты проникались уважением к царским детям и их родителям и становились их друзьями. В конечном итоге Временное правительство приняло решение о переводе семьи бывшего царя в Тобольск. Жизнь в Тобольске в губернаторском доме была более однообразной, нежели в Царском Селе. Наибольшим утешением для заключенных являлись богослужения в ближайшем храме, куда всей семье было разрешено ходить под конвоем: солдаты образовывали живой коридор вплоть до самых церковных дверей. Княжна Анастасия так писала своей тёте Ксении: «Ну, а мы теперь нашли себе новое занятие. Пилим, рубим и колем дрова, это полезно и очень весело работать. Уже выходит довольно хорошо. И этим мы ещё многим помогаем, а нам это развлечение. Чистим ещё дорожки и подъезд, превратились в дворников».

Весной 1918 г. по решению новой власти царская семья была доставлена в Екатеринбург. В доме инженера Ипатьева жизнь узников стала невыносимой, им даже форточки не разрешали открывать для проветривания помещения. Наступили дни, в которые сила духа всех членов царской семьи проявилась наиболее ярко. Двумя годами ранее императрица писала в одном из писем: «Было бы слишком легко жить, если бы благодать всегда сопутствовала нам – приходится ее добиваться, вырабатывать собственный характер. Минуты гнева должны подавляться. Надо много трудиться для достижения совершенства. Бодрствуйте и молитесь, как нам указано. Зло всегда стремится завладеть нами и беспокоить нас в минуты упадка духа. Жизнь – вечная борьба, но Бог Всемогущий поможет».

Безусловно, Романовы осознавали, что происходящие события приближают их к насильственной смерти. Незадолго до гибели великая княжна Ольга Николаевна записала на листочках почтовой бумаги два стихотворения, написанных поэтом Сергеем Бехтеевым и переданных узникам в Тобольск. Одно из них называется «Молитва», оно наиболее глубоко и точно передает те мысли и чувства, с которыми встретили свой смертный час родители и дети:

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье

И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной,
В невыносимый, смертный час...

И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молится кротко за врагов!

14 июля 1918 г. священник Екатерининского собора г. Екатеринбурга о. Иоанн Сторожев в сослужении диакона Василия Буймистрова совершил последнюю службу в жизни венценосной семьи. В своих записках он писал: «Став на свое место, мы с дьяконом начали последование обедницы. По чину обедницы в определенном месте положено прочесть молитвословие «Со святыми упокой». Почему-то дьякон вместо прочтения запел эту молитву, стал петь и я. Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустились на колени».

Последняя ступень восхождения на «Голгофу» – ночь с 17 на 18 июля 1918 г. В эту ночь императорская семья была зверски убита большевиками. Вместе с Романовыми были расстреляны оставшиеся верными государю до самых последних дней: камердинер полковник Е. Трупп, комнатная девушка С. Демидова, лейб-повар М. Харитонов и лейб-медик Е.С. Боткин (сознательно оставивший семью ради служения своему государю; также прославленный в лике святых в наши дни). После расстрела тела членов императорской семьи и приближенных были привезены на заброшенный рудник – Ганину Яму, где они были разрублены на части, сожжены с помощью керосина и серной кислоты и брошены в шахту рудника.

Уже в советское время на месте гибели Царской семьи стали появляться первые тайные богомольцы. 17 июля 1991 г. у Ганиной Ямы был установлен первый поклонный крест, а в 2000 году, когда Николай II и его семья были прославлены в лике святых, здесь основали мужской монастырь в честь Святых Царственных страстотерпцев. Сейчас в обители действует семь храмов — по числу убитых членов Царской семьи. 17 июля — в день поминовения Царственных страстотерпцев ежегодно из Екатеринбурга от храма на крови к месту упокоения Романовых приходит самый многочисленный православный Крестный ход, в котором участвуют сотни тысяч людей со всей России и из других стран мира.

В XXI веке семья святых Царственных страстотерпцев Романовых стала самым ярким образцом семейной жизни, символом подлинных семейных ценностей. Пьер Жильяр, учитель царских детей, так говорил об этом: «Какой пример, если бы только о нем знали, давала эта столь достойная семейная жизнь, полная такой нежности! Но как мало людей о ней подозревали!». Этот пример трудного семейного счастья показывает потомкам, что даже в тяжелейших жизненных ситуациях и невыносимых исторических обстоятельствах возможно сохранить честь, достоинство и любовь. Романовым не довелось прожить долгую жизнь, особенно детям, но им удалось прожить свою жизнь счастливо и достичь наивысшей цели христианского земного существо-

вания – святости.

В письме к сестре Виктории государыня писала: «Мне досталось столько счастья, что я охотно отдала бы за него все удовольствия; они так мало значат для меня, а моя семейная жизнь так идеальна, что сполна возмещает все, в чем я не могу принять участие...» Полковник Кобылинский писал: «Такой удивительно дружной, любящей семьи я никогда в жизни не встречал и, думаю, в своей жизни уже больше никогда не увижу». Ему вторил камердинер императрицы Алексей Волков: «Я не умею рассказать про характеры Царской семьи, потому что я человек неученый, но я скажу, как могу. Я скажу про них просто: это была самая святая и чистая семья».

Современники не знали и даже не могли знать обо всем этом. Великое видится только на расстоянии. Это небывалый случай в истории Православия, когда вся семья – и отец, и мать, и все их пятеро детей – прославлены в лике святых. Сегодня православные люди обращаются к ним с молитвой: «Святые Царственные страстотерпцы, молите Бога о нас!»

ЛИТЕРАТУРА

- Дневники Николая II, 1904. Начат в Царском Селе.
- Танеева (Вырубова) А. А. «Страницы моей жизни»
- Переписка Николая и Александры, 2013, Николай, 11 мая 1915,
- Генерал М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале».
- Соколов Николай Алексеевич «Убийство царской семьи».

REFERENCES:

- Dnevniki Nikolaya II, 1904. Nachat v Tsarskom Sele.
- Taneyeva (Vyrubova) A. A. «Stranitsy moyey zhizni»
- Perepiska Nikolaya i Aleksandry, 2013, Nikolay, 11 maya 1915,
- General M.K. Diterikhs «Ubiystvo Tsarskoy Sem'i i Chlenov Doma Romanovykh na Urale».
- Sokolov Nikolay Alekseyevich «Ubiystvo tsarskoy sem'i».

Антон Васильевич Миронович,
доктор исторических наук, профессор исторического факультета Белостокского университета(Белосток, Польша).

Anton Mironovich,
Ph.D., Professor, Belostok University, (Belostok, Poland)

НЕОУНИЯ ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ*

CHURCH NEO-UNION IN SECOND POLISH REPUBLIC **

УДК
UDC 94 (476)

РЕЗЮМЕ. В статье описываются попытки Ватикана внедрения неоунии среди православного населения на западных землях бывшей Российской империи, вошедших в межвоенный период в состав Второй Речи Посполитой. Отмечается конфликт интересов между Ватиканом и националистическим правительством Второй Речи Посполитой в ходе смены веры православного населения.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Вторая Речь Посполита, церковная политика в Польше, неоуния

ABSTRACT . The artic e describes the Vati an's a empts to introduce church neo-union among the Orthodox population on the western lands of the former Russian Empire, which were part of the Second Polish Republic during the interwar period. There is a con ict of interest between the Vati an and the nationali tic government of the Second Polish Republic in the process of change of faith of the Orthodox population
KEY WORDS. The Second Polish Republic, church neo-union, church policy in Poland.

Во II Речи Посполитой Православная Церковь не поддерживалась авторитетом власти, а лишь отождествлялась с вероисповеданием захватчика. Во время акции возврата утраченной собственности Пра-вославной Церкви были отняты более 400 храмов. Изменения обще-ственно-политического строя в Советской России ослабили позицию Московского Патриархата, который предоставил Православной Церкви в Польше автономию, а руководство поручил местному собору еписко-пов во главе с экзархом, имеющим полномочия митрополита. В 1921 году звание экзарха получил Минско-Туровский владыка Георгий. В 1918–1923 годах Православная Церковь в пределах Речи Посполитой насчитывала более 4 миллионов верующих в семи епархиях. Польские власти, с одной стороны, стремились к созданию независимой от Москвы церковной структуры, а с другой стороны – ограничивали количество православных приходов.

Первым митрополитом Варшавским стал епископ Георгий, а после его трагической смерти – архиепископ Дионисий. Митрополит про-должал усилия по установлению церковной автокефалии. Митрополит вместе с государственными властями 13 октября 1924 года получил от Константинопольского Патриархата согласие на установление автоке-фалии. Автокефалию Православной Церкви в Польше в период между первой и второй мировыми войнами признали все патриархаты и автономные Церкви, кроме русской. Самый тяжёлый период Польская Православная Автокефальная Церковь переживала в 1938 году, когда, по решению административных властей на Холмщине и Подляшье, было снесено около 300 сакральных объектов. Окончательно юридические вопросы Православной Церкви урегулировал указ президента «Об отношении Государства к Польской Автокефальной Православной Церкви» от 18 октября 1938 года.

***

Одной из больших проблем во время Второй Речи Посполитой была для Православной Церкви в Польше неоуния. Новая заинте-ресованность Ватикана православной Церковью в Центрально-Вос-точной Европе возникла в конце I мировой войны.

*Текст доклада на Международной научной конференции «Память в назидание», посвященная столетию начала подвига новомучеников Русской Православной Церкви. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

** The text of the report at the Internati nal scienti c conference "Memory for edi ca on", dedicated to the centenary of the feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

1 апреля 1917 г. папа римский созвал Конгрегацию по делам Восточной Церкви, которая приняла все дела, связанные с деятельностью восточных обрядов. В 1925 г. в рамках этой Конгрегации была создана Комиссия Про Руссия, в которой доминировали пророссийские и антиполь-ские тенденции. В Лилле во Франции была основана русская семи-нария св. Василия, позднее известная как исследовательский центр «Истина». В Инсбруке возник иезуитский центр, занимающийся приготовлением миссионеров восточного обряда. Подобный центр возник в Католическом Университете в Зальцбурге. В 1930 г. Комис-сия Про Руссия была выделена из Конгрегации и непосредственно подчинена папе римскому. Комиссия Про Руссия занялась делами проведения миссионерской деятельности среди Русских, особенно проживающих за границами Советского Союза. Комиссия интересо-валась также русским населением, проживающим на границах II Речи Посполитой.

Параллельно с новой восточной политикой Ватикана польские епископы приготовили планы миссионерской деятельности среди православного населения. Инициатором этих действий был епископ Подляшский Генрик Пшежьджецки, который в 1923 г. отправился в Рим с планом организации в Польше католической Церкви визан-тийско-славянского обряда.21 января 1924 г. папа римский Пий XI предоставил епископу Пшежьджецкому полномочия учреждения униатских парафий, «где население этого пожелает». Эти полномочия были распространены на остальные пограничные латинские епархии: Люблинскую, Луцкую, Пинскую и Виленскую. Территории перечис-ленных епархий и епископство Подлашское стали областью униатской[1].Таким образом, папа римский принял сторону тех епископов польских, которые желали отстранения греко-католического духовенства от униатской деятельности на Волыни, Подляшье, Вилен-ской области, Полесье и Люблинской области. Латинские епископы считали, что греко-католический обряд связан с украинским нацио-нальным движением и заключает в себе много латинских наслоений, что может значительно осложнить миссионерскую деятельность среди православного общества. Римские католики не доверяли также мисси-онерским способностям греко-католического духовенства.

Новый византийско-славянский обряд заключался в сохранении полной обрядности восточной Церкви, а также на одновременном при-знании папы римского главой Церкви, добавлении филиокве к Символу Веры и внедрении в литургический календарь нескольких католических праздников. Синодальный русский обряд был приспособлен к като-лической догматике. Сохранялась Литургия на церковно-славянском языке, а проповеди в зависимости от ситуации произносились на национальных языках: русском, украинском, белорусском и польском. Не был также изменён внутренний вид храмов и богослужебных облачений духовенства. Инструкции папы римского гласили, что до времени уста-новления отдельной иерархии Церкви духовные и верные этого обряда будут подчиняться местным латинским иерархам. Папа римский реко-мендовал распространение унии посредством миссионерской работы и проведения благотворительной деятельности. Миссионерская работа среди православных в восточном обряде исходила из убеждения, что это эффективный метод обращать их в католицизм[2].

Папа Пий XI считал, что создание Церкви византийско-славянско-го обряда является лучшим средством для обращения православных в католическую Церковь в Польше. По этому поводу в 1930 г. он обра-тился к польским властям с предложением установления отдельной иерархии для этого обряда. Папа римский желал создать две епархии: Виленско-Пинскую и Волынско-Подляшскую.

Помещение дел славянского обряда в Конгрегации Восточных Церквей увеличило недоверие к Ватикану польских властей. Власти отказали в создании новых епархий, оправдываясь тем, что конкордат с Апостольской Столицей предполагал функционирование в Польше только трёх католических обрядов: латинского, греческого и армянско-го. Обряд византийско-славянский в соглашении конкордата не был взят во внимание. В связи с негативным отношением польских властей Ватикан посчитал, что новая униатская акция является внутренним делом Церкви и не имеет ничего общего с договорённостями с властя-ми[3]. В 1930 г. Ватикан посвятил епископом визан-

1. Waszkiewicz Z., Neounia – nieudany eksperyment? [в:] Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596–1996, ред. Alexandrowicz St. и Kempa T., Toruń 1998, c.128–129; Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. Neounia, Lublin 1999, c.57; Mironowicz A., Neounia w II Rzeczypospolitej, [в:] Kościół Greckokatolicki na Warmii i Mazurach, ред. Melnyk M., Olsztyn 2006, c.11–16.
2. Łomacz B., Praca duszpasterska duchowieństwa neounickiego, „Novum” 1980, нр.5, c.95–103, 158.
3. Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego, c. 59; Mironowicz A., Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, c.140–142.

тийско-славянского обряда генерального настоятеля отцов марианитов литовца о. Фран-циска Бучиса. Для удовлетворения потребностей неоунии в Польше папа римский назначил апостольского визитатора о. Николая Чар-нецкого. Новый епископ, украинец по происхождению, принадлежал восточной линии ордена редемптористов. Неоуниатский владыка получил свою кафедру в Ковле, а резиденцию – в зданиях монастыря в Дубне[4]. Эти епископы, хотя и не приняли непосредственной юрисдикции над неоуниатской акцией в Польше, но самим фактом своего назначения усилили католическую миссионерскую деятельность среди православных.

Католический епископат поддерживал развитие византийско-сла-вянского обряда в Польше. За миссионерскую деятельность среди православных особенно высказывались епископы восточно-латинских епархий: Любельской, Луцкой, Пинской, Подляшской и Виленской. Подляшский епископ Генрик Пшежджецки организовал денежный сбор на создание новых неоуниатских приходов. Противниками таких действий были епископ Любельский Мариан Фулман и кардинал Август Хлонд, которые высказывались за принятие православных непосред-ственно в католическую Церковь латинского обряда. Католическое приходское духовенство не считало людей, изменивших вероиспове-дание, поляками, которые, как католики неофиты славянского обряда, также угрожают польским государственным интересам[5], поскольку неоуниаты были преимущественно украинской, русской и белорусской национальности. Подобную позицию представляли государственные власти. Первоначально власти поддерживали строительство новых неоуниатских храмов и выплачивали оклад 10 духовным этого веро-исповедания, несмотря на то, что приходы византийско-славянского обряда не были предусмотрены конкордатным договором от 1925 г. Хотя униатская акция в первые годы функционирования католиче-ского византийско-славянского обряда носила спокойный характер, местные административные власти видели в нём источник конфликта на национальной и религиозной почве. Одновременно с течением времени польские власти всё более критично относились к униатскому движению, исходя из убеждения, что эта акция носит непостоянный характер и способствует возникновению антипольских центров. Окон-чательно польские власти не уделили епископу Николаю Чарнецкому юрисдикции над неоунией в Польше, хотя неофициально он оставался главой византийско-славянского обряда[6].

В неоуниатской акции так же использовались базилиане и конвер-титы. В большинстве своём это были православные священники, со-стоящие в конфликте со своей иерархией, желающие сделать духовную карьеру в ином вероисповедании. Большинство духовных конвертитов оказалось в католической Церкви по материальным мотивам и в ожида-нии личных выгод. Эти духовные не обладали большими моральными и интеллектуальными качествами, необходимыми в миссионерской деятельности. Среди конвертитов были два экс-ректора духовных семинарий: Виленской – Филип Морозов и Кременецкой – Пётр Табинский. Переход этих духовных в унию откликнулось громким эхом в Речи Посполитой. Филипп Морозов, не получив достоинства эгзарха архиепископа Виленского в 1927 г., вернулся в православие вместе с остальными [7].

Ввиду частых возвращений неоуниатских духовных в православие Комиссия Про Руссия и Конгрегация по делам Восточных Церквей рекомендовали проявлять большую осторожность при принятии священников, изменивших своё вероисповедание. В этой ситуации всё большее внимание обращалось на образование будущих униатских духовных. По инициативе иезуитов в Альбертине около Слонима было создано униатское представительство. Духовных для проведе-ния миссионерской деятельности посылали на богословские курсы в монашеские коллегии в Пинске, Люблине, Кракове и Риме. В 1931 г. в зданиях бывшей Дубенской семинарии была заложена Папская Духовная Семинария, финансировавшаяся Римом. Программа обучения семинарии была приспособлена для потребностей неоунии[8]. Миссионерской деятельностью среди православных занялись в Польше представители орденов восточного обряда иезуитов, капуцинов, ма-рианов, облатов, редемптористов и студи-

4. Свитич А., Православная Церковь в Польше и её автокефалия, Буэнос-Айрес 1959, с. 194; Mironowicz A., Неоуния во Второй Речи посполитой, „Seminarium Hortus Humanita s", т. XV, 2008, с. 64–66.
5. Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego, с. 62–64.
6. Там же, с. 65–69, 72.
7. Свитич А., Православная Церковь, с. 196–197; Łomacz B., Neounia, „Więź" 1983, нр.1, с. 60; Papieżyńska-Turek M., Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939, Warszawa 1989, с. 412; Waszkiewicz Z., Neounia, с.139; Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego, с. 88–89.
8. Wyczawski H. E., Ruch neounijny w Polsce w latach 1923–1939, „Studia Theologoca Varsoviensia" 1970, т. VIII, нр.1, с. 414; Waszkiewicz Z., Neounia, с.137.

тов. Преимущественно это они поддерживали деятельность неоуниатского духовенства.Согласно данным Министерства Религиозных Исповеданий и Общественного Просвещения, в 1935 г. на 51 духовного неоуниатского было 22 укра-инской национальности, 13 – польской, 7 – русской, 4 – белорусской и 4 – неопределённой[9].

В целях популяризации неоунии иезуиты издавали польскоязычный журнал «Ориенс», русскоязычные периодические издания «Христиа-нин», «К соединению», а также белорусскоязычные «Китеж» и «Да злучення»[10]. Акцию обращения православных на Волыни поддержи-вала католическая пресса, в том числе «Жиче Католицке» – орган католической курии в Луцке и «Пшеглонд Католицки». По примеру межславянских съездов в Велехраде от 1930 г. в Пинске проводились униатские конференции[11]. Организацией конференций занималась Духовная Семинария в Пинске. Участниками съездов были представители католической Церкви, русские эмигранты и неоуни-атское духовенство. На Пинских конференциях обсуждались методы введения неоунии на территории II Речи Посполитой и в России. На конференциях подчёркивалась необходимость сохранения восточной обрядности, максимального сглаживания внешних различий между обоими вероисповеданиями и создания оптимальных условий при-нятия православными католической веры. Одновременно в рамках польского епископата функционировала униатская комиссия епископата, которую возглавлял митрополит Анжей Щептицки, а её членами были епископ Подляшский Хенрик Пшеджецки и архиепископ Виленский Ромуальд Ялбжиковски.

Результаты неоуниатской акции были незначительные по сравнению с масштабом акции и средствами, используемыми для её проведения. Все данные на тему количества приходов, духовных и верных, которые приняли унию, являются малоправдоподобными ввиду неустойчивого состояния между обоими исповеданиями. Наряду с сознательным пере-ходом в унию появлялись случаи побочные и случайные. Крестьянское население ввиду отсутствия разницы в обряде не представляла себе, что духовный изменил исповедание. В некоторых случаях верные, остаю-щиеся в конфликте с духовным, выражали желание присоединиться к неоунии, однако после исчерпания конфликта сразу же возвращались к православию. В результате усиления акции латинских миссионеров и государственной администрации удалось обратить в католицизм множество православных семей, в том числе широко освещённых в прессе 35 семей из села Хрыньки в Кременецком повяте[12].

***

Согласно Министерству Религиозных Исповеданий и Обществен-ного Просвещения, в 1927 г. было 28 неоуниатских приходов, 30 духов-ных и 17 000 верных. В 1930 г. существовало 33 неоуниатских прихода. Официальные статистики Церкви в 1935 г. приводят 32 епархиальных духовных, 26 монашеских, 32 учащихся семинарии в Дубне, 45 приходов и 18 000 верных. В свою очередь данные Министерства Религиозных Исповеданий и Общественного просвещения в 1938 г. приводят 43 прихода и 17 000 последователей неоунии[13]. По оценке Министерства Внутренних дел, количество неоуниатских приходов, представляемое Церковью, было завышено в целях пропаганды. На общее количество 58 пастырских единиц, возникших в 1924–1939 годах перед Второй мировой войной, функционировало 43 прихода, в том числе восемь созданных в 1938 г. Остальные приходы возникли по инициативе деятелей униатского движения, функционировали очень недолго и бы-стро приходили в упадок по причине отсутствия верных. Наибольшее количество приходов византийско-славянского обряда было основано в Волынском воеводстве (18), в Любельском (17), Белостоцком и Но-вогрудском (по 5), и Виленском (3) воеводствах[14]. Согласно новейшим постановлениям, количество верных византийско-славянского обряда составля-

9. Papieżyńska-Turek M., Między tradycją a rzeczywistością, c. 423; Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego, c. 119–131.
10. Papieżyńska-Turek M., Między tradycją a rzeczywistością, c. 410; Mironowicz A., Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, c. 144–145.
11. Ср.: Дневник 1-ой Капланской Конференции по вопросу Церковной Унии в Пинске (23–24 IV 1930 года), Пинск 1931. Дневники следующих пинских и капланских конференций были опубликованы в Пинске: II конференции в 1932 г., III в 1933 г., IV в 1934 г., V в 1935 г., VI в 1939 г.
12. Kiryłowicz S., Z dziejów prawosławia w II Rzeczypospolitej Polskiej. Niektóre problemy na tle polityki wyznaniowej państwa 1918–1939, Warszawa 1985, c. 65–66; Mironowicz A., Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, c. 145.
13. Archiwum Akt Nowych w Warszawie, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, 381, л.169, 320; Pirożyński M., Statystyka Kościoła w Polsce, Lublin 1935, c. 16–17; Waszkiewicz Z., Neounia, c. 142–143.
14. Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego, c. 97–114.

ло в 1930 г.– 14 443, в 1934 г.– 15 960, в 1939 г.– 16 649[15]. В це-лом фактически численность неоуниатов составляла приблизительно 17–18 тысяч и не превышала численности униатов, которые приняли православие.

Низкая эффективность неоуниатской акции стала причиной того, что Конгрегация по делам Восточных Церквей 21 мая 1937 г.издала новую инструкцию, рекомендующую усиление миссионерской дея-тельности среди православных.Миссионерскую акцию планировалось проводить главным образом на территории Холмщины и Подлашья, где православные составляли небольшой процент всего населения[16]. Из «Информационного Бюллетеня Синодально-Миссионерского Комитета» следует, что попытки введения унии на территориях пра-вославных епархий закончились неудачей, а вся акция была направлена преимущественно на смешанные браки[17].

Неоуниатское движение обострило отношения православной Церк-ви с римско-католической и с государством. Власти православной Церкви стали активно протестовать в отношении деятельности иезу-итов в Альбертине.Православная пресса определяла неоуниатов как предателей, а всю акцию считала незаконной. Критика отступников от православия была соединена с наложением на них отлучения. Фак-тически все православные духовные, которые перешли в католицизм были отлучены от Церкви. Очередную угрозу для Православной Церкви в большинстве случаев принесла консолидация духовенства и верных. Православное население сохраняло недоверие в отношении неоуниатских духовных, уподобляющихся только внешне православным. Их трактовали как скрытых «папистов», а своих духовных – как защитников православия. Православная пресса представляла деятельность униатских миссионеров как русифицирующую. Такое воззрение доминировало в прессе, остающейся под влиянием на-циональных меньшинств. В 1934 г. были созданы миссионерские епархиальные и деканатные комитеты, а в Почаевской Лавре был организован общегосударственный съезд православных миссионеров. Съезд разъяснил духовенству и верным ту угрозу, какую несёт неоуниатская акция православию. Рапорты православных духовных консисторий информировали митрополита о количестве неоуниатов. В свете этих сообщений православное население решительно отвергает новое исповедание. Согласно данным Виленского Духовного Конси-стория, с 1934 г. только церковь св. Андрея вместе с шестью старыми униатами покинула православие и три лица из села Столбцы. В других деканатах не было никакого перехода из православия в католицизм. По мнению местных церковных властей, большей угрозой были сек-ты, нежели уговоры униатских миссионеров[18]. Проблема неоунии и связанных с ней конфликтов закончилась одновременно с началом Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА:

- Waszkiewicz Z., Neounia – nieudany eksperyment? Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596–1996, ред. Alexandrowicz St. и Kempa T., Toruń 1998
- Łomacz B., Praca duszpasterska duchowieństwa neounickiego, „Novum” 1980
- Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego
- Свитич А., Православная Церковь в Польше и её автокефалия, Буэнос-Айрес 1959
- Wyczawski H. E., Ruch neounijny w Polsce w latach 1923–1939, „Studia Theologoca Varsoviensia” 1970
- Дневник 1-ой Капланской Конференции по вопросу Церковной Унии в Пинске (23–24 IV 1930 года), Пинск 1931
- Kiryłowicz S., Z dziejów prawosławia w II Rzeczypospolitej Polskiej. Niektóre problemy na tle polityki wyznaniowej państwa 1918–1939, Warszawa 1985
- Archiwum Akt Nowych w Warszawie, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego
- „Biuletyn Informacyjny Synodalnego Komitetu Misyjnego” № 10, Литовский Государственный Исторический Архив в Вильнюсе.

15. Там же, с. 138–139; Mironowicz A., Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, с. 146–147.
16. „Słowo”, нр.20, Warszawa 1938.
17. „Biuletyn Informacyjny Synodalnego Komitetu Misyjnego” № 10, Литовский Государственный Исторический Архив в Вильнюсе, ф.605, оп.12, нр.1574, л.244–246.
18. Литовский Государственный Исторический Архив в Вильнюсе, ф.605, оп.12, нр.1574, 128–131.

REFERENCES:

- Waszkiewicz Z., Neounia – nieudany eksperyment? Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596–1996, ред. Alexandrowicz St. и Kempa T., Toruń 1998
- Łomacz B., Praca duszpasterska duchowieństwa neounickiego, „Novum” 1980
- Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego
- Svi ch A., Pravoslavnaya Tserkov' v Pol'she i yeyo avtokefaliya, Buenos-Ayres 1959Wyczawski H. E., Ruch neounijny w Polsce w latach 1923–1939, „Studia Theologoca Varsoviensia” 1970
- Dnevnik 1-oy Kaplanskoy Konferentsii po voprosu Tserkovnoy Unii v Pinske (23–24 IV 1930 goda), Pinsk 1931
- Kirylowicz S., Z dziejow prawosławia w II Rzeczypospolitej Polskiej. Niektóre problemy na tle polityki wyznaniowej państwa 1918–1939, Warszawa 1985
- Archiwum Akt Nowych w Warszawie, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego
- „Biuletyn Informacyjny Synodalnego Komitetu Misyjnego” № 10, Litovskiy Gosudarstvennyy Istoricheskiy Arkhiv v Vil'nyuse.

ПОЛЬСКИЕ СУДЬБЫ СВЯТЕЛЕЙ ИЗ «СОБОРА НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РУССКОЙ ЦЕРКВИ»*
POLSKIE LOSY ŚWIĘTYCH HIERARCHÓW Z „SOBORU NOWYCH MĘCZENNIKÓW I WYZNAWCÓW CERKWI ROSYJSKIEJ"**
POLISH DESTINIES OF THE SAINTS FROM THE "CATHEDRAL OF THE NEW MARTYRS AND CONFESSORS OF THE RUSSIAN CHURCH"***

УДК 94 (476)
UDC

Ярослав Харкевич, кандидат богословия, юрист и русист. Остетственный секретарь Издательства Польской Православной Церкви. Автор около 30 книг по православной агиографии, агиологии, иконописанию, современной история православия в Польше (Белосток, Польша).

Jarosław Charkiewicz, Doktor teologii, z wykształcenie prawnik i rusycyta.Sekretarz Wydawnictwa Polskiej Cerkwi Prawosławnej. Autor około 30 książek poświęconych prawosławnej hagiografii, hagiologii, ikonografii współczesnej historii Prawosławia w Polsce (Białystok, Polska).

Jarosław Charkiewicz, Doctor of theology, graduated law faculty and Russian language and literature faculty. Secretary of the Publishing Department of the Polish Orthodox Church. Author of ca. 30 books devoted to Orthodox hagiography, hagiology, iconography, contemporary history of Orthodoxy in Poland (Bialystok, Poland).

РЕЗЮМЕ: В Соборе новомучеников и исповедников Русской Церкви находится немало святых, которые в разные периоды своей жизни были связаны с территориями, которые исторически можно назвать польскими землями. Девятнадцать святых из этого Собора, так или иначе, связало свою жизнь с «польскими землями», которыми в статье называю земли, которые после 1945 года вошли в состав Польши. Некоторые из этих святых родились на польских землях и здесь проводили службу, но умерли за ее пределами. Другие рождались за пределами этих земель, но в определенный период своей жизни жили здесь и проводили пастырскую деятельность, хотя умерли за пределами Польши. Третьи на польских землях лишь-только закончили свое земное путешествие. В числе этих 19 святых: 4 иерарха, 8 священников, 2 дьякона, 3 монаха, 1 монахиня и одна мирянка. Подавляющее большинство из них – 15 человек – закончило свою жизнь мученически, а 4 святых Православной церковью называются исведниками. В настоящей статье описываются «польские судьбы» четырех иерархов: патриарха Московского и всея Руси Тихон, архиепископа Смоленского и Дорогобужского Серафима, архиепископа Курского и Обоянского Онуфрия, а также епископа Свияжского Амвросия.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прославление, святые, Православная церковь, мученики, новомученики

STRESZCZENIE: W katedrze nowych męczenników i spowiedników rosyjskiego Kościoła są święci związani z ziemią polską. Dziewiętnastu świętych z tej Rady związało swoje życie z "ziemami polskimi", które po 1945 r. Stały się częścią Polski.
SŁOWA KLUCZOWE: kanonizacja, święci, Cerkiew prawosławna, męczennicy, nowomęczennicy.

SUMMARY: In the Cathedral of the New Martyrs and Confessors of the Russian Church there are saints who are connected with the Polish territories. Nineteen saints from this Council linked their lives with the "Polish lands", which after 1945 became part of Poland.
KEYWORDS: canonization, saints, Orthodox Church, martyrs, new-martyrs.

W Soborze Nowych Męczenników i Wyznawców Cerkwi Rosyjskiej (do 29 maja 2013 r. zwanym Soborem Nowych Męczenników i Wyznawców Rosyjskich XX w.:) znajduje się szereg świętych, którzy na różnych etapach swego życia związani byli z terenami, które historycznie można nazwać ziemiami polskimi. Sobór ten został ustanowiony przez Sobór Biskupów Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej w dniu 20 sierpnia 2000 r. i następnie wielokrotnie był uzupełniany o nowe nazwiska. Dziewiętnastu spośród członków tego Soboru w taki bądź inny sposób swoje życie związało z „polskimi ziemiami". Tym pojęciem w niniejszym artykule określam tereny, które po 1945 roku weszły w skład Polski.

Niektórzy spośród tych świętych (i takich jest najwięcej) urodzili się na ziemiach polskich i tu działali, jednak sądzone im było umrzeć na obczyźnie. Inni urodzili się poza tymi ziemiami, jednak przez pewien okres swego życia żyli tu i prowadzili działalność duszpasterską, a zmarli już poza granicami Polski. Jeszcze inni na polskich ziemiach jedynie zakończyli swoją ziemską wędrówkę, wcześniej mając z nią niekiedy niewiele do czynienia.

W gronie tych 19 świętych (swoją ziemską drogę zakończyli oni między rokiem 1918 a 1972) znajduje się: 4 hierarchów, 8 kapłanów, 2 diakonów, 3 mnichów, 1 mniszka i jedna osoba świecka. Zdecydowana większość spośród nich – piętnaście osób – zakończyła

*Текст доклада на Международной научной конференции «Память в назидание», посвященная столетию начала подвига новомучеников Русской Православной Церкви. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

**Tekst raportu na Międzynarodowej Konferencji Naukowej "Pamięci o budowaniu", poświęconej setnej rocznicy wyczynów Nowych Męczenników Rosyjskiego Kościoła Prawosławnego. h ps://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

*** The text of the report at the Interna onal scienti c conference "Memory for edi ca on", dedicated to the centenary of the feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

swoje życie śmiercią męczeńską, a czworo Cerkiew tytułuje wyznawcami, ponieważ życie swoje zakończyli oni śmiercią naturalną, jednak w ciągu życia wiele wycierpieli w imię Chrystusa.

W niniejszym artykule skoncentruję się na przedstawieniu „polskich losów" czterech hierarchów: patriarchy moskiewskiego i całej Rusi Tichona, arcybiskupa smoleńskiego i dogobuskiego Sera na, arcybiskupa kurskiego i obojańskiego Onufrego oraz biskupa swijażskiego Ambrożego. W takiej też kolejności zostaną też omówione polskie okresy w ich życiu.

Święty patriarcha wyznawca Tichon Bieławin (1865-1925)

Święty patriarcha wyznawca Tichon (Bieławin), jedenasty patriarcha moskiewski i całej Rusi, część swego życia związał z polskimi ziemiami. Na Chełmszczyźnie spędził on niespełna siedem lat swojego życia. Temu powszechnie mało znanemu okresowi jego życia, choćby właśnie z tego powodu, należy się w niniejszym artykule więcej miejsca.

Urodzony w 1865 r. we wsi Klin w guberni pskowskiej, po ukończeniu Pskowskiego Seminarium Duchownym i Sankt Petersburskiej Akademii Teologicznej, będąc już hieromnichem, 17 marca 1892 r., decyzją Świątobliwego Synodu, Tichon został mianowany inspektorem Chełmskiego Seminarium Duchownego. W czerwcu tego samego roku przeniesiono go na analogiczne stanowisko w Kazańskim Seminarium Duchownym, jednak już po trzech tygodniach zapadła decyzja o powierzeniu mu funkcji rektora seminarium w Chełmie. Jednocześnie został wówczas podniesiony do godności archimandryty.

Archimandryta Tichon kierował seminarium w Chełmie z ogromnym zaangażowaniem. Pracę dydaktyczną i administracyjną łączył z odprawianiem nabożeństw, wizytacjami w terenie, redagowaniem artykułów teologicznych i społecznych. Władze Cerkwi szybko dostrzegły jego wyjątkową aktywność, nagradzając go 6 maja 1895 r. Orderem św. Anny II stopnia. W swoim nauczaniu w seminarium archimandryta kładł nacisk na wykorzystanie poznawanych treści teologicznych w rozwiązywaniu problemów życia codziennego. Wymagał od studentów znajomości duchowości i żywotów świętych Cerkwi prawosławnej. Uważał, że na drodze do świętości każdy, czy to świecki, czy mnich, powinien odnaleźć przewodnika i orędownika bliskiego swoim potrzebom i mentalności. To dlatego w wielu cerkwiach pojawiły się wizerunki mało wówczas znanych świętych.

W okresie, kiedy archimandryta Tichon kierował chełmskim seminarium, wprowadzono w nim przejrzystość fina sowo-gospodarczą. Sprawozdania finans we publikowane były m.in. na łamach „Chełmsko-Warszawskiego Jeparchialnego Wiestnika". Przejrzystość dotyczyła także postępów naukowych studiujących (publikowano nie tylko listy najlepszych uczniów i wykazy studentów w poszczególnych klasach, ale także listy repetentów, którzy zostali warunkowo promowani do następnej klasy). Seminarium chełmskie różniło się przy tym od rosyjskich tym, że nie było szczególnych parytetów i przywilejów dla kandydatów z rodzin duchownych.

Rektor seminarium wymógł na kierownikach szkół powszechnych pisanie rzetelnych sprawozdań o realizowaniu obowiązku szkolnego, nie zadowalając się wyłącznie raportami z początku roku szkolnego. Zarządził większą kontrolę wypożyczania do domów podręczników szkolnych. Zalecał przeznaczać większe środki na remont budynków szkolnych.

Jako szkolny wizytator archimandryta Tichon przyczynił się do wypromowania zdolnych i pracowitych duchownych. Podczas pobierania nauki w seminarium biedniejsi wychowankowie otrzymywali realne wsparcie za pomocą tzw. „Leonti ewskogo Popieczi elstwa", na liście darczyńców którego pojawiało się i jego imię.

Będąc rektorem, a wkrótce biskupem, Tichon potrafił zauważyć i wysunąć do nagrody państwowej wielu ambitnych duchownych od psalmisty po dziekana. Inspirował zakładanie szkół powszechnych przy parafiach i spowodował, że Cerkiew stała się znaczącym pracodawcą także na zachodnich rubieżach Carstwa Rosyjskiego.

Życie społeczności seminaryjnej, w okresie rządów archimandryty Tichona, było ubogacane zajęciami pozaszkolnymi: wieczornicami, koncertami, montażami religijnymi oraz, oczywiście, mnogością nabożeństw cerkiewnych. Nie było miesiąca, by kilkakrotnie nie podejmowano duchową strawą dostojników cerkiewnych i państwowych. W seminarium działały, m.in.: zespół muzyczny, chóry, kółka recytatorskie, orkiestra.

Będąc rektorem seminarium archimandryta Tichon został też mianowany dziekanem monasterów w Diecezji Chełmsko-Warszawskiej. Nie tylko otaczał je duchową opieką, ale też starał się organizować dla nich wsparcie materialne, zwłaszcza dla monasterów w

Leśnej, Teolinie, Wirowie i Jabłecznej. Za jego czasów przywrócona została ranga sanktuarium w Leśnej i ośrodka kultu Matki Bożej w Kaniem. Dla wirowskiej filii Monasteru Leśniańskiego zdobył ogromne fundusze na renowację oraz wyposażenie wnętrz monasterskich i gospodarczych. Skutecznie wspierał monaster w Radecznicy, gdzie utrzymał na etacie przełożonego, a potem ojca duchownego w Chełmie ks. Krzysztofa Sakowicza. Uważnie przyglądając się studentom seminarium, wspierał powołania, tym samym troszcząc się nie tylko o liczebność mnichów i mniszek, ale i ich poziom. Osobiście dokonał kilkudziesięciu postrzyżyn.

Rektor chełmskiego seminarium pełnił też funkcję członka rady zarządzającej Bractwa Chełmskiej Ikony Matki Bożej i cenzora wydawnictw tego bractwa. Wielokrotnie wyjeżdżał poza Chełm, by głosić kazania w wiejskich parafi ch. Dbałość o biedne wiejskie para e na historycznej Chełmszczyźnie była potęgowana świadomością zasobności tych wspólnot.

Aktywność rektora seminarium była tak ogromna, że przejmujący po nim obowiązki archimandryta Eulogiusz napisał m.in.: „W ciągu pięcioletniej posługi rektorskiej archim. Tichon doprowadził pracę dydaktyczno-wychowawczą do poziomu doskonałego. (...) Był bardzo popularny i w seminarium, i wśród ludu. Dla Chełmszczyzny był 'naszym arcypasterzem'". We wspomnieniach osób znających go w tym okresie opisywany jest jako zdolny administrator, człowiek utalentowany, energiczny i staranny.

W grudniu 1896 r. arcybiskup chełmski i warszawski Flawian (Gorodecki) zwrócił się z prośbą do Świątobliwego Synodu o nominację biskupią dla archimandryty Tichona. Odpowiedź była jednak odmowna, bowiem uznano, że jest on jeszcze zbyt młody na biskupa. Hierarcha ponowił swoją prośbę po roku, tym razem otrzymując 4 października 1897 r. zgodę. Pożegnanie byłego rektora i biskupa-nominata odbyło się 11 października 1897 roku. Żegnano go z ogromnym żalem. Tuż przed chirotonią archimandryta urządził w budynku seminaryjnym drugą kaplicę – św. Teodozjusza, arcybiskupa czernihowskiego. Pierwszą była cerkiew domowa poświęcona św. cudotwórcy Leoncjuszowi, biskupowi rostowskiemu. Środki na doposażenie kaplicy przysyłał jeszcze kilka lat po wyjeździe z Chełma. Zamiast okazywania ludzkiej wdzięczności biskup Tichon prosił o modlitwę. Chirotonia biskupa archimandryty Tichona, z tytułem biskupa lubelskiego, miała miejsce 20 października 1897 r. w soborze Świętej Trójcy Ławry św. Aleksandra Newskiego w Sankt Petersburgu.

Tytanicznym dokonaniem Tichona jako biskupa lubelskiego była kompleksowa wizytacja większości (aż 110) parafii Lubelszczyzny. Dokonał tego w kilku seriach trwających od kilku do kilkunastu dni. Wizytując para e zwracał uwagę na praktyki sakramentalne, poziom materialny wiernych i stan świątyni. Zawsze interesował się stanem wiedzy religijnej dzieci i młodzieży, a nawet odwiedzał szkoły. Często zatrzymywał się na nocleg w domu proboszcza, aby, z jednej strony, obniżyć wydatki związane z podróżą, a z drugiej, lepiej poznać warunki życia rodzinnego i pracy duszpasterskiej kapłanów, służby cerkiewnej, a także wiernych. Przeprowadzając wizytacje biskup Tichon rozdawał wiernym książki i ikonki. Z zasady unikał jednak pokazywania się z ludźmi władzy.

Częstym zaleceniem powizytacyjnym hierarchy było: „strzec się przed tym, co przeciwne chrześcijańskiej wierze, wyremontować cerkiew lub dzwonnicę". Znajdował się wśród nich m.in. obowiązek sporządzenia i publikacji przez każdą parafię szkicu swojej historii. Zalecenia biskupa konsekwentnie egzekwowano. Powróciwszy do Chełma, hierarcha pisał listy i depesze do znanych mu przedsiębiorców z prośbą o pomoc dla najbiedniejszych parafii Potrafił pozyskiwać zamożnych darczyńców-sponsorów dla para i i monasterów, dzięki czemu rosyjskie fir y wielokrotnie wspierały materialną egzystencję prawosławnych na Lubelszczyźnie.

Biskup Tichon potra ł dokonywać trafnych zmian kadrowych, zwłaszcza w obsadzie stanowisk diakonów i psalmistów. Był lubiany zarówno przez duchownych, jak i wiernych. Potra ł zgromadzić wokół siebie i wypromować grono uzdolnionych naukowców, pasjonatów, regionalistów.

Późniejszy patriarcha często sprawował nabożeństwa i przewodniczył świętom. 11-12 czerwca 1898 r. brał udział w święcie ku czci św. Onufrego w monasterze w Jabłecznej. Trzy tygodnie wcześniej, 22 maja 1898 r., poświęcił kamień węgielny pod budowę cerkwi w Łukowie. 23 sierpnia 1898 r. w Sandomierzu poświęcił szkolną cerkiew domową św. Mikołaja Cudotwórcy.

Pełniąc funkcję biskupa lubelskiego Tichon działał na rzecz propagowania Prawosławia i usuwania pozostałości, zlikwidowanej jeszcze przed ponad 20 laty, unickiej Diecezji Chełmskiej. Czynił to z wielkim taktem i umiarem, starając się unikać eskalacji konfli tów między mieszkańcami Chełmszczyzny, a swoim zaangażowaniem w działalność

duszpasterską zdobył nawet szacunek wielu Polaków. W 1990 r., gdy był już biskupem w Ameryce, ofia ował 150 rubli na wydanie 5 tysięcy egzemplarzy historycznego szkicu wykładowcy Chełmskiego Seminarium Duchownego ks. Grzegorza Olchowskiego pt. „O dawnych czasach Prawosławia i unii w Zabużańskiej Rusi i przyłączeniu chełmskich unitów". Zza oceanu wspierał też materialnie niegdyś kierowane przez niego chełmskie bractwo.

Funkcje biskupa lubelskiego i wikariusza Diecezji Chełmsko-Warszawskiej pełnił niespełna rok. Dekretem z 14 września 1898 r. Tichon został mianowany biskupem Alaski i Aleutów, kierownikiem rosyjskiej misji prawosławnej w Stanach Zjednoczonych. W 1907 r. powrócił do Rosji, najpierw obejmując katedrę biskupów jarosławskich, w 1913 r. objął katedrę wileńską i litewską, a w czerwcu 1917 r. arcybiskup Tichon został wybrany na metropolitę moskiewskiego i kołomieńskiego. Przewodniczył obradującemu od sierpnia 1917 r. w Moskwie Soborowi Lokalnemu Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej, który też dokonał jego wyboru na pierwszego po ponad dwustu latach patriarchę moskiewskiego i całej Rusi. Zmarł w 1925 roku. Do grona świętych został zaliczony 1 listopada 1981 r. decyzją Soboru Biskupów Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej za Granicą. Kanonizacja przez Rosyjską Cerkiew Prawosławną miała miejsce 9 października 1989 roku. W Soborze Nowych Męczenników i Wyznawców Cerkwi Rosyjskiej zajmuje centralne miejsce.

Święty arcybiskup męczennik Sera n Ostroumow (1880-1937)

Święty arcybiskup męczennik Sera n (Ostroumow) ani miejscem swych urodzin, ani śmierci nie był związany z Prawosławiem w Polsce. Mimo to na trwałe wpisał się w dzieje Cerkwi prawosławnej na ziemiach polskich, głównie dzięki roli, jaką odegrał w odrodzeniu monasteru św. Onufrego w Jabłecznej na początku XX wieku. Z tego też powodu również jego działalności w „polskim okresie życia", podobnie jak w przypadku patriarchy Tichona (Bieławina) należy się więcej uwagi.

Późniejszy arcybiskup urodził się 6 listopada 1880 r. w Moskwie, gdzie ukończył seminarium duchowne i akademię teologiczną. Szybko złożył śluby monastyczne i otrzymał święcenia diakońskie i kapłańskie, po czym na krótko zamieszkał w Pustelni Optyńskiej, skąd powrócił na uczelnie jako wykładowca. W 1905 r. po raz pierwszy zawitał na Chełmszczyznę, gdzie przybył wraz z profesorem Michałem Tarejewym. Odwiedził wówczas monastery w Wirowie i Leśnej. Polubił tę ziemię wraz z jej oryginalnym religijno-narodowym charakterem. W rezultacie bez wahania postanowił zakończyć pracę na uczelni i pomóc koledze z okresu studiów archimandrycie Józefowi (Pietrowych), będącemu przełożonym monasteru św. Onufrego w Jabłecznej. Decyzją z 10 lipca 1906 r. o. Sera n został przeniesiony do tego monasteru, a 21 września mianowany zastępcą przełożonego. Jeszcze w tym samym roku do posiadających dobre akademickie wykształcenie mnichów dołączył kolejny, ówcześnie jeszcze student Moskiewskiej Akademii Teologicznej – o. Arkadiusz (Korolow), późniejszy archimandryta i gorliwy obrońca wspólnoty. Rok później liczba mnichów posiadających wyższe wykształcenie teologiczne wzrosła do czterech. Rozpoczęła się prawdziwa praca u podstaw. Głównym jej celem było podniesienie stanu ekonomicznego monasteru oraz ożywienie jego pracy duszpasterskiej, oświatowej i dobroczynnej wśród okolicznych mieszkańców.

Wraz z odrodzeniem monasteru zaczęły do niego napływać ofia y, pochodzące głównie z Moskwy, ale również od władz cerkiewnych i od okolicznych mieszkańców, którzy w nowych mnichach dostrzegli rzeczywistych gospodarzy. Pozwoliło to na rozpoczęcie kapitalnego remontu znajdującej się już w opłakanym stanie głównej świątyni monasteru – soboru św. Onufrego.

Równocześnie mnisi prowadzili zajęcia w zbudowanej na monasterskiej ziemi, a znajdującej się w samej wsi Jabłeczna, cerkiewno-parafi lnej dwuletniej szkole. Przy tej szkole od 12 października 1907 r. zaczęto też prowadzić kursy cerkiewno-nauczycielskie, przygotowujące kadrę pedagogiczną do jednoklasowych szkół cerkiewnych. Kierownikiem szkoły został o. Sera n. W wykładzie inauguracyjnym powiedział on m.in.: „Ze względu na specy kę narodową i religijną naszego narodu potrzebujemy własnej szkoły dla nauczycieli cerkiewnych. Potrzebujemy swoich nauczycieli, a nie wychowanków z Kijowa, Połtawy, Samary czy innych miast. (...) Szkoły z centralnej Rosji nie rozumieją naszych pragnień, naszych nadziei, naszej religijności, naszych obyczajów...". W wykładzie tym zwrócił również uwagę na wychowawcze znaczenie dla uczniów szkoły monasteru, który z miłością odnosi się do jej potrzeb i udziela jej wielorakiej pomocy.

Ważną instytucją oświatową monasteru była też szkoła dla psalmistów, którą w 1906 r. reorganizowano z jednorocznej na dwuletnią (z internatem dla 20 osób). Jej ranga

wzrosła wraz z przybyciem do wspólnoty wykształconych mnichów. Za Bugiem działała też cerkiewno-parafialna szkoła dla 50 dzieci chłopskich, do której uczęszczały dzieci z sąsiadujących z monasterem wsi. W samym monasterze funkcjonowała apteka z gabinetem lekarskim. W tym czasie w budynkach monasterskich mieszkało też 12 wychowanków – chłopców w wieku 13-17 lat, pobierających naukę w prowadzonych przez wspólnotę szkołach.

W 1907 r. w monasterze zamieszkiwało 16 mnichów i 19 nowicjuszy, którzy poza pracą w szkole zajmowali się też monasterskim gospodarstwem. Życie w monasterze wrzało. Wspólnota krzepła, na całą okolicę nieustannie rósł jej wpływ i autorytet, rosła też udzielana przez nią pomoc miejscowej ludności, zarówno duchowa, jak i oświatowa oraz materialna. Dzieło odnowy monasteru zostało rozpoczęte.

Decyzją z 22 listopada 1907 r. archimandrytę Józefa powołano na przełożonego monasteru juriewskiego w Nowgorodzie. Na jego miejsce 1 grudnia mianowano właśnie hieromnicha Serafina. Dwa tygodnie później odbyły się wybory w samej wspólnocie, podczas których dziewięciu spośród czternastu mnichów opowiedziało się za wyborem o. Serafi a na przełożonego (czterech uchyliło się od głosowania). Zatwierdzenie decyzji przez Świątobliwy Synod nastąpiło 18 stycznia 1908 roku. Dnia 2 lutego 1908 r. o. Serafin został podniesiony do godności archimandryty.

Przekazanie monasteru w ręce nowego przełożonego odbyło się już 7 grudnia 1907 roku. Poza szeregiem nowo zakupionych maszyn gospodarczych, budynków zbudowanych za rządów archimandryty Józefa oraz rozpoczętymi remontami, odziedziczył po nim znaczne długi. Dzięki swym zdolnościom organizatorskim i gospodarczym nie uląkł się jednak tych trudności i z nadzieją na Bożą pomoc przystąpił do dalszej gorliwej pracy. Na jej efekty nie trzeba było długo oczekiwać.

16 grudnia 1907 r. miało miejsce ważne wydarzenie w historii monasteru. Ukończone zostały główne prace związane z kapitalnym remontem i częściową przebudową soboru św. Onufrego. W znacznej części remont ten sfinans wany został przez o. Mikołaja Kopiewa z Moskwy, który z czasem stał się największym dobroczyńcą wspólnoty. W uroczystościach wziął udział biskup dmitriewskij Trifon oraz biskup kiotski Andronik, który specjalnie w tym celu przybył z Japonii. Prace wykończeniowe w soborze trwały aż do 6 października 1910 roku. Kierownikiem komisji do spraw remontu był, oczywiście, sam o. Sera n. Zakres przeprowadzonych prac był bardzo szeroki.

Jeszcze w 1907 r., zamiast zlikwidowanego w ramach remontu soborowej cerkwi bocznego ołtarza Zaśnięcia Matki Bożej, rozpoczęto prace związane z budową cerkiewki-ołtarza pod tym samym wezwaniem. Na górce, naprzeciwko Świętych Wrót monasteru, w miejscu, gdzie wcześniej mieściła się kuźnia, zalano wówczas fundament pod tę kaplicę. Sama jej budowa, już pod rządami archimandryty Serafina, tr ała zaledwie 3 miesiące.

Rok 1909 przyniósł w historii monasteru bardzo ważne wydarzenie. 4 października tego roku odbyło się poświęcenie cerkwi świętych Sergiusza i Hermana Wałaamskich w monasterskim skicie nad Jeziorem Białym. Kamień węgielny pod budowę skitu położono w 1907 r., jeszcze za rządów archimandryty Józefa, jednak z powodu braku środków prace wstrzymano. Wznowiono je dopiero za archimandryty Serafina.

6 lutego 1911 r. odbyło się poświęcenie cerkiewki w jabłeczyńskiej dwuklasowej szkole. Dwa lata później powstała jeszcze jedna cerkiewka, tym razem w szkole rolniczej w Jabłecznej, oraz poświęcono drugi ołtarz (dedykowany św. równemu apostołom Włodzimierzowi) w skicie nad Jeziorem Białym.

Wcześniej, w 1910 r., dobroczyńca z Moskwy ufundował ogromny dzwon ważący 300 pudów (blisko 5 ton). Powieszono go na prowizorycznie ustawionych palach, bowiem istniejąca dzwonnica nie wytrzymałaby jego ciężaru. Wówczas też powstał pomysł wzniesienia nowej, 38-metrowej dzwonnicy. Pomimo odmowy finans wego wsparcia tego przedsięwzięcia ze strony władz cerkiewnych, o. Serafin nie poddawał się. Wreszcie, w 1913 r. stosowne środki zostały wyasygnowane i miały być przekazywane w ratach do 1916 roku. Powstał plan i projekt dzwonnicy, jednak z powodu wybuchu wojny nie udało się jej już zbudować.

Poza zbudowaną w 1907 r. naprzeciw Świętej Bramy kaplicy Zaśnięcia Matki Bożej, w 1910 r. wśród okolicznych mieszkańców powstała myśl o wzniesieniu podobnej kapliczki nad Bugiem, w uroczysku zwanym Świętym Polem. O. Serafin z radością odniósł się do tej inicjatywy, tym bardziej że wierni sami zebrali na ten cel środki. 11 marca 1911 r. napisał w tej sprawie raport do władz diecezjalnych, w którym prosił o zgodę na wzniesienie cerkiewki i dedykowanie jej Jabłeczyńskiej Ikonie Matki Bożej. Jej poświęcenie odbyło się

już 14 sierpnia 1912 r., jednak decyzją władz cerkiewnych kapliczkę poświęcono Spotkaniu Pańskiemu (obecnie jest to kaplica Świętego Ducha). Archimandryta Serafin był też m.in. inicjatorem budowy cerkwi Opieki Matki Bożej w Sławatyczach, która została uroczyście poświęcona w 1912 roku.

W okresie kierowania monasterem przez o. Serafi a budowano nie tylko świątynie. Funkcjonowała tu herbaciarnia dla pielgrzymów i przeznaczony dla nich hotel. Tu mieściły się także pomieszczenia, w których działały szkoły oraz szkolne warsztaty, a także inne istotne dla działalności monasteru pomieszczenia gospodarcze. W 1911 r. otwarto nawet sklepik z towarami pierwszej potrzeby. W monasterze działała również apteka i ambulatorium medyczne. Monaster wydawał też bezpłatne obiady dla ubogich. Część z tych przedsięwzięć została zainicjowana jeszcze przez poprzednika o. Sera na, jednak w większości faktyczna ich realizacja nastąpiła dopiero po objęciu przez niego kierownictwa wspólnotą.

Działająca przy monasterze w Jabłecznej dwuklasowa szkoła cerkiewno-parafialn pod rządami o. Serafina rozwijała się pomyślnie. W 1908 r. pracowało w niej już ośmiu nauczycieli, wśród których było trzech mnichów z wyższym wykształceniem. Uczniowie, których liczba sięgała stu, korzystali ze znajdującego się przy szkole internatu. Od 1907 r. w szkole prowadzone były również kursy dla nauczycieli cerkiewnych, które pierwotnie zostały otwarte na dwa lata, jednak w kolejnych okresach były przedłużane o kolejne dwa, aż do ewakuacji w głąb Rosji w 1915 roku.

Przy monasterze otwarto szkołę nauki rzemiosła dla chłopców, z około 50 uczniami i internatem. Nauka odbywała się w kilku specjalnościach – szycie, naprawa obuwia, stolarstwo, kowalstwo i ślusarstwo. W 1911 r. za Bugiem we wsi Dubica uroczyście otwarto też przymonasterską szkołę rolniczą. W 1914 r. w różnych monasterskich i przymonasterskich szkołach łącznie naukę pobierało już ponad 400 osób. Monaster prowadził również swoje gospodarstwo rolne. Już w raporcie za 1908 r. przełożony informował władze cerkiewne, że wspólnota jest względnie zabezpieczona zarówno płodami rolnymi, jak i prawidłowo zorganizowanym gospodarstwem. W gospodarstwie i na roli pracowali sami bracia. Monaster posiadał wówczas ponad 1.200 dziesięcin ziemi (tj. ponad 1.300 ha), z czego ponad 70% stanowiły lasy. Właśnie wyrąb i sprzedaż drewna, odbywające się każdorazowo za zgodą władz cerkiewnych, w znacznej mierze pozwalały wspólnocie na prowadzenie remontów, nowych budów, działalności dobroczynnej i edukacyjnej. Wszystko koncentrowało się w zdolnych dłoniach przełożonego, który okazał się wyjątkowo utalentowanym administratorem i gospodarzem.

Monaster w Jabłecznej pod rządami archimandryty Sera na przyciągał wciąż nowych adeptów życia mniszego. Liczba braci nieustannie rosła – z 32 (wraz z nowicjuszami) w 1908 r. do 80 w 1913 roku. Dzięki temu możliwe było również powołanie do życia skitu nad Jeziorem Białym i filii Lesie Dratowskim.

Życie monasteru płynęło wartkim, uduchowionym rytmem. Kierownikiem duchowym braci zakonnej był w pewnym stopniu spowiednik wspólnoty, jednak w największym zakresie ich życiem duchowym kierował archimandryta Serafi . Korzystny wpływ na rozwój życia duchowego i modlitewnego miał również skit nad Jeziorem Białym.

W monasterze obowiązywała reguła życia wspólnego św. Bazylego Wielkiego. Zgodnie z tą regułą, sprawowano dzienny cykl nabożeństw z kanonarchem i śpiewem pieśni według starych melodii. Wspólne były posiłki, podczas których czytano żywoty świętych. Od świtu do zmierzchu na równi trudzili się zarówno młodzi, jak i starzy mnisi: jedni w gospodarstwie, inni nauczając w szkołach, wszyscy jednak nie zapominali przy tym o uczestnictwie w nabożeństwach i modlitwie.

Niosąc światło wiedzy okolicznym mieszkańcom w monasterze dużo uwagi poświęcano również na edukację samych mnichów. Zimą organizowano dla nich specjalne zajęcia, podczas których zgłębiali tajniki nabożeństw, historii i ascezy. W czasie wieczornej reguły modlitewnej czytano fragmenty Pisma Świętego i dzieł Świętych Ojców. W wolnych chwilach mnisi korzystali też z monasterskiej czytelni.

Szczególny wkład w rozwój życia duchowego mieszkańców monasteru miało kilku mnichów, którzy w 1913 r. przybyli do Jabłecznej ze Świętej Góry Atos. Przykładem swojego życia wnieśli oni do wspólnoty pozytywną surowość życia ascetycznego oraz umiłowanie nabożeństw. Duże znaczenie, szczególnie dla przybywających do monasteru pielgrzymów, miały również wielkie monasterskie święta, które gromadziły tysiące wiernych. Szczególnie uroczyście obchodzono dzień patrona wspólnoty – św. Onufrego, na który każdego roku przybywał przynajmniej jeden biskup oraz dziesiątki duchownych z Chełmszczyzny, Podlasia i bardziej odległych terenów.

Monaster prowadził też działalność misyjną, która wychodziła daleko poza jego granice. Na zaproszenie duchowieństwa innych parafii mnisi często je odwiedzali, gdzie brali udział w nabożeństwach, procesjach i głosili Słowo Boże. Wspólnota prowadziła szeroko zakrojoną pracę misyjną wychodzącą naprzeciw potrzebom ludności ówczesnych Austro-Węgier. Z Galicji i Zakarpacia pochodziło kilku jabłeczyńskich nowicjuszy, którzy w późniejszym okresie stali się pierwszymi prawosławnymi misjonarzami w swej ojczyźnie. Był wśród nich apostoł Zakarpacia – późniejszy archimandryta Aleksy (Kabaluk), który złożył śluby monastyczne w Jabłecznej 25 marca 1910 r. na ręce o. Sera na. W ten sposób monaster w Jabłecznej stał się pierwszą szkołą prawosławnego duchowieństwa Zakarpacia.

Archimandryta Serafin zajmował się dokumentacją historii kierowanego przez siebie monasteru. Doprowadził też do zwrotu przez władze cerkiewne z Warszawy dwóch cennych dokumentów, które zostały tam wcześniej wywiezione w celu prowadzenia prac badawczych. Niestety, nie wiadomo, czy ukończył swą pracę naukową na temat historii wspólnoty. Lata wojen sprawiły, że zapewne została ona bezpowrotnie utracona.

28 stycznia 1914 r. archimandryta Serafin został mianowany rektorem Chełmskiego Seminarium Duchownego. Wzruszające pożegnanie przełożonego z monasterem w Jabłecznej, któremu poświęcił tyle aktywnych, najlepszych lat swojego życia, odbyło się 12 lutego. Szkołę przejął po późniejszym zwierzchniku Cerkwi prawosławnej w Polsce, biskupie krzemienieckim Dionizym (Waledyńskim), który kierował seminarium przez 12 lat.

Również w nowym miejscu swojej służby o. Serafin prowadził szeroko zakrojoną działalność. Jako rektor był wobec studentów opiekuńczym ojcem, łagodnym, wrażliwym zarówno na ich potrzeby, jak i pracowników. Nie ograniczał się jednak do typowej pracy administratora uczelni i nauczyciela. Równocześnie był przedstawicielem przy diecezjalnej radzie naukowej i członkiem Chełmskiego Bractwa Najświętszej Bogarodzicy. Redagował też wydawane przez diecezję pisma: „Chełmskie Życie Cerkiewne" i „Gazetkę Ludową", czyniąc je pełnymi życia i interesującymi. Gdy wybuchła I wojna światowa i fala *bieżeńców* również z Chełmszczyzny popłynęła na wschód, troszczył się o zapewnienie uciekinierom godnych warunków życia w rodzinnej Moskwie.

W latach zawieruchy wojennej zapadła decyzja o podniesieniu archimandryty Serafi a do godności biskupiej i mianowaniu go biskupem bielskim, wikariuszem Diecezji Chełmskiej. Chirotonia odbyła się 3 kwietnia 1916 r. w Moskwie. Przewodniczył jej metropolita moskiewski i kołomienski Makary (Newski). Niespełna trzy tygodnie później, 21 kwietnia, biskupa Serafina mianowano czasowo zarządzającym Diecezją Chełmską. W 1916 r. młody hierarcha odwiedził m.in. Monaster Turkowicki, gdzie w dniu święta ku czci Ikony Matki Bożej „Źródło Życia" celebrował Świętą Liturgię. Rok później, 27 maja 1917 r., jego tymczasowemu zarządowi powierzono też położoną na południe od Moskwy Diecezję Orłowską. Obie funkcje pełnił równolegle do 18 sierpnia 1917 r., gdy został mianowany ordynariuszem Diecezji Orłowskiej z tytułem biskupa orłowskiego i siewskiego. Trzy dni wcześniej hierarcha został też członkiem Świętego Soboru Biskupów Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej. Od tej pory rozpoczął się nowy, „niepolski" etap jego życia.

Rozpoczęły się też aresztowania i okresowe pobyty w więzieniach. Mimo to w dalszym ciągu kierował Diecezją Orłowską, w 1924 r. został podniesiony do godności arcybiskupiej. W 1927 r. przeniósł się do Smoleńska, ponieważ został mianowany arcybiskupem smoleńskim i dorogobuskim. W 1936 r. aresztowano go po raz ostatni pod zarzutem „agitacji antyradzieckiej". Został skazany na wieloletniego zesłania w Kazachstanie. Powrócił stamtąd po półrocznym pobycie, w listopadzie 1937 r., ponieważ wznowiono przeciwko niemu śledztwo. Zapadł wyrok skazujący go na śmierci przez rozstrzelanie. Wyrok wykonano 8 grudnia 1937 r., prawdopodobnie w Lesie Katyńskim koło Smoleńska. Do grona świętych został zaliczony decyzją Świętego Synodu Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej z dnia 17 lipca 2001 roku.

Święty arcybiskup męczennik Onufry Gagaluk (1889-1938)

Święty arcybiskup męczennik Onufry Gagaluk całe swoje świeckie życie, do ślubów monastycznych i święceń, związał z terenami współczesnej Polski. Urodził się on 2 kwietnia 1889 r. w miejscowości Opole (obecnie miasto Opole Lubelskie) na południe od Puław. Na chrzcie otrzymał imię Antoni, na pamiątkę św. Antoniego Kijowsko-Pieczerskiego.

W rodzinie Gagaluków nigdy nie było duchownych. Ojciec Antoniego – Maksym Gagaluk – z pochodzenia był ukraińskim chłopem z Podola. Przez wiele lat służył on w oddziale artylerii w garnizonach różnych miast Polski, a po zakończeniu służby został leśniczym w okolicy Puław. Tu ożenił się z Katarzyną – Polką, katoliczką pochodzącą

z biednej wsi. Małżeństwo doczekało się sześciorga dzieci – trzech synów (Włodzimierza, Andrzeja i Antoniego) i trzech córek. Antoni był najmłodszy.

Gdy Antoni miał pięć lat, jego ojca spotkało nieszczęście. Pewnego razu złapał on na kradzieży drewna w lesie czterech mężczyzn. Prosili oni leśniczego, aby nie karał ich grzywną, a całą sprawę zatuszował. Gdy odmówił, wywiązała się walka, podczas której Maksym został ranny, a złodzieje uciekli. Po powrocie do domu żona przemyła mu rany i ułożyła spać, aby następnego dnia odwieźć do szpitala. Jednak nocą kłusownicy przybyli pod jego dom i podpalili go. Rodzinie udało się ujść z życiem, jednak w wyniku odniesionych ran ojciec zmarł w szpitalu. Matką i dziećmi zaopiekowano się w sąsiedniej wsi. Tu miało miejsce pewne znamienne zdarzenie. Matka Antoniego płacząc ubolewała nad gorzkim losem rodziny. Tymczasem pięcioletni chłopczyk wszedł na jej kolana i powiedział: „Mamusiu, nie płacz. Jak będę biskupem – wezmę cię do siebie". Gdy zapytała, o czym mówi i skąd zna słowo biskup, odpowiedział tylko: „Mamo, będę biskupem. Ja to wiem".

Po śmierci męża wdowa zmuszona była oddać Antoniego do sierocińca w Lublinie. Chłopiec ukończył tam szkołę cerkiewno-parafi lną i jako wzorowy uczeń na koszt sierocińca został wysłany do szkoły duchownej w Chełmie. Również i ją ukończył z wyróżnieniem, po czym został przyjęty do Chełmskiego Seminarium Duchownego.

Od młodości Antoni wręcz zaczytywał się pismami św. apostoła Pawła. Był on jego ulubionym pisarzem, którego w późniejszym czasie, gdy został biskupem, bardzo często cytował w kazaniach i artykułach teologicznych. Duży wpływ na duchowy rozwój Antoniego miał też archimandryta Eulogiusz (Gieorgijewski) oraz o. Jan Siergijew (kanonizowany w 1990 r. jako św. Jan z Kronsztadu), którego Antoni stawiał sobie za wzór do naśladowania.

Antoniemu dane było uczyć się w chełmskim seminarium w okresie, gdy biskupem chełmskim i lubelskim był Eulogiusz (Gieorgijewski), a ziemia chełmska była krajem wielu napięć o charakterze narodowym i religijnym. Tu, na styku różnych religii i kultur, przyszły hierarcha widział, jak twarda, a często również bezwzględna może być prowadzona przez siły zła walka z prawdziwą wiarą.

Podczas nauki w seminarium Antoni początkowo marzył, aby zostać lekarzem, a później nauczycielem. Jednak gdy był w ostatniej klasie seminarium, a rok szkolny zbliżał się ku końcowi, miało miejsce zdarzenie, które wskazało mu drogę służby Bogu i Cerkwi prawosławnej. Miesiąc przed egzaminami końcowymi zachorował i został umieszczony w seminaryjnym szpitalu. Jego stan był ciężki i istniały uzasadnione obawy o jego życie. W seminaryjnej cerkwi służono *molebnie* za jego powrót do zdrowia. Podczas choroby Antoniemu objawił się św. Onufry Wielki i rzekł: „Obiecaj, że będziesz służyć Cerkwi Chrystusowej i Panu Bogu, a wyzdrowiejesz". Przestraszony Antoni rzekł tylko „obiecuję" i starzec odszedł. Chory zasnął, a stan jego zdrowia zaczął się szybko poprawiać.

Młodzieniec wyzdrowiał i z drugim wynikiem w szkole zdał egzaminy. Jednak, aby wstąpić do akademii teologicznej, musiał zdawać kolejne egzaminy. Nie będąc jeszcze w pełni zdrowia obawiał się tego wysiłku. Dlatego też w jego głowie pojawiła się myśl, aby zdawać nie na akademię, lecz na uniwersytet. Ze swym dylematem udał się do byłego rektora seminarium – biskupa Dionizego (Waledyńskiego), który błogosławił mu na naukę w Sankt-Petersburskiej Akademii Teologicznej. Jeszcze w tym samym roku pomyślnie zdał egzaminy na akademię.

Po ukończeniu drugiego roku studiów (wg innych danych, na trzecim roku studiów) Antoniego wysłano na Podlasie do monasteru św. Onufrego w Jabłecznej, aby prowadził zajęcia z teologii dla grupy nauczycieli, którzy przybyli z Galicji. Tuż przed powrotem na uczelnię ponownie zachorował na zapalenie płuc. Lekarze uznali stan jego zdrowia za beznadziejny. Mnisi służyli molebnie za jego zdrowie. Ponownie objawił mu się wówczas św. Onufry Wielki i patrząc na niego powiedział surowo: „Nie spełniłeś swojej obietnicy. Zrób to teraz. Bóg cię błogosławi". Otworzywszy oczy Antoni ujrzał, że w celi odprawiany jest molebien do patrona monasteru, którego ikona stała przed łóżkiem chorego. Wzruszył się do łez i oświadczył przełożonemu wspólnoty archimandrycie Sera nowi (Ostroumowowi), że po powrocie do akademii wstąpi na drogę życia monastycznego.

Obietnicę swą Antoni spełnił 5 października 1913 roku. Pod koniec całonocnego czuwania w akademickiej cerkwi rektor akademii biskup jamburski Anastazy (Aleksandrow) dokonał jego postrzyżyn mniszych. Młody mnich otrzymał nowe imię – Onufry, na pamiątkę św. Onufrego Wielkiego. Niezwykłe postrzyżyny, odbywające się zgodnie ze starożytną regułą, których wcześniej nie praktykowano w akademickiej świątyni, zgromadziły wiele osób. Wśród obecnych był m.in. arcybiskup fiński Sergiusz

(Stragorodzki), oberprokurator Świątobliwego Synodu Sabler, generałowie i ofice owie. Kończąc postrzyżyny biskup Anastazy powiedział: „Idź, bracie Onufry, 'utwierdzaj braci swoich' (Łk 22,32) Rusi Chełmskiej w wierze prawosławnej, aby pięknem świętej wiary przyciągać do prawdziwej wiary również okolicznych, rodzonych, lecz innowiernych braci!".

11 października 1913 r. ten sam biskup Anastazy udzielił Onufremu święceń diakońskich, a 8 grudnia tego samego roku kapłańskich. Od tej pory nie dane mu już było powrócić w rodzinne strony.

W 1915 r. o. Onufry ukończył studia teologiczne i został skierowany do Diecezji Chersonesu na Ukrainie. Po 1917 r. tra ł do Borysławla, gdzie został proboszczem soboru Zaśnięcia Matki Bożej. W 1922 r. został przeniesiony do Krzywego Rogu i jeszcze w tym samym roku wybrany na biskupa elizawietgradzkiego, wikariusza Diecezji Chersońsko-Odeskiej. Rozpoczęły się aresztowania, pobyty w więzieniach, zsyłki na Syberię. W 1933 r. został arcybiskupem kurskim i obojańskim. Ponownie został aresztowany i zesłany na Daleki Wschód, do Kraju Chabarowskiego. W 1938 r. został skazany na rozstrzelanie. Wyrok wykonano 1 czerwca 1938 roku.

Decyzją Świętego Synodu Ukraińskiej Cerkwi Prawosławnej z 22 czerwca 1993 r. arcybiskup Onufry został zaliczony do grona świętych czczonych lokalnie w granicach Ukraińskiej Cerkwi Prawosławnej. Jego ogólnocerkiewna kanonizacja nastąpiła decyzją Świętego Soboru Biskupów Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej z 20 sierpnia 2000 roku.

Święty biskup męczennik Ambroży Gudko (1867-1918)

Święty biskup męczennik Ambroży (Gudko) z Prawosławiem na współczesnych ziemiach polskich związał początkowe 23 lata swojego życia. Urodził się on 28 grudnia 1867 r. w ówczesnej guberni lubelskiej Królestwa Polskiego. Dokładnego miejsca jego urodzin nie udało się ustalić. Na chrzcie otrzymał imię Bazyli. Rodziców Bazylego wyróżniała pobożność. W takim też duchu miłości do Prawosławia wychowywali swojego syna, który od młodych lat pragnął zostać mnichem. W 1885 r. Bazyli Gudko wstąpił do Chełmskiego Seminarium Duchownego, które ukończył w 1889 roku. Wtedy też opuścił rodzinne strony, udają się na studia teologiczne do Sankt Petersburga.

Będąc jeszcze studentem, w 1891 r. złożył śluby monastyczne, otrzymując imię Ambroży, ukończenie uczelni w 1893 r. zbiegło się w czasie ze święceniami kapłańskimi. Dalej życiowe losy posługi duszpasterskiej wiodły go przez Ałtaj i Dońską Szkoły Duchowną. W 1901 r. został on rektorem mieszczącego się w Krzemieńcu Wołyńskiego Seminarium Duchownego, a w wieku 37 lat został powołany do służby arcypasterskiej. Najpierw był biskupem krzemienieckim, od 1909 r. biskupem bałtskim, a od 1914 r. biskupem sarapulskim. Od 1916 r. kierował Diecezję Sarapulską i Elabużską. W 1918 r. kilkukrotnie był aresztowany i oskarżony o działalność kontrrewolucyjną. 9 sierpnia 1918 r. został rozstrzelany przez czerwonoarmistów. 3 października 1999 r. został zaliczony do grona lokalnych świętych czczonych w granicach Diecezji Kazańskiej, a jego ogólnocerkiewna kanonizacja miała miejsce 20 sierpnia 2000 r. na mocy decyzji Świętego Soboru Biskupów Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej.

***

Przedstawione powyżej historyczne dane stanowią jeden z dobitnych dowodów świadczących o ścisłych związkach istniejących między Rosyjską Cerkwią Prawosławną i Cerkwią prawosławną w Polsce. Jednym z ogniw spajających te Cerkwi, jak i ogniwem spajającym Prawosławie w całości są właśnie święci. Dla nich ludzkie, administracyjne granice nie mają znaczenia. Dla nich najważniejsze jest dobro Cerkwi i ludu Bożego, prowadzonego przez nich ku zbawieniu. Opisy „polskich losów" hierarchów, które zostały powyżej przytoczone dobitnie świadczą też o różnorodności świętych, a zatem i o mnogości dróg prowadzących do zbawienia. Krocząc tymi drogami niektórzy wierzący w Chrystusa już tu, na ziemi, osiągają świętość, a po cielesnej śmierci pozostają dla Cerkwi żywi, stając się adresatami modlitw o wstawiennictwo przed Bogiem za tych, którzy na przejście do drugiego życia muszą jeszcze na ziemi zapracować.

Wszyscy święci, módlcie się za nas do Boga!

Literatura

- Abel, arcybiskup lubelski i chełmski, Martyrologia Prawosławia na Ziemi Chełmskiej i Podlaskiej, „Cerkiewny Wiestnik" 2003, nr 1, s. 3-12.
- Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917 -1943: Сб. в 2-х частях, сост. М.Е. Губонин, Москва 1994.
- Charkiewicz J., Biskup-męczennik z Lubelszczyzny, „Cerkiewny Wiestnik" 2005, nr 1, s. 38-42.
- Charkiewicz J., Męczennicy XX wieku. Martyrologia Prawosławia w Polsce w biografiach więtych, Warszawa 2008.
- Charkiewicz J., Święci Cerkwi prawosławnej w Polsce. Ilustrowana historia, Warszawa 2017.
- Дамаскин (Орловский), игум., Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним, кн. 4, Тверь 2000.
- Дамаскин (Орловский), игум., Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним, кн. 5. Тверь 2001.
- Дамаскин (Орловский), игум., Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним, кн. 6, Тверь 2002.
- Дамаскин (Орловский), игум., Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль, Тверь 2005.
- Дамаскин (Орловский), игум., Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Март, Тверь 2006.
- Деяния Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века, Москва 12-16 августа 2000 г.
- Gościk M., ks., Święty męczennik Onufry – arcybiskup kurski i obojański, „Istocznik" 2014, nr 4, s. 8-10.
- K.A.A., Hierarcha i męczennik z Puław, „Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego" 2003, nr 6, s. 16.
- Мерло С., Канонизация новомучеников современной Русской Церковью, [w:] Русская агиография: Исследовония. Материалы, Публикации, т. 2, Санкт-Петербург 2011, s. 611-621.
- Pelica G.J., Św. patriarcha Tichon (Bieławin) jako rektor seminarium w Chełmie i biskup lubelski, „Cerkiewny Wiestnik" 2007, nr 3, s. 35-47.
- Польский М. протопресв., Новые мученики Российские, Джорданвилль, т. 1, 1949; т. 2, 1957.
- Послужной список архиепископа Смоленского и Дорогобужского Серафима (Остроумова) от 31.12.1931 года.
- Pospielovsky D., The Orthodox Church in the history of Russia. Crestwood-New York 1998.
- Салтыков А., прот., Значение прославления святых на Юбилейном Архирейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года, [w:] Богословский сборник, вып. VII, Москва 2001, s. 318-335.
- Семененко-Басин И.В., Канонизация российских новомучеников и новые проблемы истории Церкви, „Государство, религия, церковь в России и за рубежом", 2010, № 4, s. 138-143.
- Серафим (Амельченков) иером., Дорогой веры, любви и правды. Исторический очерк жизни и служения Священномученика Серафима (Остроумова), Архиепископа Смоленского и Дорогобужского 1880-1937, Смоленск 2012.
- Серафим (Амельченков) иером., Опыт пастырского душепопечения священномученика Серафима (Остроумова), архиепископа Смоленского, „Rocznik Teologiczny" 2016, z. 1, s. 75-84.
- Sławiński P., Związki z Sandomierzem Świętego Tichona, Patriarchy Moskiewskiego

i całej Rusi, „CW" 2009, nr 1, s. 25-30.

•Софроний (Макрицкий), иеродиакон, Священномученик Онуфрий (Гагалюк), архиепископ Курский и Обоянский. Жизнеописание, поучения, письма, акафист, Москва 2003.

•Священномученик Онуфрий (Гагалюк), епископ Старооскольский. Житие, воспоминания, проповеди, Старый Оскол 2009.

•Воробьев В., прот., Некоторые проблемы прославления святых к местному и общецерковному почитанию в конце XX – начале XXI в., „Вестник ПСТГУ" 2010, № 2, с. 79-90.

•Вострышев М.И., Патриарх Тихон, Москва 2004.

•Железнякович С., протопресв., История Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря, в 3 томах, Варшава 2006-2009.

•Житие новомученика и исповедника святителя Серафима Остроумова, Орел 2002.

•Житие святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, „ЖМП" 1990, № 2, с. 56-68.

•Житие священномученика Амвросия (Гудко), епископа Свияжского, [w:] www.kazan.eparhia.ru.

•Житие священномученика Амвросия (Гудко), бывшего Сарапульского, настоятеля Успенского Богородицкого Свияжского монастыря, местночтимого святого Казанской епархии, Казань 1999.

REFERENCES:

- Akty Svyateyshego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneyshiye dokumenty i perepiska o kanonicheskom preyemstve vysshey tserkovnoy vlasti, 1917-1943: Sb. v 2-kh chastyakh, sost. M.Ye. Gubonin, Moskva 1994.
- Abel, arcybiskup lubelski i chełmski, Martyrologia Prawosławia na Ziemi Chełmskiej i Podlaskiej, „Cerkiewny Wiestnik" 2003, nr 1, s. 3-12.
Charkiewicz J., Biskup-męczennik z Lubelszczyzny, „Cerkiewny Wiestnik" 2005, nr 1, s. 38-42.
- Charkiewicz J., Męczennicy XX wieku. Martyrologia Prawosławia w Polsce w biografiach świętych, Warszawa 2008.
- Charkiewicz J., Święci Cerkwi prawosławnej w Polsce. Ilustrowana historia, Warszawa 2017.
- Damaskin (Orlovskiy), igum., Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi KHKH stoletiya.
- Zhizneopisaniya i materialy k nim, kn. 4, Tver' 2000.
- Damaskin (Orlovskiy), igum., Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi KHKH stoletiya.
- Zhizneopisaniya i materialy k nim, kn. 5. Tver' 2001.
- Damaskin (Orlovskiy), igum., Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi KHKH stoletiya.
- Zhizneopisaniya i materialy k nim, kn. 6, Tver' 2002.
- Damaskin (Orlovskiy), igum., Zhitiya novomuchenikov i ispovednikov Rossiyskikh KHKH veka. Fevral', Tver' 2005.
Damaskin (Orlovskiy), igum., Zhitiya novomuchenikov i ispovednikov Rossiyskikh KHKH veka. Mart, Tver' 2006.
- Deyaniya Yubileynogo Osvyashchennogo Arkhiyereyskogo Sobora Russkoy
- Pravoslavnoy Tserkvi o sobornom proslavlenii novomuchenikov i ispovednikov Rossiyskikh KHKH veka, Moskva 12-16 avgusta 2000 g.
- Gościk M., ks., Święty męczennik Onufry – arcybiskup kurski i obojański, „Istocznik" 2014, nr 4, s. 8-10.
- K.A.A., Hierarcha i męczennik z Puław, „Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego" 2003, nr 6, s. 16.

- Merlo S., Kanonizatsiya novomuchenikov sovremennoy Russkoy Tserkov'yu, [w:] Russkaya agiografiya: Issledovoniya. Materialy, Publikatsii, t. 2, Sankt-Peterburg 2011, s. 611-621.
- Pelica G.J., Św. patriarcha Tichon (Bieławin) jako rektor seminarium w Chełmie i biskup lubelski, „Cerkiewny Wiestnik" 2007, nr 3, s. 35-47. Pol'skiy M. protopresv., Novyye mucheniki Rossiyskiye, Dzhordanvill', t. 1, 1949; t. 2, 1957.
- Posluzhnoy spisok arkhiyepiskopa Smolenskogo i Dorogobuzhskogo Serafima (Ostroumova) ot 31.12.1931 goda.
- Pospielovsky D., The Orthodox Church in the history of Russia. Crestwood-New York 1998.
- Saltykov A., prot., Znacheniye proslavleniya svyatykh na Yubileynom Arkhireyskom Sobore Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v avguste 2000 goda, [w:] Bogoslovskiy sbornik, vyp. VII, Moskva 2001, s. 318-335.
- Semenenko-Basin I.V., Kanonizatsiya rossiyskikh novomuchenikov i novyye problemy istorii Tserkvi, „Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom", 2010, № 4, s. 138-143.
- Serafim (Amel'chenkov) iyerom., Dorogoy very, lyubvi i pravdy. Istoricheskiy ocherk zhizni i sluzheniya Svyashchennomuchenika Serafima (Ostroumova), Arkhiyepiskopa Smolenskogo i Dorogobuzhskogo 1880-1937, Smolensk 2012.
- Serafim (Amel'chenkov) iyerom., Opyt pastyrskogo dushepopecheniya svyashchennomuchenika Serafima (Ostroumova), arkhiyepiskopa Smolenskogo, „Rocznik Teologiczny" 2016, z. 1, s. 75-84.
- Sławiński P., Związki z Sandomierzem Świętego Tichona, Patriarchy Moskiewskiego i całej Rusi, „CW" 2009, nr 1, s. 25-30.
- Sofroniy (Makritskiy), iyerodiakon, Svyashchennomuchenik Onufriy (Gagalyuk), arkhiyepiskop Kurskiy i Oboyanskiy. Zhizneopisaniye, poucheniya, pis'ma, akafist, Moskva 2003.
- Svyashchennomuchenik Onufriy (Gagalyuk), yepiskop Starooskol'skiy. Zhitiye, vospominaniya, propovedi, Staryy Oskol 2009.
- Vorob'yev V., prot., Nekotoryye problemy proslavleniya svyatykh k mestnomu i obshchetserkovnomu pochitaniyu v kontse KHKH – nachale KHKHI v., „Vestnik PSTGU" 2010, № 2, c. 79-90.
- Vostryshev M.I., Patriarkh Tikhon, Moskva 2004.
- Zheleznyakovich S., protopresv., Istoriya Yablochinskogo Svyato-Onufriyevskogo monastyrya, v 3 tomakh, Varshava 2006-2009.
- Zhitiye novomuchenika i ispovednika svyatitelya Serafima Ostroumova, Orel 2002.
- Zhitiye svyatitelya Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi, „ZHMP" 1990, № 2, c. 56-68.
- Zhitiye svyashchennomuchenika Amvrosiya (Gudko), yepiskopa Sviyazhskogo, [w:] www.kazan.eparhia.ru.
- Zhitiye svyashchennomuchenika Amvrosiya (Gudko), byvshego Sarapul'skogo, nastoyatelya Uspenskogo Bogoroditskogo Sviyazhskogo monastyrya, mestnochtimogo svyatogo Kazanskoy yeparkhii, Kazan' 1999.

Кальчибо Марина Михайловна. Краевед, преподаватель Воскресной школы храма Рождества Пресвятой Богородицы города Черикова, Могилевской области.

Kalchibo Marina Mikhailovna. Local historian, a teacher of Sunday-school of the Church of Na vity of the Ever – Virgin Mary of the town of Cherikov, Mogilev region.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ МУЧЕНИКОВ, ПОСТРАДАВШИХ ЗА ВЕРУ В ЧЕРИКОВСКОМ Р-НЕ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ*

UNKNOWN PAGES FROM THE LIFE OF THE MARTYRS WHO SUFFERED FOR THEIR FAITH IN THE CHERIKOV DISTRICT OF THE MOGILEV REGION.**

УДК
UDC 908/323.28

РЕЗЮМЕ. В статье изложены результаты краеведческой работы по установлению биографических данных и обстоятельств ареста новомученника Русской Православной Церкви Елевферия (Печенникова), а также информация о судьбах репрессированных священников по Чериковскому району Могилевской области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Большой террор, репрессии против православной церкви, обновленчество.

ABSTRACT . The artic e presents the results of local history work on the establishment of biographical data and the circumstances of the arrest of the new priest of the Russian Orthodox Church Eleutheria (Pechennikov), as well as information bout the fate of the repressed priests in the Cherykaw district of the Mogilev region.

KEY WORDS. Great terror, repression against the Orthodox Church, Renovation st Church

Страну нашу – Белую Русь прославили своей святостью многие известные подвижники. Их много и от этой святости теплом и спокойствием наполняется душа. Нас с ними связывает память, которую необходимо преумножать и передавать следующим поколениям. Мы должны помнить и о тех потерпевших за свою веру, не сломившихся, не покоренных годами репрессий и различных гонений на православную церковь.

В моей семье также есть пострадавшие от действий советской власти. Мой дедушка по отцовской линии был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу за антисоветскую деятельность. По воспоминаниям моего отца, семья очень много претерпевала: детям не платили пенсию по потере кормильца, считая его врагом народа, а военные и послевоенные годы были тяжелыми. Мой отец видел своего папу, когда ему было 4 года, а его младшая сестра и вовсе не помнит отца. Мне как внучке всегда хотелось выяснить обстоятельства дела. И я обратилась в архив КГБ г.Могилева, где подробно, вместе с отцом, ознакомились с личным делом дедушки. Это дело было сфабриковано. В 2001 году его реабилитировали.

В последнее время люди все чаще интересуются своими корнями, ищут информацию о своих предках. Пару лет назад в наш храм Рождества Пресвятой Богородицы г. Черикова обратилась женщина с просьбой узнать что-либо о житии своего родственника преподобномученика Елевферия (Печенникова). О. Елевферий является уроженцем нашего района, а мы, к нашему стыду, ничего о нем не знали. Меня очень заинтересовало житие этого святого. С того времени были начаты поиски информации о преподобномученике Елевферии. К сожалению метрические книги за дореволюционные годы не сохранились. Местные жители, с которыми я разговаривала, ничего не поведали о Печенниковых. Обратилась я и в фонд новомучеников г.Курска, и к бывшему редактору Православной энциклопедии Маркову Андрею Игоревичу, который приезжал к нам в Чериков.

В результате поисков выяснилось, что:

Преподобномученик Елевферий (Печенников) родился в 1870 году в дер. Припе-

*Текст доклада на Международной научной конференции «Память в назидание», посвященная столетию начала подвига новомучеников Русской Православной Церкви. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

** The text of the report at the Internati nal scienti c conference "Memory for edi ca on", dedicated to the centenary of the feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/pamyat-v-nazidanie.html

Минейная икона с изображением преподобномученика Елевферия Печенникова

Собор в Черикове. Фото нач. XX

чино Чериковского уезда Могилёвской губ. в крестьянской семье. В 1892 году был призван в армию, служил рядовым. Время принятия иерейского сана точно неизвестно. Был полковым священником.

С 1896 года стал иеромонахом Смоленского Троицкого монастыря. Позднее назначен наместником того же монастыря.

Во время изъятия церковных ценностей и за торговлю на базаре был арестован два раза.

5 декабря 1922 года арестован Смоленским губотделом ГПУ. Из материалов дела:

"Гр. Печенников известен своими выходками против обновленческого течения, и, как убежденный сторонник Тихона, может весьма повредить на архиерейском съезде, назначенном на 06.12.1922 г... Изоляция, хотя бы на время съезда, безусловно окажет моральное воздействие - положительное на "живоцерковников", отрицательное на всех сторонников Тихона"

Спустя 5 дней, 10 декабря, был освобожден с подпиской о невыезде. Было принято решение *"гр.Печенникова, как заведомого сторонника Тихона и ярого реакционера, взять на учет и вести о нем разработку агентурным путем"*.

Был возведен в сан игумена.

20 марта 1924 года снова был арестован по обвинению в "участии в контррево-

люционной организации", помещен в дом предварительного заключения в Смоленске. Проходил по групповому делу "дело игумена Елевферия (Печенникова) и свящ. Зверева И.Н., Смоленск. 1924 г.". Протокол допроса от 24 марта 1924 года:

"Со дня освобождения патриарха Тихона из-под стражи я всякий раз публично произносил его поминовение... Воззвание, выпущенное в 1918 года, с проклинанием большевиков, я читал, но не распространял..."

31 марта 1924 года был освобожден с подпиской о невыезде. 3 апреля 1924 года обвинение было снято, подписка о невыезде отменена.

26 февраля 1930 года арестован по обвинению в "участии в контрреволюционной организации" по делу "Смоленского соборного братства", содержался в тюрьме Смоленска. 28 мая 1930 года Коллегией ОГПУ СССР как "руководитель церковного контрреволюционного сообщества" приговорен к 10 годам концлагерей. Срок отбывал в Соловецком лагере.

В 1932 году переведен на ст. Манкент Туркестано-Сибирской железной дороги в Сайрамском районе Южно-Казахстанской обл.

23 июня 1937 года был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности как "руководитель тайного монастыря в Манкенте, проводивший пострижение в тайное монашество". На допросе о.Елевферий сказал, что никакой контрреволюционной работы не вел и от дальнейших показаний отказался. Проходил по групповому делу "Дело архиепископа Алексия (Орлова) и др. г. Чимкент, 1937 г."

26 июля 1937 года Особой тройкой при УНКВД по Южно-Казахстанской обл. приговорен к расстрелу.

23 августа 1937 года по делу №723, по обвинению митрополита Кирилла (Смирнова), митрополита Иосифа (Петровых), архиепископа Алексия (Орлова) и других было вынесено обвинительное заключение, в котором, кроме стандартных обвинений в контрреволюционном деятельности, обвинялся

"Печенников Елевферий - руководитель тайного монастыря в Манкенте, проводил пострижение в тайное монашество, держал связь с контрреволюционным элементом в Могилеве, находился под руководством Кобранова".

Расстрелян 27 августа 1937 года в Лисьей балке, близ г. Чимкент, Казахстан Погребен в безвестной общей могиле.

5 июля 1958 года был реабилитирован Президиумом Южно-Казахстанского областного суда по 1937 году репрессий.

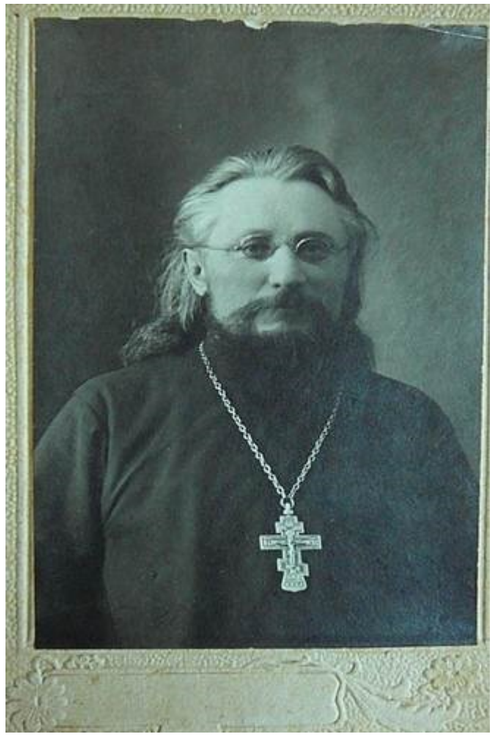
Причислен к лику новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года.

Поиски информации о преподобномученике Елевферии послужили отправной точкой для моих дальнейших поисков, с целью установления имен пострадавших за веру, служивших в эти трудные времена на нашей земле.

В результате работы с разнообразными источниками, мой список пострадавших за православную веру постоянно увеличивался и на сегодняшний день составляет 73 человека по Чериковскому уезду и 26 – по современному Чериковскому району.

Помимо составленного списка пострадавших, на основании архивных документов, опубликованных источников, общения с родственниками священников, мне удалось восстановить многие страницы, связанные с историей Свято-Троицкого собора г. Черикова и его последнего настоятеля протоиерея Михаила Николаевича Страдомского.

О. Михаил родился в 1872 году, в д. Антоновка Рогачевского уезда. Могилевской губ. Сын протоиерея, настоятеля Кормянской Покровской церкви Гомельского уезда Николая Яковлевича Страдомского. Окончил Гомельское духовное училище в 1887, Могилевскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1893. Служил псаломщиком в Покровской церкви в с. Ланенка Горецкого уезда с 22.06.1893; учителем церковно-приходской школы в с. Зубревичи Оршанского уезда с 13.10.1895. Рукоположен в сан священника в Рождество-Богородицкой церкви в с. Кульшицы Быховского уезда в 1897; член Могилевского православного Богоявленского братства с 1901. С 1912 года настоятель, протоиерей Соборной Свято-Троицкой церкви в г.Черикове; председатель Чериковского уездного отделения Могилевского епархиального училищного совета с 1912; законоучитель Чериковского высшего начального училища с 1914 и жен-



Фотография о. Михаила Николаевича Страдомского

Фотография о. Михаила Николаевича Страдомского сделанная до революции в г.Орша

ской общественной гимназии с 1916; член правления Чериковского общества по содержанию среднего учебного заведения с 1915; член Чериковского городского по государственному налогу с недвижимых имуществ присутствия с 1916.

Некоторый период времени с 1922 года, когда вся Могилевская епархия вступила в обновленческий раскол, о. Михаил также был в числе обновленцев, что препятствовало репрессиям 1922 года, но это продолжалось не долго.

Михаил Николаевич Страдомский, как и другие церковные служители, были лишены избирательного права, а в период коллективизации, подвергся раскулачиванию.

Изъятое во время раскулачивания имущество было доставлено на склад горсовета. Председатель горсовета Фролов это имущество раздал служащим горсовета. Так, им были розданы другим и присвоены, принадлежавшие священнику Страдомскому: 4 столика, 1 самовар, детская меховая шуба, перины, подушки, часы, стеариновые свечи, 3 серебряные ложки, 1 шапка каракулевая, 12 аршин полотна, 3 электрических фонаря и т. д. Старший бригадир Залман Гуревич устроил обыск в доме Страдомского, а член бригады Рынкова лично обыскала матушку. Жену священника раздели до рубашки, искали ценности даже в ее волосах.

Все православные церкви г.Черикова к 1934 г. были закрыты. С соборного Троицкого храма в 1934 г. был сброшен колокол. Символично, что при падении колокол придавил активиста Захаренко.

М.Н. Страдомский был арестован 06.08.1937 и обвинен в «антисоветской агитации». Вместе со старостой собора и ещё несколькими активными прихожанами 24.09.1937 осужден «тройкой» НКВД БССР к 10 годам концлагерей. Групповое дело №1531-сн Страдомского М.Н.и других хранится в архиве УКГБ по Могилевской области. Находился в Онежском исправительно-трудовом лагере (Онеглаг) на ст. Плесецкая, где скончался на 70-м году жизни, в 1941, г. Медвежьегорск, Архангельская обл. Он упал и его разорвали собаки. Точная дата смерти не известна.

Реабилитирован (по заявлению дочери Ольги Михайловны Гуровской) Могилевским областным судом 23.12.1956.

Жена Мария Федоровна Рафанович (1877 – 1968, Москва, Ваганьковское кладбище), дочь священника Зубревичской церкви. В Черикове семья приживала в собственном доме по ул. Длинно-Петровской (ныне ул. Володарского), прилегающей к Троицкой церкви. По купчей от 31.10.1912 приобрели у жены потомственного почетного гражданина Н.А. Проферанской и вдовы диакона А.А. Миленко усадебную землю, площадью 334 кв. сажень и 126 кв. сажень, в г. Черикове по Длинно-Петровской улице, за 3800 р. При утверждении купчей уплачен гербовый сбор 9 р. и пошлина 72 р. Когда после ареста и суда дом отобрали, Мария Федоровна уехала в Москву к дочери Ольге Гуровской.

О.Михаил имел награды: набедренник (08.02.1901, «за ревностное исполнение

Фотография сделанная до революции в г. Орша детей о.Михаила

Подсвечник из дома о. Михаила 2017г.

пастырских обязанностей»); камилавка (06.05.1909, «ко дню рождения Его Императорского Величия»). Объявлено архипастырское благословение (30.05.1909, «за расположение прихожан к пожертвованию 400 р. на ремонт храма»).

Дети Страдомского Михаила Николаевича:

Антонина Михайловна Страдомская (1898 – VIII.1943).

В замужестве Кузнецова, Окончила Ленинградский институт народного хозяйства им. Ф.Энгельса. Умерла во время блокады Ленинграда, похоронена на Пискаревском кладбище.

Почтовая карточка для дочери о. Михаила Антонины 1914 г

Александр Михайлович Страдомский (08.VI.1901 – 07.VI.1975).

Родился в селе Кульшицы Быховского уезда. Окончил 4-ю Чериковскую школу 2-й ступени (1912-1920); Петроградскую государственную консерваторию по классу вокала (1923 -1928). Получил техническое образование и работал инженером в одном из строительных трестов Москвы. С женой Анной Владимировнной Чугавель проживал по адресу: пр. Красных Командиров, 16, кв. 84. После снятия блокады Ленинграда в 1944 г. семья переехала в Москву. Оба похоронены на Ваганьковском кладбище.

Ольга Михайловна Страдомская (15.IV.1905 – 24.VII.1993).

Актриса театрального товарищества «Синяя блуза» (1920-1930); оперная певица, солистка Московской филармонии; солистка, заведующая отделом оперно-симфонической музыки Всесоюзного радио (1950-1970). Вышла замуж за Моисея Яковлевича Гуровича, в 1942 г. сменила фамилию на Гуровская. Похоронена на Ваганьковском кладбище.

Фотография дома о. Михаила, г.Орша 2017г.

Из воспоминаний праправнучки о.Михаила «Один из моих прапрадедушек в это счастливое для православных время (когда Сталин Храмы открывал) был как раз священником в Могилевской губернии. Нет, немного пораньше, ведь Сталин в разгар войны обратился к Церкви за поддержкой, не так ли? До сих пор в альбоме у нас сохранились фотографии его тенистого сада с беседкой, дома деревянного, отец Михаил сидит в окружении семьи своей большой, младшая дочь Ольга голову на колени ему положила. Отец Михаил, седой старец, глаза светятся добротой и кротостью. Так вот, было ему под 70, в 1937-ом, когда арестовали его в последний раз. Уж давно изгнали его из храма, дом отняли у семьи. Матушку его приютили в семье прихожан. Арестовали троих его детей. Отец Михаил Страдомский, Царствие ему Небесное, погиб на этапе. Упал, и его разорвали собаки. Его дочка младшая Ольга стала певицей оперной, любимая тетя моей мамы была, скрылась в Москве, всю жизнь скрывала правду об отце».

До наших дней сохранился дом, в котором жила семья о.Михаила Срадомского, о которой жители помнят до наших дней. Со слов хозяйки, которая живет в части этого дома «после ареста и разграбления в этом доме находился госпиталь, затем детский сад, и после этого дом разделили на 2 квартиры и отдали жителям города, долгое время после в огороде они находили пузырьки от лекарств» со слов Ставской Светланы Николаевны. Так же она рассказала, что накануне ареста о.Михаил отдал свое Евангелие в кожаном переплете соседке Еве Анании, она была прихожанкой храма и выступала против разрушения храмов. Сын Евы Анании рассказал о том, как после ареста о.Михаила пришли в дом его матери и, найдя Евангелие, приговорили к 3 годам ареста, во время ареста Еву вели по улице толкая в спину этим Евангелием и говоря, что теперь не здесь будешь молиться. Через 3 года Еву Анании освободили.

Человек подвергшийся репрессиям подвергал не только свою жизнь опасности, но и жизни родных и близких людей. Периоды гонений на православных продолжаются во все времена: это и период унии, обновленчества, советские репрессии и т.д. Главное, чтобы Вера в людях не оскудела и всегда были люди способные отстоять Православную веру.

ЛИТЕРАТУРА:

- Региональный общественный фонд: память мучеников и исповедников русской православной церкви. Режим доступа : www.fond.ru - Дата доступа : 15.09.2016.
- ЕЛЕВФЕРИЙ (ПЕЧЕННИКОВ). Режим доступа : http //drevo-info.ru/articles/ 3676666.html - Дата доступа : 15.09.2017.
- БД «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века». Режим доступа : http://ww .pstbi.ccas.ru/cgi-bin/code.exe/martyrs1.htm?ans. - Дата

доступа : 15.09.2017.

- Православные священники — жертвы сталинского террора из оршанской тюрьмы. Режим доступа : htt s://vkurier.by/119820 - Дата доступа : 15.09.2017.
- Память: Историко-документальная хроника Чериковского района. Мн., 1994.
- 1 ноября 1937 года – день расстрела Гомельских православных священников, монашествующих и мирян // Православный журнал «Сретение». – 2014. – № 6. – С. 14–17.
- Витебский мартиролог (1918-1952) / [сост. иерей Владимир Горидовец] . - Витебск : Издательский отдел Витебской епархии, 2008. - 77 с. - (Труды Комиссии по канонизации святых Белорусской Православной Церкви).
- Маракоў, Л.У. Рэпрэсаваныя- праваслаўныя свяшчэнна- і царкоуна-служыцелі Беларусі 1917-1967. Энцэклапедычны даведнік : у 2 т. / Л.У. Маракоў. - Мінск : Беларускі Экзархат, 2007. - Т. 1. - С. 136
- Мартиролог Гомельской епархии (1917 – 1953): биографический справочник / авт.-сост. А.В. Слесарев. – Жировичи: Издательство Минской духовной академии, 2017. – 339 с.: ил. (Монографии Минской духовной академии. Т. II).
- Православная Энциклопедия, Т.18, С.278.
- «Чериковское Присожье: взгляд в прошлое и настоящее» /В.С. Максименко/ ЧПУП «Студия дизайна и рекламы «Дикович и К», 2016 – 494 с.

REFERENCES:

- Regional'nyy obshchestvennyy fond: pamyat' muchenikov i ispovednikov russkoy pravoslavnoy tserkvi. Rezhim dostupa : www.fond.ru - Data dostupa : 15.09.2016.
- YELEVFERIY (PECHENNIKOV). Rezhim dostupa : http://d evo-info.ru/ articles/ 3676666.html - Data dostupa : 15.09.2017.
- BD «Novomucheniki i ispovedniki Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi XX veka». Rezhim dostupa : http://w w.pstbi.ccas.ru/cgi-bin/code.exe/martyrs1.htm?ans. - Data dostupa : 15.09.2017.
- Pravoslavnyye svyashchenniki — zhertvy stalinskogo terrora iz orshanskoy tyur'my. Rezhim dostupa : htt s://vkurier.by/119820 - Data dostupa : 15.09.2017.
- Pamyat': Istoriko-dokumental'naya khronika Cherikovskogo rayona. Mn., 1994.
- 1 noyabrya 1937 goda – den' rasstrela Gomel'skikh pravoslavnykh svyashchennikov, monashestvuyushchikh i miryan // Pravoslavnyy zhurnal «Sreteniye». – 2014. – № 6. – S. 14–17.
- Vitebskiy marti olog (1918-1952) / [sost. iyerey Vladimir Goridovets] . - Vitebsk : Izdatel'skiy otdel Vitebskoy yeparkhii, 2008. - 77 s. - (Trudy Komissii po kanonizatsii svyatykh Belorusskoy Pravoslavnoy Tserkvi).
- Marakoŭ, L.U. Represavanyya- pravaslaŭnyya svyashchenna- i tsarkouna-sluzhytselí Belarusí 1917-1967. Entseklapedychny davedník : u 2 t. / L.U. Marakoŭ. - Mínsk : Belaruskí Ekzarkhat, 2007. - T. 1. - S. 136
- Marti olog Gomel'skoy yeparkhii (1917 – 1953): biogra cheskiy spravochnik / avt.-sost. A.V. Slesarev. – Zhirovichi: Izdatel'stvo Minskoy dukhovnoy akademii, 2017. – 339 s.: il. (Monografii Minskoy dukhovnoy akademii. T. II).
- Pravoslavnaya Entsiklopediya, T.18, S.278.
- «Cherikovskoye Prisozh'ye: vzglyad v proshloye i nastoyashcheye» /V.S. Maksimenko/ CHPUP «Studiya dizayna i reklamy «Dikovich i K», 2016 – 494 s.

Священник Алексий Хотеев, член коллегии по рецензированию при Издательском Совете БПЦ, преподаватель кафедры церковной истории Минской духовной семинарии , магистр исторических наук.

pr. Aliaksei Khatseyev. Member of the peer review board of the BPC Publishing Council

lecturer of Church history department at the Minsk Theological seminary, Master of Historical Sciences.

РЕЦЕНЗИЯ: ЯРОСЛАВ ХАРКЕВИЧ. СВЯТЫЕ ПОЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ . ВАРШАВА 2017.

RECENZJA: JAROSŁAW CHARKIEWICZ. ŚWIĘCI CERKWI PRAWOSŁAWNEJ W POLSCE. WARSZAWA 2017.

REVIEWS: JAROSLAW CHARKIEWICZ. SAINTS OF THE ORTHODOX CHURCH IN POLAND. WARSAW 2017.

УДК
UDC 9(c17)2:293

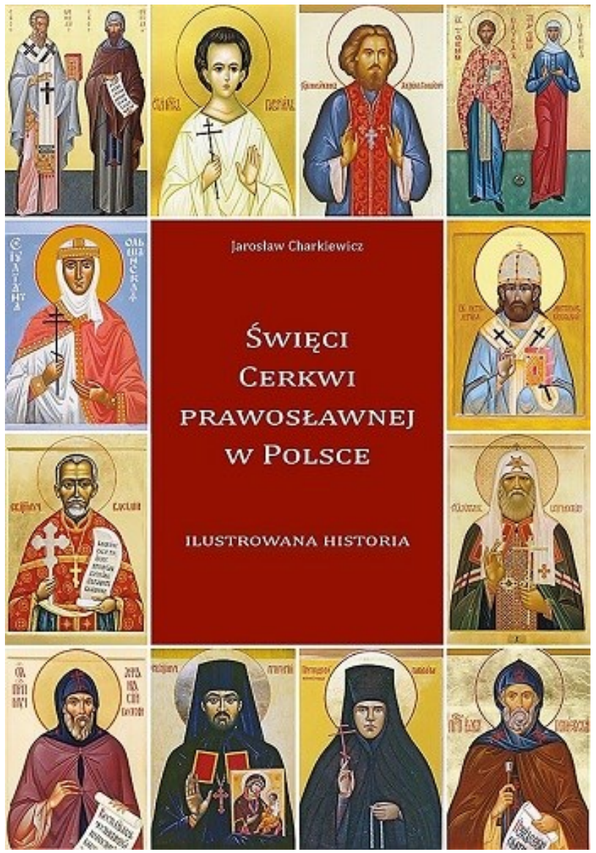
РЕЗЮМЕ. В рецензии дается положительная оценка книге Я. Харкевича о православных святых в Польше. Автор удачно сочетает жанры жизнеописания и исторического повествования. Общие святые объединяют православных людей Польши, России, Белоруссии, Украины и Литвы. Изложение автора отличается оригинальностью, единством плана и основано на новейших агиографических исследованиях.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Рецензии, Польская Православная Церковь, Ярослав Харкевич

ABSTRACT . It is a positi e review of the book about orthodox saints in Poland wri en by J. Charkewich. The author successfully combines styles of biography and historical narra ve. Common saints unite orthodox christians from Poland, Russia, Belarus, Ukraine and Lithuania. The text of Charkewich is notable for original, unity of composition and s based on modern researches in hagiography.
KEY WORDS. Reviews, Polish Orthodox Church, Yaroslav Harkevich

Православная польская литература пополнилась новым трудом доктора теологии, известного публициста и агиографа Ярослава Харкевича. Его книга посвящена православным святым, которые либо жили и действовали на территории современной Польши, либо особо здесь почитаются. На страницах качественного и богато иллюстрированного издания предлагаются жизнеописания пятидесяти святых в хронологическом порядке, начиная от распространения христианской веры на польской территории в IX в. и заканчивая мучениками и исповедниками XX столетия. Важность такой книги для православного читателя заключается в том, что через жизнь святых раскрывается исторический путь Церкви в Польше, ее духовная жизнь, показываются образцы для всех верных ее чад. По своему временному охвату (одиннадцать столетий) — это первый опыт такого объединения жизнеописаний православных святых Польши в одном издании.

Автор предлагает своим читателям сначала введение, в котором разъясняет православное понимание святости, основы прославления (канонизации), иерархию святых (мученики, исповедники, святители, преподобные). Он не следует традиционному житийному жанру с его выраженным нравоучительным характером, предлагаются жизнеописания со значительными историческими отступлениями, изображением условий и обстоятельств жизни святых. Автор дополняет жизнеописание рассказом о канонизации каждого угодника Божия, почитании его мощей, известных иконах.

Особенный интерес вызывает то, каким образом в книге определяется выбор национальных (польских) святых и их место в сонме других святых Православной Церкви. В самом деле, акцент на местночтимых святых, вроде того, что «а у нас есть свои», несколько уводит церковное сознание в сторону от принципа «все свидетельствуют об одном», т.е. от соборного сохранения единства веры и благочестия. Конечно, почитание любого праведника начинается в месте его жизни или блаженной кончины. Вполне естественно, что это почитание сохраняется и в дальнейшем при установлении общецерковного празднования. Более того, чествование, например, прп. Серафима Саровского в Дивеевской обители, где находятся его мощи, будет проходить торжественнее, с большим количеством богомольцев, чем то же чествование в храме прп. Серафима в любом другом месте. Но это не означает, что «дивеевский» святой должен почитаться в Дивеево больше, чем прп. Амвросий, если тот «оптинский». Равным образом, должны ли на Украине больше чествовать прп. Иова Почаевского, чем его современника архимандрита Сергиевой Лавры прп. Дио



Jarosław Charkiewicz.

Święci cerkwi prawosławnej w Polsce.

Святые Польской Православной Церкви.

Автор: Ярослав Чаркевич

Издатель: Варшавская Православная Метрополис

Издание: Варшава 2017,

Обложка: мягкая

Размеры: 16,3 x 24 см

Количество страниц: стр. 448

ISBN: 978

нисия только за то, что он «украинский» святой, а другой — «московский»? Идеалом жизни обоих равно был Иисус Христос, и в своем стремлении к его достижению оба подвижника действовали в местных условиях, не осознавая себя «украинцем» или «москвичем». Святость как таковая не делится по этническому, возрастному или социально-сословному признаку: «Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Колос. 3:11).

В книге Я. Харкевича удачно преодолеваются подобные крайности. Автор включает в свой обзор таких святых, чествование которых скорее является объединяющим началом, чем разделяющим. Например, он совершенно справедливо начинает ряд почитаемых в Польше православных святых с братьев Мефодия и Кирилла. С одной стороны, это, конечно, дань установившейся традиции в любой из славянских Поместных Церквей. С другой стороны, тем самым история Православия в Польше вводится в более широкий контекст церковной истории общеславянской. Далее в книге встречаются жизнеописания виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, сщмч. митр. Макария, прав. Иулиании Ольшанской, прав. Софии Слуцкой, прп. Леонтия Карповича, прп. Иова Почаевского, чья жизнь и деятельность не имеет прямой связи с этнически польскими землями. Однако такое включение выглядит оправданным, если учесть установившуюся традицию почитания этих святых в Польской Православной Церкви, где имеются соответствующие храмы, иконы, частицы мощей. Православная вера проникала на польские земли, где веками господствовало католичество, из соседних западнорусских областей, и таким образом устанавливалось почитание многих святых, как теперь принято говорить, белорусских, украинских, литовских. Следует также учесть, что нынешние польские земли с православным населением долго входили в состав западнорусской Киевской митрополии, поэтому естественно, что автор включил в свою книгу жизнеописание свт. Петра (Могилы) и свт. Георгия (Конисского). Не обошел он своим вниманием и пребывание на епископской кафедре в Люблине свт. Тихона (Белавина), будущего Патриарха Московского. Учитывая тесную историческую связь Православия в Польше с Русской Церковью, само получение польской автокефалии от Русской Церкви, естественно было бы видеть в ряду святых Польской Церкви и св. князя Владимира. Тем более что при нем т.н. Червенские города восточнее Люблина (совр. Санок, Пшемысль, Хелм) входили в состав Киевской Руси и церковную иерархию получили от митрополитов из Киева.

Автор приложил к своей работе большой список своих источников и литературы. Это, преимущественно, опубликованные ранее работы других историков и агиографов. Необходимо также отметить и авторские изыскания в области агиографии, выразившиеся в различных статьях и монографиях. В своем изложении он опирается, главным образом, на новейшие исследования. По части святых, связанных с Белоруссией, Я. Харкевич показывает хорошее знакомство с работами современных белорусских историков прот. Федора Кривоноса, Л.Е. Кулаженко, Л.В. Левшун, а также покой-

ного А.А. Мельникова. При всем обилии привлеченных для написания материалов изложение автора отличается оригинальностью, наличием собственного переосмысления и единством плана.

Наряду с указанными достоинствами необходимо отметить и незначительные недостатки издания. Например, вызывает сомнение утверждение автора, что мученики Антоний, Иоанн и Евстафий были славянами, раз в житии упоминаются их имена Кумец, Нежило и Круглец (s. 34). Естественнее представить себе возмущение языческих жрецов при дворе Ольгерда, если братья были этническими литовцами, а не славянами; исповедуя христианскую веру, они тем самым шли против своих племенных традиций. Их настоящие литовские имена могли быть славянизированы почитателями. Кроме историографической традиции называть Ольгерда в крещении Александром (s. 37), а в схиме – Алексием, стоило бы упомянуть существование давней киевской традиция именовать его в княжеских синодиках в крещении Дмитрием. Отцом св. Софии Слуцкой был Юрий III, а не Юрий II (s. 81), а Омеленец, место ее праведной кончины, находится не под Минском, а под Брестом, в бывшем родовом имении Радивиллов на Подляшье. Неточностей подобного рода в книге очень мало, учитывая временной охват издания. Текст скорее отличается выверенной точностью приводимых дат, имен и названий.

Безусловно, книга Я. Харкевича является весомым вкладом в польскую агиографию. Она написана хорошим литературным языком, читается увлекательно. По качеству издания и, особенно, подбору иллюстративного материала издание превосходит белорусские аналоги о житиях святых Белорусской Православной Церкви. Хочется не только выразить благодарность автору за его труд, но и пожелать дальнейших плодотворных успехов в изучении и написании житий православных святых.

Журнал «Аспект» - международное электронное периодическое издание, предназначенное для публикации произведений в области социальных и гуманитарных наук.

Журнал издается совместно :

- «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Сѐбија) www.carsa.rs
- Сетевой научно-просветительский проект "Западная Русь" (Минск) http:// apadrus.su

Доступ к изданию: Сайт журнала — http:/ aspects.su/

Периодичность выпуска: ежеквартально (четыре номера в год).

Журнал зарегистрирован **Национальным ISSN центром Сербии**

при Национальной библиотеке Сербии в Белграде:

Аспект (Online)

ISSN **2560-3752** (Online)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Сѐбија

aspect.journal@gmail.com

Главные редакторы:

- Зоран Милошевић, доктор социальных наук, директор «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Сѐбија);
- Игорь Федорович Зеленковский, член Союза писателей России, руководитель научно-просветительского проекта «Западная Русь» .

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд **14.03.2017.**

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_**Аспект (Online)**__

Добила је свој ISSN **2560-3752** . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN **2560-3752** (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

ISSN INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић

Редакционный совет:

- Александр Викторович Гегальчий, публицист, попечитель Международного фонда «Русская премия»(Прага)
- Александр Дмириевич Гронский, кандидат исторических наук (Минск)
- Александр Александрович Киселев, кандидат исторических наук (Минск)
- Анатолий Юрьевич Аврутин, поэт, член Союза писателей России и Беларуси (Минск)
- Валентина Анатольевна Теплова, кандидат исторических наук (Минск)
- Всеволод Владимирович Шимов, кандидат политических наук (Минск)
- Кирилл Владимирович Шевченко, доктор исторических наук (Минск)
- Юрий Глебович Аверьянов, историк, публицист (Москва)

Правила представления авторами рукописей:

1. Рукописи публикаций в журнале «Аспект» (далее – Журнал) представляются авторами по электронной почте с помощью встроенной формы по адресу aspect.journal@gmail.com

2. Рукопись предоставляется в редакцию на русском, сербском, английском языках в формате doc или r . Параметры оформления: размер листа А4, ориентация страницы – книжная, сноски — концевые автоматические, список литературы в конце с дополнительной транслитерацией. Обязательно указание УДК статьи. Название статьи на языке автора, русском и английском, ключевые слова на языке автора, русском и английском, аннотация на языке автора, русском и английском. Также к статье в отдельном файле подается фотография автора, информация об авторе на языке автора, русском и английском,

инициалы, фамилия, на языке автора, русском и английском.

Иллюстрации пронумерованы и соответствуют отдельно приложенному списку иллюстраций, указанных в тексте.

3. Материалы, поступающие в редакцию, проходят научную экспертизу. Рецензии автору не высылаются. Редакция вправе отказать в опубликовании статьи без объяснения причин. Плата за публикацию не взимается. Гонорары авторам не выплачиваются. Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения редакции журнала.

4. В случае принятия решения о публикации материала в Журнале редакция сообщает об этом автору (авторам) по электронной почте. Затем им высылается файл с текстом, прошедший редактуру. В случае согласия на публикацию материала в Журнале в таком виде, автор (авторы) пересылают в редакцию скан текста со своей подписью. По опубликовании статьи автор получает уведомление об этом и актуальную ссылку.

Правила пользования журналом

Полное или частичное воспроизведение публикаций в любой форме возможно только с официального разрешения редакции и с обязательным указанием источника (при размещении в сети Интернет активная и индексируемая ссылка обязательна).

ASPECT - Humanities and Social science magazine.

It published four issues a year.

Magazine website: http:/ aspects.su/

Аспект (Online)

ISSN **2560-3752** (Online)

Published jointly by:

- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs
- Scientific d educati nal project "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editor in Chief:

- Zoran Milosevic Doctor of Social Sciences, Director "Center for Academic word"(Belgrade)
- Igor F. Zelenkovsky, member of the Union of Writers of Russia, head of the project "Western Russia"

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

aspect.journal@gmail.com

Editorial Council:

- Alexander Gegalchy, publicist, Trustee of the International Fu d "Russian Award" (Prague)
- Alexander Dmirievich Gronskii, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Alexander Kiselev, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Anatoli Yurevich Avrutin, oet, member of the Union of Writers of Russia and Belarus (Minsk)
- Valentin A. The heat, Candidate of Historical Sciences (Minsk)
- Vsevolod Shimov Candidate Politi al Science (Minsk)
- Kirill Shevchenko, Doctor of Historical Sciences (Minsk)
- Glebovich Yury Averyanov, historian, publicist(Moscow)

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд **14.03.2017.**

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_**Аспект (Online)**__

Добила је свој ISSN **2560-3752** . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN 2560-3752 (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић